ОГИЗ
ИЗОГИЗ
МОСКВА
ЛЕНИНГРАД
1932

10 рабочих клубов Москвы

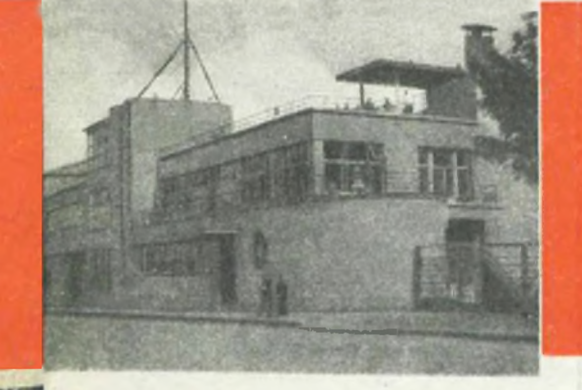
5 Клуб „Буревестник"

6 Клуб „Пролетарий"

8

Клуб „Ротфронт"

Клуб имени тов. Русакова

ЕСЯТЬ РАБОЧИХ КЛУБОВ МОСКВЫ

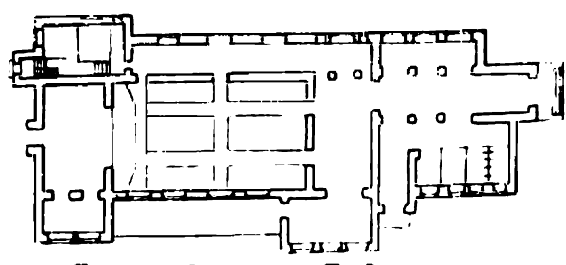
Клуб имени т. Дзержинского

10

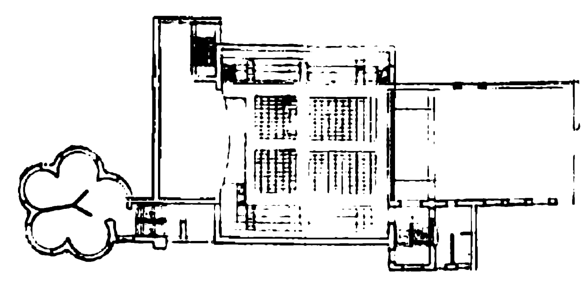
Клуб „Свобода"

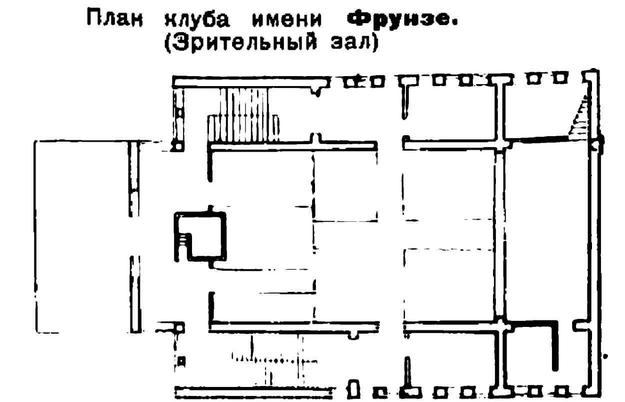

План клуба имени **П. Алексеева.**
(Зрительный зал)

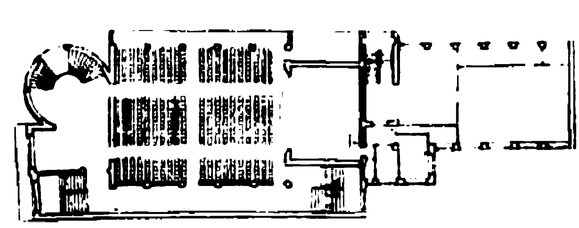

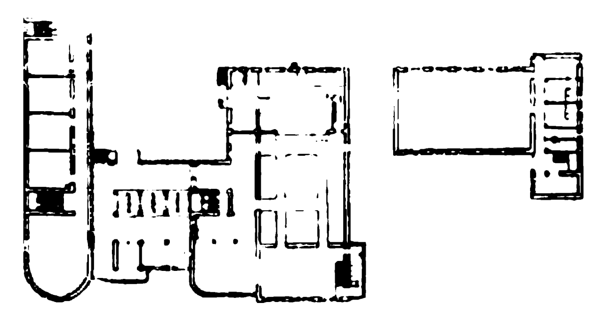
План клуба **„Буревестник"**.
(Зрительный зал)

План клуба имени **Фрунзе.**
(Зрительный зал)

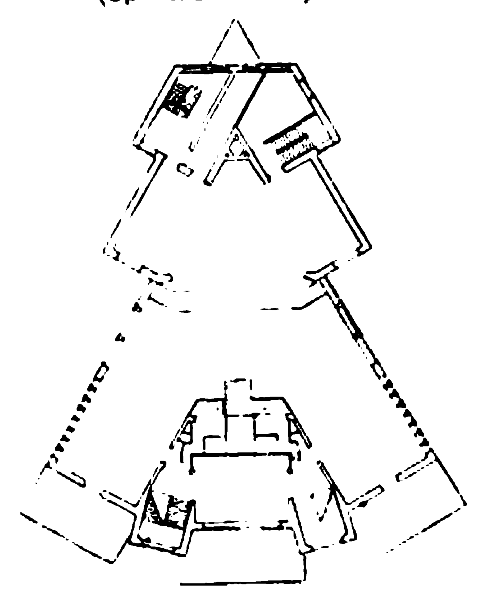
План клуба имени **Зуева.**
(Зрительный зал)

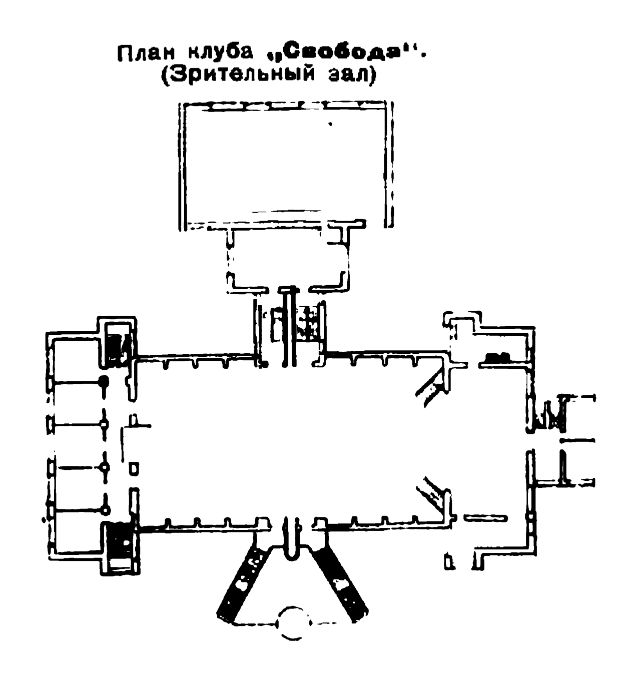

План клуба имени **Дзержинского.**
(Зрительный зал)

План клуба имени **Русанова.**
(Зрительный зал)

План клуба **„Свобода"**.
(Зрительный зал)

государственная академия

искусствознания

архитектура клубного здания

1 клуб им П. Алексеева

2 клуб им Фрунзе

3 кл. Красные текстильщики

4 клуб имени Зуева

5 клуб „Буревестник“

10 рабочих клубов Москвы

клуб „Пролетарий"

6

клуб „Ротфронт"

7

клуб им. Русакова

8

клуб им. Дзержинского

9

клуб „Свобода"

10

ИЗОГИЗ
1932
МОСКВА ОГИЗ

Редактор В. С. КЕМЕНОВ, техническая редакция С. Д. ЗАСКАЛЬНОГО и М. А. ИЛЬИНА. Суперобложка, обложка и оформление текста М. А. ИЛЬИНА-(Москва). Репродуцированные фото выполнены Кабинетом эксперементальной и прикладной фотографии ГАИС, Д. Козловым и М. А Ильиным. Уполномоченный главлита 15915. Зак. № 1710 Тираж 5000 экз. Типография газеты „ПРАВДА", Москва, Тверская, 48.

вместо предисловия

Строительство новых рабочих клубов и дворцов культуры занимает виднейшее место в программе нашего капитального строительства по линии культурных учреждений. В течение 1931 г. одними лишь профсоюзами вложено 34 млн. руб. в строительство клубов и дворцов культуры в рабочих центрах и при новых стройках. Новые рабочие клубы являются крупнейшим достижением культурной революции, всего нашего строительства. Между тем архитектурная проблема рабочего клуба до сих пор даже не поставлена во всем ее об'еме ни перед нашими архитектурными кругами, ни перед рабочей общественностью.

Обилие совершенно случайных и произвольных решений, — вот чем характеризуется архитектурная разработка этой темы за последние годы. Результатом такого положения вещей является наличие ряда неудовлетворительных построек, не отвечающих ни тем идеологическим требованиям, которые должны быть пред'явлены к архитектурному оформлению рабочего клуба как центра культурно-политической жизни пролетарской массы, ни элементарным условиям технической целесообразности, могущим обеспечить наиболее полное развертывание различных процессов клубной работы в здании клуба. В ряде новых клубных сооружений мы сталкиваемся с искажениями самого существа клубного института, с непониманием основных функций рабочего клуба в реконструктивный период. С этим моментом неразрывно связано обилие чуждых пролетарской культуре формальных решений архитектурного облика клубных зданий.

Изданные отдельными профсоюзами и др. учреждениями альбомы типовых проектов для клубного строительства не внесли еще нужного перелома в это дело, так как в большинстве случаев эти типовые проекты лишь фиксируют более или менее приемлемые количественные нормы клубных зданий, вовсе не отвечая на вопрос о самом архитектурном подходе к этой теме и не давая сколько-нибудь четких указаний о принципах планировки и архитектурного оформления клуба.

Группа по изучению архитектуры рабочего клуба Государственной академии искусствознания поставила своей задачей — выяснить на конкретных примерах нового клубного строительства те основные требования, какие должны быть пред'явлены к архитектуре и внутреннему оформлению рабочего клуба; для этого было проведено обследование 10 наиболее значительных клубных зданий Москвы, выстроенных в течение последних строительных сезонов. РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ БОЛЬШИНСТВА КЛУБОВ ПОДВЕРГАЛИСЬ ОБСУЖДЕНИЮ В СТЕНАХ САМОГО КЛУБА, СРЕДИ ЕГО РАБОТНИКОВ, РАБОЧЕГО АКТИВА И РЯДОВЫХ ЧЛЕНОВ. Доклады, прочитанные в клубах участниками группы, вызвали оживленную дискуссию среди клубного актива, что говорит о большом интересе рабочих к проблемам клубной архитектуры. В этих дискуссиях был подвергнут резкой критике целый ряд новых клубных зданий Москвы и четко поставлен вопрос о решительной перестройке всей архитектурной работы над этим важнейшим об'ектом культурного строительства.

Доклады эти составили содержание настоящей книги, задача которой — дать нашим архитектурным кругам, и прежде всего самим клубным работникам, клубному активу, материал для правильной постановки тех требований, которые должны пред'являться к архитектуре и внутреннему оформлению при проектировании и создании нового клуба. Значительную часть в этих докладах-очерках занимает критика конкретных построек — десяти новых московских клубов. Думается, что показ ошибок и дефектов, допущенных в этих постройках, даст вместе с тем ряд существенных положительных указаний для дальнейшего клубного строительства.

В предлагаемых очерках авторы старались избегать чисто технических расчетов и схем, они задавались лишь целью — дать разбор основных принципов планировки и оформления клубного здания. Этот разбор затрагивает следующие вопросы:

ПЛАНИРОВКА КЛУБНОГО ЗДАНИЯ (в частности, соотношение отдельных секторов клубной работы — зрелищного, клубно-кружкового, физкультурного, детского и т. д.);

ПЛАНИРОВКА И ОФОРМЛЕНИЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА (а также фойе, гардероба и др.);

ПЛАНИРОВКА И ОФОРМЛЕНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ СОБСТВЕННО КЛУБНОЙ РАБОТЫ (кружковые, учебные комнаты, библиотека и др.);

ОФОРМЛЕНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ ФИЗКУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА;

ВНУТРЕННЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ КЛУБНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ (в частности, проблема клубной мебели).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ В КЛУБЕ (плакат, картина, фреска, скульптура) затрагивался лишь отчасти, т. к. эта область требует, конечно, специального обследования.

В конечном итоге анализ этих отдельных вопросов приводит нас к основной теме данной работы — к ПРОБЛЕМЕ АРХИТЕКТУРЫ РАБОЧЕГО КЛУБА КАК ВЫРАЖЕНИЯ КЛАССОВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ.

В пределах указанного общего перечня и производились описание и разбор архитектуры и внутреннего оборудования новых клубных зданий, причем перечисленные вопросы охвачены в предлагаемых докладах-очерках неравномерно, поскольку отдельные об'екты не давали достаточно материала для тех или иных из указанных проблем. Надо иметь в виду также, что каждому из участников группы предоставлялась возможность варьировать основную схему обследования в зависимости от характерных особенностей каждого здания; этим и обусловлено то обстоятельство, что в одних очерках больше внимания отдано одним вопросам, в других — другим.

Итоговая статья, являющаяся результатом коллективной работы группы, пытается суммировать ряд выводов из архитектурного опыта постройки 10 рабочих клубов и наметить некоторые существенные проблемы, стоящие в равной мере и перед архитекторами и перед клубным активом.

ЛИЦОМ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ, ЛИЦОМ К ГИГАНТСКИМ ЗАДАЧАМ РЕКОНСТРУКТИВНОГО ПЕРИОДА, К ГИГАНТСКИМ ЗАДАЧАМ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИ—

поворачивается вся работа клубов и дворцов культуры, перестраивается вся культурно-просветительная деятельность профсоюзов.

Архитектура должна служить этим же задачам, должна сама явиться одним из элементов этой перестройки, должна действенно участвовать в строительстве культуры пролетариата.

Эта основная установка и является руководящей мыслью предлагаемой книжки, рассчитанной на широкий круг клубных работников и активистов, на архитектурную молодежь, на всех, интересующихся вопросами нашей художественной культуры и клубного строительства.

Клуб им. П. Алексеева выстроен в 1927 г. профсоюзом текстильщиков по проекту Л. А. Веснина. Находится в Михалкове за Петровско-Разумовским.

клуб им. п. алексеева

н. и. брунов

Московский областной отдел профессионального союза текстильщиков приступил весной 1927 г. к клубному строительству ●. В то время это дело было совершенно новым, и никаких подготовительных работ, никакого опыта в распоряжении инициаторов не имелось. Была создана специальная техническая комиссия с участием архитекторов и инженеров, которая выработала четыре основных типа рабочих клубов: тип А, рассчитанный на фабрики с количеством рабочих от 1 000 до 3 000 человек, с зрительным залом на 500 мест и 10—12 клубными комнатами; тип Б — на 3 000 — 4 000 рабочих, зал на 700 мест, 14—15 комнат; тип В — на 4 000—7 000 человек, зал на 1 000 мест, клубных комнат 15 — 18, наконец, тип Г — для фабрик, где работает свыше 7 000 человек, зрительный зал на 1 500 мест, 20 клубных комнат, кроме того, спортивный зал и специальная аудитория.

В марте 1927 г. был выполнен архитектором Л. А. Весниным проект для клуба типа А, по которому были выстроены здания в Ростокине, на фабрике «Пролетарий», Серпуховского района, на Савинской фабрике, около ст. Обираловка и в Михалкове. Л. А. Веснин сам не принимал участия в широко развернувшемся с тех пор клубном строительстве облотдела, он даже не принимал участия в возведении зданий типа А по его проекту, но проект этот имел очень большое значение в дальнейшем строительстве клубов московских текстильщиков, и ряд основных черт, отличающих проект Л. А. Веснина, был принят и разработан в других проектах различных типов и в выполненных по ним зданиях.

Задачей настоящей статьи является разбор архитектуры здания клуба в Михалкове, построенного по проекту Л. А. Веснина. Клуб в Михалкове начали строить в июле-августе 1927 г. и окончили его вчерне в 1928 г., а окончательно в 1929 г. Сообразуясь с местными условиями, проект клуба переработали, приняв план, который является как бы «зеркальным» отображением плана Веснина; таким образом, правая

● См. М. Бабицкий. Клубное строительство текстильщиков. „Стр. Москвы", 1928, № 7.

сторона вдоль главной продольной оси оказалась перенесенной налево, а левая сторона — направо. Кроме того, управление строительного контроля нашло главный вход в клуб слишком маленьким и потребовало устройства второго входа. Эта задача была очень хорошо разрешена тем, что на стороне сада поместили другой широкий вход, который связал здание клуба с парком. Клуб обошелся в 26 р. 50 к. за м³.

Рабочие новым зданием клуба, как удалось установить из опросов, не совсем довольны, они указывают на ряд недостатков. Облотдел профсоюза со своей стороны считает, что, имея ряд недостатков, клубное здание в Михалкове в основном все же удовлетворяет поставленным ему требованиям.

Рабочие указывают на следующие недостатки: зрительный зал, рассчитанный на 450 человек, слишком мал и не вмещает всех желающих присутствовать на зрелищах. На фабрике имени Петра Алексеева, к которой приписан клуб, работает постоянно около 2 000 рабочих, к которым присоединяются сезонники (этим летом их было до 1 500 человек). Кроме самой фабрики, клуб обслуживает большой округ. Зрительный зал не в состоянии вместить то огромное количество людей, которое стремится в него попасть. Кроме того, рабочие указывают на отсутствие в новом клубном здании зала для физкультуры, в котором чувствуется большая потребность. Физкультурные упражнения происходят на сцене зрительного зала, где постоянно стоят гимнастические аппараты. Сцена темная и ни в какой мере не подходит для массовой гимнастики с аппаратами.

Жалуются на отсутствие комнаты для драмкружка, на то, что духовой оркестр из рабочих занимается в подвале, в комнате, из которой звуки проникают в соседние помещения и мешают другим занятиям.

Отсутствие специального зала для физкультуры и недостаточность размера зрительного зала об'ясняются тем, что архитектор был связан условиями заказа типа А. Можно поставить ему в вину только отсутствие удовлетворительной курительной комнаты, помещение для которой не предусмотрено. Что же касается комнат для различных занятий, то они в клубе имеются, но ряд клубных помещений занят под жилье рабочих. Так, в специальном подвальном помещении, предназначенном для тира и специально, в связи с этим, оборудованном, устроено общежитие для работниц; в одной из клубных комнат поселился ткацкий мастер с фабрики; аналогичным образом заняты и некоторые другие комнаты. Таким образом, помещения для клубной работы, в которых ощущается нужда, используются не по своему назначению. Поэтому значительную группу отмечаемых рабочими недостатков следует отнести уже не к недостаткам здания как такового, а к неправильной его эксплоатации.

Здание клуба фабрики имени Алексеева представляет собой особый тип клубной архитектуры последних лет, который сильно отличается от большинства московских клубов. Это — загородное клубное здание, при проектировке которого зодчий не был

Боковой фасад клуба им. П. Алексеева.

стеснен небольшими размерами отведенного ему участка, и это легло в основу его проекта. В то время как большинство московских и вообще городских клубных зданий развивается в значительной степени в высоту, и многоэтажные башни и лестницы играют у них очень большую роль. здание клуба имени Алексеева сильно растянуто в длину, низко, по сравнению с его протяженностью по горизонтали, его наружные массы как бы стелятся по земле. Только часть здания клуба имеет второй этаж.

Эта возможность не считаться с размерами площади клубного здания позволила архитектору принять такую схему основных помещений клуба, которая дает последнему очень большие преимущества. Я имею в виду расположение зрительного зала в нижнем этаже. Эта особенность отличает клуб имени Алексеева от большинства московских клубных зданий, в которых в первом этаже обычно расположено фойе, а над ним, во втором этаже, — зрительный зал.

В нашем клубе весь нижний этаж занят зрительным залом и связанными с ним помещениями, которые образуют совершенно замкнутый в себе и законченный комплекс клубных помещений, связанных со зрительным залом.

Весь нижний этаж разделен на два комплекса помещений: фойе и примыкающие к нему комнаты, за которыми следуют зрительный зал и ряд связанных с ним специальных помещений. Фойе очень большое и вполне обслуживает то количество людей, на которое рассчитан зрительный зал. Сюда входят не только почти квадратное помещение собственно фойе перед залом, но и довольно широкий коридор, который является непосредственным продолжением фойе и который примыкает к одной из длинных стен зрительного зала, сообщаясь с ним рядом дверей. В глубине этого коридора дверь ведет в специальные помещения, связанные со сценой. К коридору снаружи примыкает открытая терраса, сообщающаяся с ним дверьми. Описанный коридор является очень остроумным добавлением к фойе. Благодаря коридору прежде всего очень значительно увеличивается площадь самого фойе, причем создается пространство, промежуточное между собственно фойе и зрительным залом. Еще важнее то, что благодаря коридору очень сильно увеличивается протяженность стены, непосредственно отделяющей зрительный зал от фойе, что дает возможность значительно увеличить количество дверей, через которые зал сообщается с фойе, вследствие чего устраняется давка. Кроме того, благодаря устройству этих дверей с одной узкой и одной широкой стороны зала достигается равномерное распределение входящих зрителей по различным частям зала. Благодаря дверям, ведущим на террасу, увеличивается и общее количество дверей, ведущих снаружи в фойе. Конечно, наружная дверь в коридоре фойе и примыкающая к ней наружная терраса рассчитаны для летнего времени, но и это очень важно, так как наплыв зрителей в клуб летом бывает особенно велик. Вообще вопрос о входах в клуб разрешен очень удачно целой системой больших дверей, которые ведут снаружи прямо в фойе. Две группы дверей являются основными входами. Это — широкий проход спереди, со стороны улицы, и не менее широкий проход со стороны сада под прямым углом к первому. Со стороны сада над входом имеется навес от дождя. Кроме этих двух основных групп дверей и двери, соединяющейся балкой с коридором, против входа со стороны сада в противоположной длинной стене фойе есть еще ведущая наверх лестничная клетка, вход в которую прямо снаружи. Эта лестничная клетка открывается в фойе широкими дверями, которые, в случае нужды, тоже могут быть использованы. В общем проблема входов в фойе разрешена очень хорошо. Имеется большое количество дверей, которые обладают более чем достаточной пропускной способностью, ведут в различные части фойе и расположены с трех различных сторон клубного здания.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА В НИЖНЕМ ЭТАЖЕ ДАЕТ ОГРОМНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО:

отпадает промежуточный слой лестниц между фойе и зрительным залом, значительно удлиняющих путь следования зрителя и легко создающих затор во время

движения. Это заставляет признать очень удачным расположение зрительного зала клуба имени Алексеева в нижнем этаже. Однако данное решение достигнуто за счет увеличения площади, занятой клубным зданием. Такой перерасход площади имеет свое оправдание в отношении клубного строительства.

Весь клуб должен дать отдых рабочему.

Поэтому нецелесообразно заставлять его лазать по лестнице и толкаться в толпе. С другой стороны, расположение зрительного зала внизу приближает его к природе, когда клуб, как это имеет место в нашем случае, стоит в парке.

Под гардероб выделен угол фойе, расположенный между двумя главными группами входных дверей (с улицы и из сада). Распределение и величину гардероба следует признать удачными. Ныне гардероб не работает, но прошлой зимой, когда им пользовались, гардероб, по рассказам рабочих, вполне выполнял свое назначение, и процесс раздевания и одевания зрителей проходил в общем удовлетворительно. Справа от входа с улицы в фойе расположены уборные, курительная и комната администрации, слева, около входа из сада — парикмахерская.

Очень остроумно расположен буфет. Фойе расширяется около зрительного зала в особое помещение для буфета, выступающее снаружи из линии зрительного зала и фойе и сообщающееся с открытой террасой, на которой летом должны стоять столики

Зрительный зал отличается хорошей видимостью и слышимостью, он имеет прямоугольный план и довольно сильный под'ем пола. Недостатком является полная изоляция сцены от зрительного зала. К зрительному залу примыкает клетка сцены, возвышающаяся снаружи над зрительным залом и имеющая в задней стене дверь, ведущую непосредственно наружу и предназначенную для того, чтобы проносить декорации прямо на сцену. К сцене с одной стороны примыкают комнаты для бутафории а с другой стороны — коридорчик, из которого одна дверь ведет в коридор фойе, а другая — в сад, перед ней — лестница, ведущая под сцену и в три подвальных комнаты. Против входа на сцену из коридорчика расположены двери в две уборные для артистов.

Комнаты для клубной работы расположены наверху. Такое отделение комплекса зрительного зала и связанных с ним комнат от комплекса комнат для клубной работы имеет значительные преимущества в том смысле, что оба комплекса могут функционировать совершенно независимо друг от друга, так как происходящее в зрительном зале и фойе ни в коем случае не может мешать клубной работе, тем более, что клубные комнаты имеют свой отдельный вход. Вместе с тем они соединены с фойе, и посетитель может пользоваться по очереди комплексом клубных комнат и комплексом зрительного зала, переходя непосредственно из одного в другой ●.

Широкая лестница ведет наверх и выходит в коридор, по сторонам которого расположено много комнат различных размеров. Прямо против лестницы помещается более

● Облотдел профсоюза текстильщиков считает недостатком проекта Веснина то, что комплекс клубных комнат не имеет отдельного гардероба.

крупная комната для собраний (в проекте она названа «комнатой отдыха»), из которой дверь ведет на плоскую крышу фойе, оформленную в виде балкона. Слева от комнаты для собраний, в промежутке между нею и большой и очень светлой угловой читальней, расположена библиотека, отделенная от коридора стеклянной перегородкой. Такое расположение библиотеки, конечно, очень неудобно. Работники клуба жалуются, что при теперешнем расположении библиотеки библиотекарь не видит того, что происходит в читальном зале. Этому можно было бы помочь устройством широкого окна между ними.

Помимо всех этих помещений, в верхний коридор выходят семь небольших комнат для кружковых занятий, из которых три заняты ныне под жилье, и дверь кинобудки зрительного зала, а также дверь маленького открытого балкончика на улицу.

Ниже уровня фойе расположена комната, специально оборудованная под тир, но ныне занятая под общежитие. Это помещение тира, отделенное как от комплекса зрительного зала, так и от комплекса комнат для клубной работы, является как бы зачатком третьего большего клубного комплекса (помещений для физкультуры), не развитого архитектором в соответствии с условиями заказа.

В итоге рассмотрения отдельных помещений клуба имени Алексеева нельзя не отметить продуманности как общего распределения отдельных комплексов по отношению друг к другу, так и группировки комнат в пределах каждого из этих комплексов. Недостатки клубного здания состоят в отсутствии двух комплексов клубных помещений — детского и физкультурного. Помимо этого, неудовлетворительны размеры курительной комнаты в комплексе зрительного зала, и нет хорошо оборудованного помещения для библиотеки в комплексе комнат для клубной работы.

Всякое архитектурное произведение есть диалектическое единство техники и идеологии, так что в здании, как в художественном организме, производственные отношения отражаются, с одной стороны, непосредственно, а с другой — через идеологию того класса, которым оно создано.

Мы рассмотрели здание клуба имени Алексеева с точки зрения функционального назначения его помещений, с точки зрения того графика движения, который лежит в его основе и которым определяются распределение помещений, их величина и соотношение друг с другом. В этом смысле хороший результат получается в силу того, что здание в целом или в части соответствует своему назначению, что архитектурное произведение хорошо работает, как машина, не затрудняет, а, наоборот, облегчает пользование им, выполняя пред'являемые к нему требования. И мы должны были признать, что в целом задача клубного здания, с известными оговорками, решена удовлетворительно. Мысль архитектора направлена на то, чтобы без всяких фантазий и ухищрений построить помещения, в которых с удобством можно было бы выполнять те процессы, для которых они предназначены. Это стремление к простоте и

трезвости, и жизненной практичности сказывается и в обработке каркаса стен, потолков, и столбов, которые оформляют пространство остальных помещений. Клуб выстроен из кирпича; отсюда вытекают довольно толстые, непрерывные стены, пробитые сравнительно небольшими окнами. Внутри и снаружи все стены и столбы окрашены в белый цвет. Наружный облик здания является отражением его внутреннего устройства. Нет никаких ухищрений, чтобы сгруппировать массы по той или иной схеме или в расчете на то, чтобы произвести то или иное впечатление на зрителя. Здание выше в тех местах, где принятая система расположения помещений требовала поместить комнаты второго этажа или сильно возвышающуюся над зрительным залом сцену. Там, где к одним помещениям примыкают другие, ориентированные иначе, напр., лестничная клетка к фойе и др., их соотношение отражено и в обработке наружного вида здания. Нет и намека на фасад, на то, чтобы выделить какую-либо одну сторону. Группы помещений или даже отдельные комнаты оформлены снаружи, как замкнутые в себе вещи, которые приставлены друг к другу так, как это нужно из практических соображений. Снаружи нет никаких декоративных деталей, стены прорезаны окнами там, где это нужно для соответствующего освещения внутренних помещений. Парапеты террасы над кровлей фойе образуют вместе со стенами под ними цельные, непрерывные плоскости, чем увеличиваются плоскости некоторых стен. С этой логической простотой несколько неприятно контрастируют наружная надпись над входом с улицы, дающая путанную и неуравновешенную композицию, планки для электрических лампочек во время иллюминаций, прибитые на некоторых угловых гранях со стороны улицы и стушевывающие эти грани, рисунок некоторых водосточных труб, а также круглая, вычурная форма слуховых окон на длинных сторонах здания. Все эти детали являются изменением или добавлением к проекту Веснина. В общем же внешняя архитектура клубного здания в Михалкове не допускает ничего лишнего, дает только те архитектурные элементы, которые практически нужны. То же самое относится к пропорциям здания. Архитектор придавал отдельным частям своего здания такие пропорции, которые желательны из практических соображений и вместе с тем не слишком режут глаз.

Отдавая должное практичности архитектора здания, необходимо, однако, со всей силой подчеркнуть, что он односторонне понимает задачи архитектуры.

В здании совершенно отсутствует активное воздействие на посетителя клуба средствами архитектуры как искусства.

Если в композиции клубного здания красной нитью проходит линия, идущая от техники в широком смысле слова и от практических задач того или иного оформления и распределения помещений, то задача активного оформления психоидеологии посетителя вовсе отсутствует.

Архитектура здания клуба имени Алексеева — односторонне утилитарная.

В ней проведено единство не диалектическое, не единство противоположностей, а единство статическое, как одностороннее выделение утилитарно-технических проблем.

Можно ли назвать архитектуру клуба имени Алексеева пролетарской архитекту-

рой? Конечно, нет, потому что идеология пролетариата как класса ни в какой мере не определила собой архитектурной композиции. Нет принципиального различия между таким зданием в СССР и в Западной Европе, как нет принципиального различия между паровозом, выстроенным в 1930 г. на Красном Сормове, и таким же паровозом, построенным в Берлине или Нью-Йорке. Различие наступает как в паровозе, так и в нашем клубном здании только в тот момент, когда они начинают эксплоатироваться, так как в Западной Европе и в СССР совершенно одинаковые машины используются для совершенно различных целей: там — для наживы небольшой кучки людей путем безжалостной эксплоатации трудящихся здесь — для строительства социализма. Разница между практической вещью и художественным произведением и будет заключаться в том, что в первом случае этот общий смысл самой работы вещи никак не отразится на ее оформлении, которое целиком будет подчинено механическим законам, в то время как в художественном произведении его оформление целиком будет проникнуто идеологическим содержанием, потому что задачей произведения искусства является, в свою очередь, оформлять психоидеологию тех, кого оно обслуживает. ИЗ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ УТИЛИТАРНОГО И ПОЛУЧАЕТСЯ ЕДИНСТВО АРХИТЕКТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИСКУССТВА.

Единство архитектурного произведения требует цельности архитектурного мышления, его сознательной логичности и последовательности. По отношению к произведению архитектуры в целом и к отдельным его частям всегда можно задать вопрос, почему архитектор дал такое, а не иное оформление? Почему архитектор придал такому-то архитектурному элементу именно этот размер, именно такую форму, а не какую-либо иную? И ответ на каждый из этих вопросов должен вскрыть в каждом отдельном случае определенное отношение технического и идеологического рядов. В нашем случае на вопрос «почему?» архитектор каждый раз сможет дать ответ; но этот ответ будет чисто утилитарным, односторонним и недиалектичным.

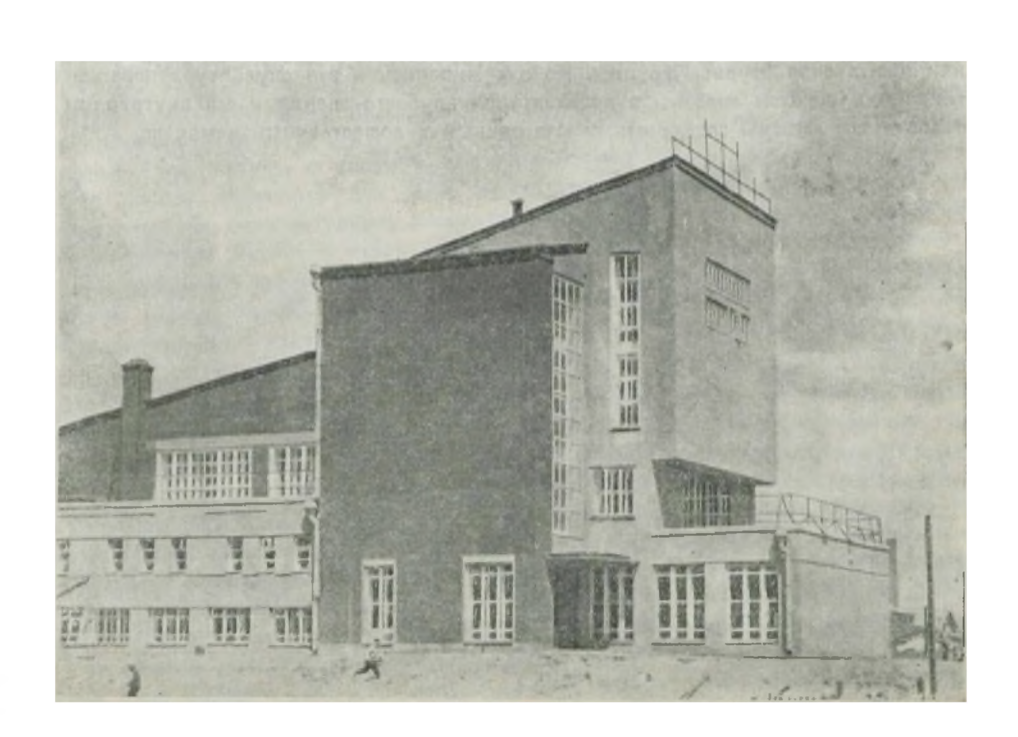
Необходимо осветить еще одну сторону нового здания клуба им. Алексеева. Перед нами — ансамбль здания и парка,— клуб связан со старым парком бывшей помещичьей усадьбы в Михалкове, от которой сохранился большой прекрасный парк, еще в XVIII в. разбитый правильными аллеями и дорожками и украшенный прудами и беседками, а также полукруглый двор в сторону фабрики, с тремя группами башен по сторонам ворот, причем одна группа находится рядом с клубом. Парк дает прекрасные возможности для организации отдыха рабочих фабрики им. Алексеева, и эти возможности попытались использовать строители клуба, связав последний с парком, причем эта связь особенно подчеркивается открытыми террасами клуба со стороны парка. Здание клуба удачно расположено на краю парка, так что клуб одной короткой стороной выходит на улицу, а двумя сторонами — в парк; при этом одна из аллей парка ведет прямо к садовому входу в клуб, и деревья подступают к самому клубному зданию. Благодаря такому расположению клуб одновременно обращен и на

дорогу и в парк, который может быть широко использован летом для деятельности клуба.

Очень существенным недостатком клуба им. Алексеева является полная случайность его внутреннего оборудования. В клубных помещениях находится мебель самого различного происхождения, которая не только не стоит ни в какой связи с архитектурой клубного здания, но часто ей прямо противоречит. Характерно, что архитектору был заказан только проект самого здания, при этом совершенно не предусматривалось оформление внутреннего оборудования, которое ведь на самом деле является неот'емлемой частью архитектурного комплекса и должно быть подчинено единому методу архитектурного мышления. Только при этом условии можно достигнуть полного единства архитектурного произведения. Внутреннее оборудование может и должно воздействовать на психоидеологию посетителя клуба.

Другим мощным средством такого воздействия являются ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА: ЖИВОПИСЬ, СКУЛЬПТУРА, статуи и рельефы как (главным образом) внутри здания, так даже и снаружи. Из кирпичной техники клубного здания в Михалкове вытекают сравнительно большие непрерывные стенные плоскости, которые могут быть легко использованы как для фресковых росписей, так и для развески отдельных картин. В парке, примыкающем к клубу, могут быть расставлены статуи или целые скульптурные группы. Но эта живопись и эта скульптура должны быть теснейшим образом связаны с архитектурой клубного здания и его внутренним оборудованием, должны составлять вместе единый художественный комплекс.

Клуб им. Фрунзе выстроен в 1928 г. профсоюзом химиков по проекту К. С. Мельникова. Находится на Бережковской набережной, напротив б. Ново-девичьего монастыря.

клуб имени фрунзе

наталия соколова

Рабочие, принимавшие участие в обсуждении результатов обследования клуба химиков завода им. Фрунзе, единодушно вынесли приговор своему клубу:

«Не годится для клубной работы. Отдать под элеватор или склад».

Одинаково сурово были осуждены и заказчики, не продумавшие задания, и архитектор К. С. Мельников. Последний, по их мнению, пришел к неудачному индивидуалистически случайному решению задачи. Ни местоположение, ни организация внутреннего пространства, ни характер архитектуры не удовлетворили их.

Как в процессе планирования, так и в художественном методе были допущены ошибки, в результате которых после 2-х лет прозябания, протянув еще годполтора, клуб как таковой умрет. И «прекрасная» архитектурная форма, рожденная на ложной основе, только ускорит его гибель.

Клуб построен в 1928 г. на огромном пустыре, вблизи завода. Облака пыли, свалка, в дожди глубокая грязь — таково его непосредственное окружение до сих пор (открыт 1 января 1929 г.).

Основная масса рабочих живет от клуба далеко — на противоположной стороне Москвы-реки. Этот отрыв тяжело отражается на посещаемости клуба. В настоящее время на территории завода развертывается строительство. Пустырь застраивается бараками сезонников. Из последних можно было бы вербовать дополнительный контингент клубных посетителей, но здесь — новое противоречие: на территории гиганта оказался самый маленький из новых московских клубов (7 000 кубометров), вернее маленький театр, уже сейчас не удовлетворяющий спроса.

Повидимому, в будущем здесь вовсе не предполагается жилищного строительства. Таким образом, не выполнив своих функций в переходное время (или выполнив их в слабой мере), оторванный от своего посетителя, непригодный для обслуживания завода-гиганта клуб механически прекратит свое существование. Что касается расши-

рения здания, то характер архитектуры нашего клуба, по самому существу, запрещает расширение данного архитектурного организма без нарушения единства художественной концепции.

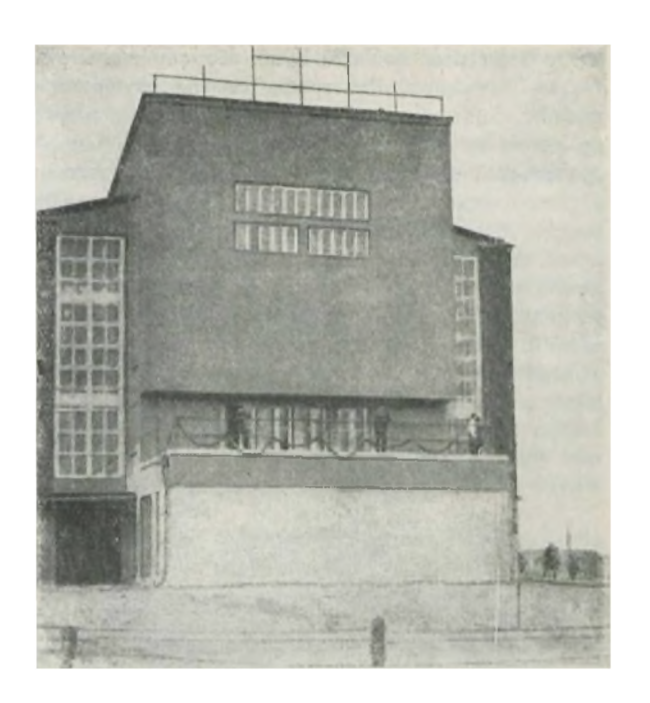
Анализ плана вскрывает обычную особенность мельниковских проектов: в центре внимания архитектора — зрительный зал (если угодно, аудитория). Первый и второй этажи отдаются целиком зрительному залу со сценой и подсобными помещениями, в первом полуэтаже фойе, вестибюль, курительная — помещения, также по существу обслуживающие публику зрительного зала. И только в 3-м этаже библиотека (без подсобных помещений) и три клубных комнаты (из них две смежных). Таким образом, только наверху, в нескольких небольших комнатках, куда надо забираться по трудной крутой лестнице, должна ютиться ежедневная будничная жизнь клуба.

Где детский сектор? Где физкультурный зал? Где читальня? Где комната отдыха? — Их нет.

Поскольку клубная жизнь не исчерпывается театральными представлениями, кино, пленарными заседаниями, постольку клубным работникам приходится в поисках дополнительной площади приспосабливать под те или иные виды работы мало пригодные помещения: так, в курительной узкой, полутемной комнате с длинным окном, прорезанным выше головы взрослого человека, помещается «пионерская». График движения пионеров ясен: через фойе, мимо гардероба и уборных. Утилизируются и артистические, связанные непосредственно со сценой: в них помещаются по одну сторону сцены парткабинет и комната сторожа (для которого помещение не предусмотрено), а по другую — музыкальный кружок. Очевидно, что никакого клубного комплекса при таких условиях нет. Вместо продуманного, функционально обусловленного планирования помещения мы имеем самое ненормальное положение, при котором в часы спектакля парткабинет, музыкальный кружок, сторож выселяются, подсобные к сцене помещения возвращаются по назначению и используются артистами; музыкальный кружок должен прекращать свою работу и в том случае, если в зале идет заседание.

Три небольших комнаты, предназначенные для кружковой работы, запроектированы в третьем этаже, чем достигается их изоляция от специфической работы, развертывающейся в зрительном зале. Изоляция, которая необходима для библиотеки, оказалась для нее на этот раз вредной: высокий, крутой под'ем отпугивает от нее читателя; поэтому библиотека вынуждена была нарушить «изоляцию» и спуститься

Фасад клуба им. Фрунзе.

вниз, в бараки, — ближе к массам. Однако при отсутствии подсобных помещений для библиотеки и читальни обеспечить тишину и развить работу библиотеки не удается.

В процессе планирования приходится принимать во внимание целую группу условий применительно к практике клубной работы. Нужно изучить живой процесс действительности с ее специфическими требованиями, а не выхватывать отдельные элементы, которые сами по себе, может быть, и очень хороши, но на практике в совокупности с другими теряют свои положительные качества.

Как мы уже указали, в центре внимания архитектора — зрительный зал с обслуживающими его помещениями. Однако и здесь следует сразу же отметить существенные недостатки: в то время как зал рассчитан на 370 мест, гардероб может с трудом вместить 250 вешалок. Фойе (особенно, если принять во внимание отсутствие специальных помещений для буфета и комнаты отдыха) тоже относительно очень мало. Выход из фойе в вестибюль вниз по лестнице узок и угрожает давкой. Фойе и сим-

метрически расположенные по обе стороны его лестничные клетки служат регуляторами движения. Повторные сеансы осуществляются легко: публика смешивается в фойе, но линии направления входящих и уходящих не сталкиваются. Из фойе по лестнице публика попадает во все три части зрительного зала непосредственно. Зрительный зал обладает целым рядом существенных достоинств. Он спроектирован в трех плоскостях таким образом, что нет резкого деления между публикой разных ярусов. Верхний ярус не нависает над нижним, везде хорошая видимость и слышимость. Но это удобство и относительное равенство условий для всей публики достигаются за счет малого количества мест. Сцена мелка, примитивна по своему устройству и больше приспособлена для заседаний, чем для театральных представлений. Современная сценическая техника не нашла себе здесь применения. Запасного выхода со сцены нет. Портальная арка, по замыслу архитектора, должна была быть выдержана в строгих линиях соответственно общему стилю здания. Однако заказчик отступил от проекта, и в результате — манерный изгиб модерна и тяжелые грандиозные гербы, не соответствующие малым размерам портала. В зале боковой верхний свет. Размер и расположение окон легко допускают затемнение.

Зрительный зал клуба им. Фрунзе.

По проекту, каждый уступ зрительного зала — балкон, бельэтаж, партер — отделяется друг от друга под'емной стеной; это дает возможность трансформировать об'ем в зависимости от потребностей клубной работы. Требования проекта в этом пункте не выполнены. Поэтому говорить, оправдала ли бы себя установка под'емной стены в условиях нашего клуба, можно только предположительно. Для эпизодической клубной работы, при условии отсутствия звукопроводности, такого рода трансформирующиеся об'емы могут иметь свой смысл. Для систематической клубной работы, требующей постоянной территории, определенного оборудования, свободного передвижения кружковцев, такого рода появляющиеся и исчезающие аудитории не приемлемы.

На время антрактов публика из зрительного зала направляется вниз по лестнице в фойе (которое при полном зале может поглотить едва половину зрителей). Фойе выполняет многообразные функции: оно пропускает посетителей кино или заседаний в вестибюль и обратно, пионеров, направляющихся в свою «курилку». Здесь стоят шахматные столики, и втиснута в угол буфетная стойка. Постоянно открытые двери связывают фойе с вестибюлем, который в то же время является курилкой. В общем комбинация неудобна и негигиенична. Фойе, на которое возложено столько задач, не может удовлетворительно выполнить ни одной.

Итак, как показывает анализ, планирование внутреннего пространства клуба произвольно. Органического клубного комплекса не получается. В центре — зрительный зал, а все остальные помещения — не более и не менее, как случайные отрезки площади. Если в прямоугольнике (план) выкроить прямоугольник меньшей площади (зрит. зал), то останутся некоторые обрезки. Такими обрезками являются комнаты для клубной работы, и отсюда — случайное происхождение той или иной комнаты нашего клуба и их конфигурация: узкий, длинный прямоугольник. Каждая комната (юнсекция, парткабинет, артистическая), как две капли воды, похожа на другую, и об'единение их случайно. Мы тщетно будем искать ключа к функциональному назначению того или иного помещения. Малая кубатура, установка на зрительный зал и, как увидим ниже, формалистически решенная архитектурная композиция безнадежно связали архитектора. Зал, фойе, боковые террасы, вестибюль — единственный комплекс, вполне приемлемый в смысле взаимного расположения частей, однако и этот «театральный» комплекс оставляет желать лучшего.

Разгрузить до некоторой степени помещение могли бы три больших открытых террасы. Однако на деле оказывается, что они всегда пусты. В северных условиях к ним не привыкли. Для того, чтобы они стали практически полезными в жизни клуба, они должны быть соответственным образом оборудованы и прежде всего должны находиться в определенной функционально обусловленной связи с прилегающей к ним площадью — физкультзалом, столовой, детской комнатой, комнатой отдыха и т. п.

В нашем же случае большая терраса переднего фасада находится при маленькой комнатке, в которой ютится правление и которая по малой своей величине не пригодна для массовой работы. Две боковых террасы в теплую погоду могут дополнять собой фойе. Поскольку они непосредственно связаны только с лестницами, где циркулирует публика, направляющаяся в фойе или в зрительный зал, значения в ежедневной, непарадной жизни клуба они не имеют. Малая кубатура клуба, казалось бы, с особою настоятельностью требовала жестокой экономии площади и максимума рационального ее использования. На деле значение трех больших террас оказывается исключительно декоративным. Следует добавить, что клубные работники не проявили со своей стороны никакой инициативы для утилизации террас: полное отсутствие мебели и близость свалки гонят прочь с террасы случайного любителя красивых пейзажей и свежего воздуха.

На примере с террасами мы имели опять-таки образчик формального подхода к явлению. При определенных условиях данный архитектурный элемент становится действенным звеном всего комплекса. Если же он трактуется формально, изолированно (как в нашем случае), то он оказывается лишь чисто декоративным (в худшем смысле) привеском.

Внутреннее оформление клуба было произведено строительной конторой ● самостоятельно, без участия архитектора. Мрачная и скучная покраска стен, тяжелые лестницы с крутыми ступенями — все это казенно и безвкусно, как в старой казарме, и только прекрасные по рисунку окна, выполненные по проекту, несут и декоративные функции. Клубные работники пытаются как-нибудь оживить убогое внутри и скучное помещение. Все «художественное» оформление они сосредоточивают в фойе; оно, к сожалению, типично: картина Бродского (подарок профсоюза), несколько пыльных пальм, плохо исполненные портреты вождей над буфетной стойкой, репсовые занавески с узлом захудалого «модерна»; плакаты и лозунги перебивают друг друга, цепляются рваными углами за занавески, пересекают стены вдоль и поперек; призывы к самокритике тесно закрыты бюстом Ильича и т. п. Никакой, конечно, организующей и эстетической роли они не несут: разобраться в их потоке при таком нагромождении невозможно. Иные от ветхости потеряли свои начальные буквы, другие частично исчезли под лозунгами нового дня.

Клубные работники подчеркивали полное отсутствие художественного руководства в декорировке клуба. Они говорили: пальмы и занавески — плохо, но выкинуть их — значит окончательно оголить помещение, лишить его последней привлекательности.

Чем их заменить, как и чем украшать суровые стены нового клуба? Вопрос декоративного оформления является больным для большинства новых клубов. Для клуба

● Следует подчеркнуть плохую и недобросовестную работу строительной конторы. Через полгода понадобился капитальный ремонт.

Фойе клуба им. Фрунзе.

им. Фрунзе — он вопиющ. Отсутствие художественного руководства в работе над внутренним оформлением нашего клуба оказало в полной мере свое пагубное влияние.

Очень плохо обстоит дело и с меблировкой. Помимо хороших, удобных кресел зрительного зала, несколько шахматных столиков, ободранных деревянных диванчиков в фойе, старые канцелярские столы, скамейки и несколько венских стульев — вот и все. Все это разношерстно, и всего этого очень мало.

Помогает ли планировка данного помещения, его оформление организации нового быта пролетариата на началах коллективизма, самодеятельности, максимальной активности? Помогает ли она воспитанию качеств, необходимых в условиях напряженной борьбы за социализм? В малой степени. Спрашивается, как же это могло случиться в Москве, в центре социалистического строительства и интенсивных исканий во всех областях идеологической жизни? Как могло случиться, что проект, далеко не первый в ряде других, осуществленных тем же автором ранее (клуб на Стромынке,

«Каучук»), оказывается примером, который должен быть тщательно изучен как опыт отрицательного порядка?

В то время (1927 г.) заказчики не могли точно сформулировать своих требований. Что же, собственно, нужно, на чем поставить акцент? Маленький театр или какая-то органическая комбинация помещений с достаточными возможностями для широкого развертывания кружковой работы? Мельников поставил акцент на первом.

Какие же задачи ставил себе сам архитектор, проектируя клуб им. Фрунзе (в реальных условиях клубного строительства 1927 г.), и какова для нас сейчас идеологическая ценность интересующего нас архитектурного явления?

Местоположение обязывало архитектора: огромный пустырь на берегу Москвы-реки, эффектный ансамбль б. Ново-девичьего монастыря — напротив. При малой кубатуре, однако, необходимо было достичь монументальности. Автор проекта организует об'ем массивными геометрическими плоскостями, комбинируя архитектурные массы таким образом, чтобы максимально развернуть их по вертикали. Центральное тело опрокинутой усеченной пирамиды, основание которой образует квадрат переднего фасада, поддерживается симметрически двумя призмами боковых фасадов. Под плоскостью главного фасада терраса, выдвинутая вперед, встречает зрителя высокой глухой стеной. Гладкая серая поверхность переднего фасада прорезается, по проекту, одним узким горизонтальным окном (в настоящее время их 2). Только красные полосы кирпичной кладки боковых стен и белая оконная решетка лестничных клеток вносят весьма сдержанный, но несомненный красочный эффект в суровую монохромность здания. Односкатная крыша, увенчанная парапетом, дает резкий срез профилю здания, благодаря чему вздыбливается передний фасад, создавая впечатление стремительного движения вверх, вперед ●.

Архитектор как будто достиг своей формальной цели: путем комбинации замкнутых в себе монохромных стереометрических тел, ограниченных четкими плоскостями, он создал впечатление монументальности, монолитности здания. Однако в результате — и чрезмерная суровость. Перед нами как бы крепостная башня, чеканно высеченная в глыбах. Слепым своим фасадом она «отшибает», как выразился один из выступавших на дискуссии рабочих. Симметрические боковые крылья и срез назад к хвосту здания, особенно в профиль, напоминают образ аэроплана.

Отлив свое здание в четкую монолитную форму, архитектор решительно боролся с изменениями, какие пытался вносить заказчик. Заказчик требовал разрушить «слепоту» здания, прорезать большим стеклом передний фасад, чтобы прибавить света в библиотеке. Художник протестовал. «Слепота» здания — одно узкое окно под крышей — способствовала впечатлению монументальности фасада ●●. Заказчик требовал расширить боковые крылья, чтоб увеличить полезную площадь для работы, — архи-

---

● Динамическая выразительность формы достигается использованием поворота зрительного зала: именно у плоскости переднего фасада приходится наивысшая часть зрительного зала — балкон, над ним библиотека.

●● Второе окно, наперекор архитектору, было прорезано.

тектор отказал, так как изменение какой-либо части здания разрушило бы замкнутую в себе архитектурную концепцию.

Отвлеченная архитектурная форма, довлевшая над художником, СТАЛА ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН, СОЗДАВШИХ НЕСООТВЕТСТВИЕ КЛУБНОГО ПОМЕЩЕНИЯ ЗАПРОСАМ ЖИЗНИ.

Данная архитектурная форма, замкнутая как станковое произведение, по самому существу своему не допускает органического расширения. А между тем стремительные темпы социалистического строительства настоятельно требуют «подвижности» архитектуры. Стабильный тип буржуазного особняка, оформлявшего быт одной семейной ячейки, отдельный замкнутый мирок, не может удовлетворить рабочий коллектив, растущий, развивающийся по иным законам.

ОСОБЕННОСТИ НОВОГО БЫТА ПРОЛЕТАРИАТА, МОЛОДОГО ВОСХОДЯЩЕГО КЛАССА, ПЕРЕД КОТОРЫМ РАЗВЕРТЫВАЮТСЯ НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, ТРЕБУЮТ ПРИНЦИПИАЛЬНО ИНОЙ СИСТЕМЫ АРХИТЕКТУРНОГО ОФОРМЛЕНИЯ.

Надо и в клубном строительстве искать такие художественные методы, которые оформляли бы сложные процессы бурно растущих коллективов.

Система самодовлеющих архитектурных образов не ответит на это задание.

Архитектор в нашем примере победил заказчика: в общем здание сохранило предполагаемую форму в целости. Но жизнь победила художника: к хвосту его «аэроплана» была пристроена огромная столовая, внешне в самом казарменном стиле. Художник ее не предусмотрел. Существо работы клуба и соображения экономии заставили слить столовую непосредственно с клубом, использовав одну из его стен, и «аэроплан» навсегда прирос своим хвостом к земле. Профиль здания, с точки зрения эстетической установки архитектора, был безнадежно испорчен, однако порча эта была продиктована жизненной необходимостью. И так в наши дни будет обстоять с каждым архитектурным произведением, построенным по принципам замкнутой в себе, самодовлеющей статической формы. Является ли эта эстетизация индустриального образа предпосылкой пролетарского стиля?

Мы должны на этот вопрос ответить резко отрицательно. Необходимо со всей четкостью вскрыть ошибки творческого метода архитектора Мельникова, который в нашем примере, как мы показали выше, шел по ложному пути от суб'ективных, отвлеченно-эстетических представлений, тогда как архитектор, решающий проблемы пролетарской культуры, должен отправляться от действенного осознания классовых задач, от непосредственного изучения живых потребностей рабочего класса, стремясь в формах монументального искусства воплотить идеологию его авангарда.

Клуб „Красные текстильщики" выстроен в 1928 г. профсоюзом текстильщиков по проекту А. Розанова Находится на Якиманской набережной, у Малого Каменного моста.

клуб „красные текстильщики"

д. м. аранович

Здание клуба «Красные текстильщики», построенное для рабочих б. Голутвинской мануфактуры (Якиманская наб., 2), не замечательно ни в каком отношении. В частности, в нем нет остро поставленных проблем новой организации внутреннего пространства. Нет в нем и оригинальных решений внешней конфигурации «Красные текстильщики» — типичный рабочий клуб в ряду новых клубных зданий последних трех лет. Но было бы неправильно думать, что отсутствие бросающейся в глаза оригинальности делает этот клуб менее интересным с общественной точки зрения, нежели другие, более «острые» клубные здания. Несмотря на свою малую оригинальность, клуб «Красные текстильщики» выдвигает перед нами возможность исследования, на основе его трехлетней практики обслуживания рабочих, двух основных вопросов клубного строительства. Первый из них касается архитектуры рабочего клуба как нового социального типа здания, предназначенного выражать психоидеологию своего классового суб'екта—пролетариата. Второй вопрос касается технической практики клуба как специфического общественного сооружения, предназначенного для определенных функций.

В высшей степени поучительна «предистория» постройки ряда наших клубов. Поучительна в том отношении, что заказчик ограничивается составлением бюрократически-формальных условий конкурса, с результатами самого конкурса не считается и в итоге поручает строить «своему» ведомственному архитектору, который и синтезирует все представленные проекты. «Предистория» «Красных текстильщиков» проще.

Проектирование клуба «Красные текстильщики» было осуществлено без конкурса, силами фабрики; клуб построен по проекту инженера текстильной фабрики А. Розанова и закончен постройкой в 1928 г.

С точки зрения типа рабочего клуба «Красные текстильщики» следует охарактеризовать как рабочий клуб ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ. Отсюда вытекают все основные достоинства и недостатки клуба в смысле условий обслуживания рабочей массы. Наиболее удобен клуб для кратковременной массовой политической работы, связанной с часами смены, так как вся масса рабочих фабрики (1 400 чел., работающих в две

смены) попадает тогда с фабрики в клуб в течение нескольких минут. В отношении всех остальных видов клубной работы, происходящих в другое время, возникают существенные препятствия, так как более половины рабочих фабрики живет на таком расстоянии от клуба, что пользование клубом для них крайне затруднительно. В этом смысле трехлетняя практика клуба «Красные текстильщики» выдвигает очень существенный вопрос: целесообразно ли строить клуб возле производства, если здесь же не расположено жилье рабочих? Работа клуба говорит о том, что подобное расположение клуба возле производства имеет смысл лишь в том случае, если здесь же расположено жилье хотя бы около половины общего числа рабочих; в противном случае клуб не может справиться с основной своей задачей обслуживания рабочих данного предприятия и невольно приближается к своеобразной разновидности районного кинотеатра. Клуб «Красные текстильщики» обслуживает полностью лишь тех рабочих, которые живут возле производства. Что же касается второй половины рабочих, то она встречает всяческие затруднения из-за больших расстояний и неудобства сообщения с местом жилья; причем, в первую очередь, страдает работа по детскому сектору.

Под застройку клуба выбран чрезмерно малый участок, не допускающий ни спортивных, ни детских площадок, ни зеленых насаждений, ни какой-либо летней работы вообще.

Проект не выдвигает никаких новых социальных архитектурных проблем и дает решение по принципу старого капиталистического строительства. Последнее сказывается как в общей установке, так и во всех частностях. Самая застройка участка клубным зданием решена по принципу необычайно характерной именно для капиталистической архитектуры периметральной сплошной застройки. Правда, клуб занимает участок, лицевой стороной обращенный к набережной, одной боковой стороной — в переулок, другой боковой и задней сторонами — в смежные владения фабрики, вследствие чего размеры участка были обусловлены. Тем не менее застройку участка на 90% в наших условиях следует признать совершенно недопустимой. Ради смежного расположения клуба с фабрикой (что отнюдь не обязательно) клуб оказался совершенно не приспособленным для летней работы. Между тем плотность застройки в Замоскворецком районе, где расположен клуб, не настолько велика, чтобы итти на такую крайнюю меру.

Отсутствие у проектировщика намерения передать в клубном здании черты сооружения нового социального типа сказывается во всей трактовке плана клуба «Красные текстильщики», в частности в организации внутреннего пространства клуба в целом и отдельных его помещений. Кроме того, при планировке внутренних помещений допущены такие промахи, как отсутствие зала для физкультуры, лекционного зала и др. Причем общая структура плана и конфигурация здания решены таким образом, что достройка этих помещений или вообще какое бы то ни было расширение клуба совершенно невозможны, так как участок и без того застроен на 90%. Между тем анализ плана с точки зрения целесообразности месторасположения основных функциональных элементов клуба и с точки зрения этажного и межэтажного графика

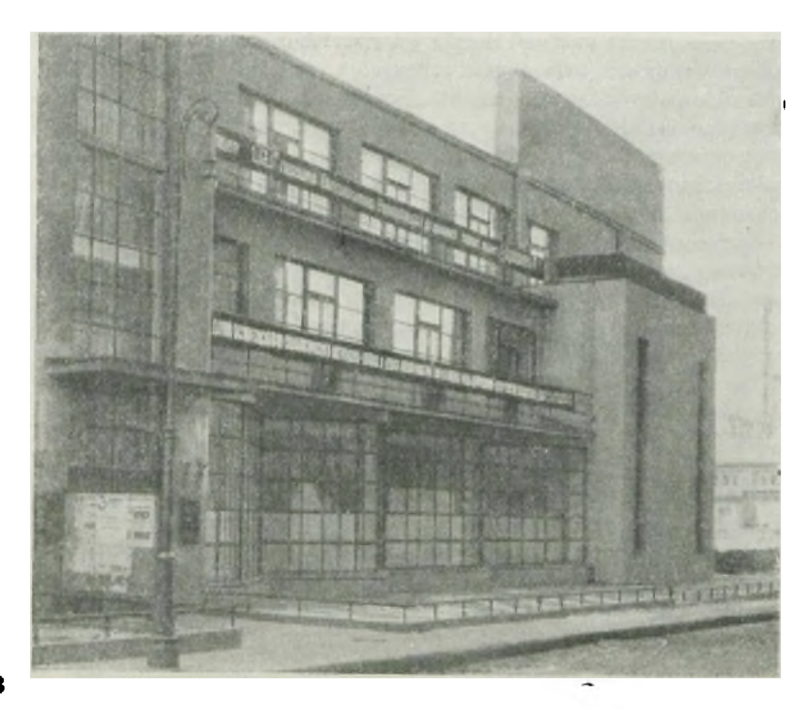
движения показывает, что целый ряд решений, принятых архитектором, не является наиболее целесообразным выходом при данной конкретной обстановке.

Как и во всяком рабочем клубе, вопрос о месторасположении или главнейших функциональных элементах клуба и об основном графике движения был связан с выбором места для зрительного зала и для магистрали движения заполняющей его массы зрителей. При этом, так как существенным элементом зрелищного сектора клубной работы предполагалось кино, проектировщику пришлось решать одновременно проблему не только наиболее рациональной загрузки или разгрузки зрительного зала в кратчайший отрезок времени, но и организации одновременно двух потоков зрителей. Эта задача еще более осложнилась тем обстоятельством, что рабочий клуб, в отличие от кинотеатра, не допускает, чтобы зрители проходили одетыми. Оба встречных потока зрителей должны не просто пройти определенную часть клубных помещений, но получить еще возможность удобно раздеться и одеться и при желании пройти после киносеанса в другие клубные помещения, а не быть обязательно выброшенными, как в кинотеатре, на улицу. Эту задачу проектировщику не удалось решить удовлетворительно. Зрительный зал он расположил в первом этаже. Такое расположение зрительного зала вообще желательно, так как оно связано с большими преимуществами в смысле упрощения и сокращения графика основного движения клубных посетителей. При планировке рабочего клуба на достаточно просторном участке такое расположение крайне важно еще в том отношении, что при соответствующей конструкции стены, замыкающей глубину сцены, последняя может быть использована в качестве летней сцены. Но в данном случае на территории клуба «Красные текстильщики», которая застроена на 90%, это невозможно. А в то же время планировка внутреннего пространства в клубе «Красные текстильщики» выдвигала свои специфические требования. Для организации правильного графика движения двух потоков зрителей — от наружного входа к зрительному залу и обратно — было, прежде всего, совершенно необходимо обеспечить нормальную площадь для вестибюля, гардеробной и фойе. Учел ли проектировщик это крайне существенное обстоятельство? Нет. Он расположил в условиях крайней тесноты, на одной горизонтали и вестибюль, и гардероб, и фойе, и зрительный зал. При этом зрительный зал был принят за основную величину, а под вестибюль и гардероб было отведено то крайне незначительное свободное пространство между линиями улицы, переулка и смежных владений, которое осталось за вычетом площади зрительного зала и сцены.

Какими же оказались итоги подобной планировки? Площадь вестибюля оказалась намного ниже нормы (176 м² при 208 м² площади зрительного зала) и неприспособленной к вмещению всей массы посетителей. В результате, несмотря на достаточное количество выходов из зрительного зала, выходящий и входящий потоки сталкиваются, это создает давку. Гардеробная оказалась также недостаточной по своей площади. Фойе, примыкающее к зрительному залу с одной стороны, тоже тесное.

Учитывая, что всего на зрительный зал в 630 чел. отводится 270 м², площадь зрительного зала данного клуба, рассчитанного с балконом на 650 мест, — недостаточна.

Высота зрительного зала выражена в трех этажах остальной части здания. Конструкция зрительного зала решена без столбов, отчего плохих мест — ничтожное количество. Конфигурация зрительного зала 13 на 16 в длину, как показывает практика, может быть признана удачным средним решением для сочетания специфических требований киноаудитории на дальнюю видимость с противоположными требованиями театра на близкую видимость и четкую слышимость. Балкон решен в виде прямоугольника. Форма балкона обусловлена общим стилем зрительного зала ценой потери некоторого количества мест вдоль боковых стен (не менее 10%). Полуциркульный балкон был бы вместительнее. Зрительный зал имеет свет с одной стороны, так как с другой он окружен комнатами второго и третьего этажей. Вечерний свет решен в зрительном зале в виде четырехгранной матовой трубки, наложенной прямоугольником в центре потолка. Форма этого прямоугольника, выдержанная в пропорциях квадратуры зала, должна быть признана удачной. Из 650 мест 384 приходится на партер, 220 на балкон и 46 откидных. Сцена имеет в ширину около 13 м в длину— 5,4 м (средняя норма — 7 м); глубина сцены совершенно недостаточна и вызвана тем, что длина зрительного зала обусловлена расстоянием между набережной и со-

Деталь бокового фасада клуба „Красные текстильщики".

Боковой фасад клуба „Красные текстильщики''.

седним владением. В целях увеличения площади сцены покрывается пространство над оркестром. Однако, помимо того, что это глушит оркестр, заметного улучшения такое мероприятие не приносит, так как при современной установке театра на социальную тематику клуб не может ограничиваться постановкой малоперсонажных пьес индивидуалистического характера и отказаться от пьес с массовыми сценами. Оркестр слишком глубок; двух уборных для артистов, рассчитанных на 10 человек, тоже недостаточно, так как в некоторых пьесах занято до 60 — 70 человек.

Первый сектор работы — зрительный зал вместе с обслуживающими его помещениями — поглощает в «Красных текстильщиках» 1 370 м².

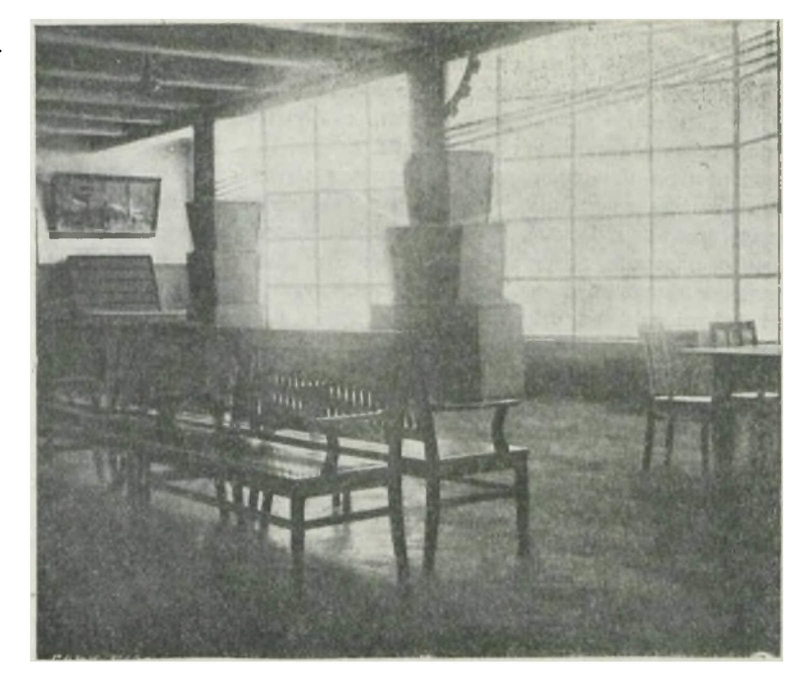
Что же представляет собой, по сравнению с этим, площадь, отводимая на другие два сектора клубной работы — культурного отдыха и воспитания и специальной профессионально-образовательной работы? В первом этаже оба эти сектора не представлены. Во втором этаже три комнаты площадью в 45 м² занимают фабрично-заводские организации. В третьем этаже небольшие клубные комнаты занимают 206 м²; кроме того, имеется комната над вестибюлем балкона в 88 м²; всего 294 м² вместе с площадью второго этажа; всего на второй и третий секторы клубной работы отведено 500 м².

По отношению к площади, занимаемой зрительным залом и обслуживающими его помещениями, площадь помещений, отводимых на культурный отдых, воспитательную и профессионально-образовательную работу, недостаточна. Отношение первого сектора (зрительный зал) к двум другим составляет 2,74 : 1. Насколько такое соотношение площадей ненормально, можно судить по таким последствиям. Библиотека на 10 000 томов занимает площадь в 41,89 м². В клубе нет читального зала, нет зала для физкультуры, нет аудитории на 150 — 200 мест для лекций и т. д.

Что же представляет собой АРХИТЕКТУРА клуба «Красные текстильщики»? Прежде всего следует отметить эклектичность решений, отсутствие стилевой цельности, единства между внешней и внутренней архитектурой; так, внешняя архитектура, в основном, характерна рядом примеров, типичных для функционалистов. Это выражается в том, что степень осознания архитектурной формы как средства выражения пролетарской идеологии равна буквально нулю. Внешняя архитектура клуба решена полностью как сочетание ряда об'емов по принципу выявления функционально-технического назначения каждого из них в ЧАСТНОСТИ, а не всего общественного содержания всего комплекса в целом. Однако и с точки зрения функционализма внешнюю архитектуру клуба нельзя признать очень удачной. Быть может, потому, что подражание архитектора было робким и недостаточно последовательным, архитектура лицевого и бокового фасадов — далеко неравноценна. Обработка лицевого фасада характерна выявлением только зрелищной функции здания, вследствие чего он не многим отличается от лицевой стороны какого-нибудь районного кинотеатра. Таковы: выпячивание во-вне всего пространства зрительного зала, заметно выдвинутый вперед об'ем вестибюля, подчеркнутая концентрация четырех парных дверей и другие приемы. Преобладающий композиционный прием — горизонтальное движение. При отсутствии окон это приводит к некоторой тяжеловесности массы, преодоление чего частично достигается устройством наружного освещения внутри стены. Администрация относится к такому способу наружного освещения отрицательно, так как клуб, выполняющий также роль районного кинотеатра, не виден на расстоянии. Боковой фасад более механистично дает ряд рудиментарно выраженных конструктивно-функциональных форм, не подчиненных четкому организующему их единству. Вторая особенность бокового фасада — сильное преобладание остекленной плоскости лестничной клетки и больших окон над каменной поверхностью стены; существующая норма остекления (1/10 — 1/5 площади пола) превзойдена в несколько раз. Последнее вызывается тем, что данная стена уходит в узкий переулок, где находящееся напротив высокое здание фабрики загораживает свет. Нижний этаж наружной стены этого фасада решен в виде выступающих остекленных треугольных призм.

Вдоль верхних оснований призм проходит длинный каменный балкон.

Фойе клуба „Красные текстильщики".

Постройка выполнена московской конторой «Строитель». Материал — бетонный каркас с кирпичем. Облицовка — цемент.

В области внутреннего оборудования клуба «Красные текстильщики» ничего не сделано. Лучшая часть клуба в смысле внутреннего оборудования — это зрительный зал. Но и здесь мы не имеем специфических клубных форм оборудования. Зрительный зал клуба решен в стиле прямолинейного «модерна» и напоминает собой соответствующее оформление буржуазных театров; его выразительность построена на относительно спокойных прямоугольных пересечениях ровных плоскостей. Мебель — Ленинграддревтреста, специально для клуба не приспособленная.

Еще менее удачно фойе клуба, где сильно выступающие балки потолка, размер которых совершенно не оправдан конструкцией здания, мрачно нависают над зрителем. Наружная сторона фойе представляет собой обратную сторону выступающих в переулок остекленных призм. Если эти призмы сделаны в «эстетических» соображениях, то прием этот сомнителен. Если же они устроены для усиления дневного света, то этот прием тем более неудачен. Во-первых, увеличение остекленной плоскости по зигзагам, умножая плоскость остекления, не увеличивает плоскости оконных пройм,

являющейся единственным мерилом светопроницаемости. Во-вторых, выступающие наружу углы дают лишь ложную иллюзию своеобразного «захвата» света. В-третьих, нависающий каменный балкон заслоняет свет сверху (почему бы его не заменить плоской крышей?). Художественная выразительность зигзагообразно остекленной стены изнутри еще менее значительна, нежели снаружи. Зато зимой такая стена может привести к снижению температуры в фойе.

Противоположная каменная стена на полтора метра отделана деревянной панелью с крупным «супрематическим» орнаментом в виде сочетания красного квадрата с черным прямоугольником. Панель оправдывает использование нижней части стены для всевозможных плакатов, лозунгов, витрин. Но орнамент подан в таком нехудожественном искажении первоисточника, что вызывает только недоумение. Причем, повторяясь в отделке буфета на фоне, разделанном «под орех», в более усложненном по формам и цвету виде, этот орнамент превращается уже в совершенно непонятную и крайне безвкусную чепуху.

Изобразительное оформление клуба исчерпывается тремя картинами и одной скульптурой, которые находятся в фойе клуба. Одна из них — «Разгрузка барж» — находится в клубе потому, что она сдана художником клубу на хранение; вторая представляет собой масляную копию картины И. Бродского «Расстрел 26 бакинских комиссаров», третья — передвижническое изображение 1905 г. (Г. Савицкого). Несмотря на то, что качество картин оставляет желать много лучшего, — ими интересуются. Последнее лишний раз свидетельствует о том, что рабочему клубу нужно изобразительное оформление.

Плакаты в клубе — только печатные. Лозунги, исполняемые бригадой АХР,— на среднем уровне. В плане самодеятельного искусства не оформляется ничего. Изокружок работает вяло, насчитывая в своем составе всего 8 человек. Иногда в клубе бывают передвижные выставки (ОСТ, АХР и др.).

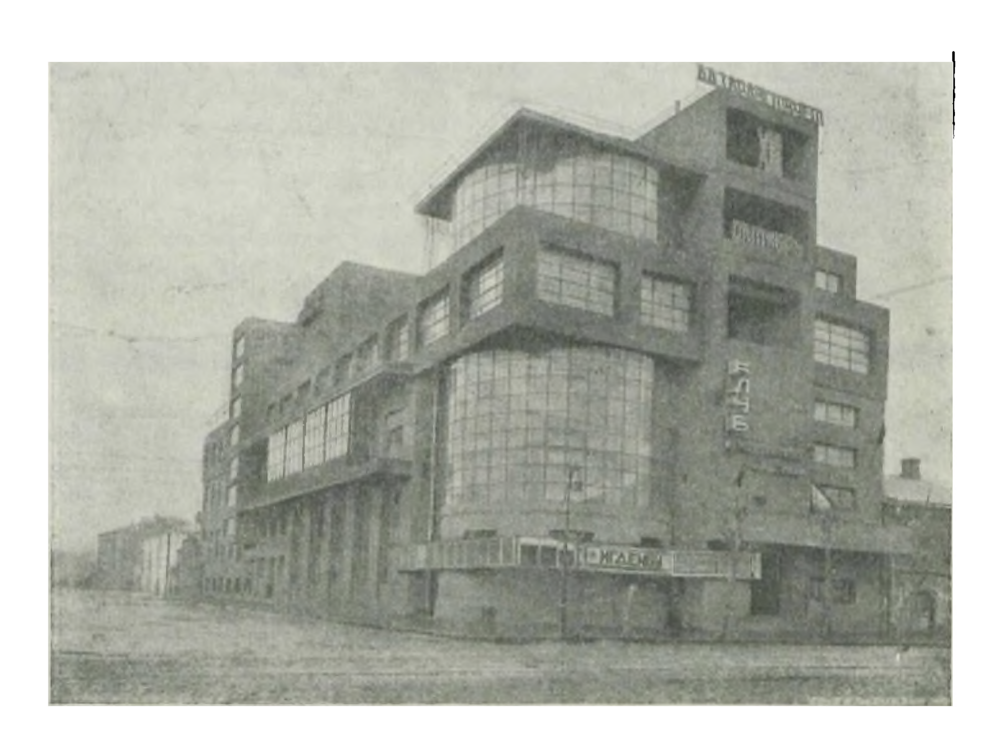
Каковы же основные недостатки клуба в архитектурном разрезе? Во-первых, в клубе нехватает помещения для второго и третьего секторов работы: нет зала для физкультуры, читального зала, аудитории т. п. Во-вторых, у клуба нет открытых площадок для летней работы (терассы, тир, кегельбан и др.). В-третьих, в клубе нет должного внутреннего оборудования. В-четвертых, огромный недостаток клуба в том, что у него нет двора и сараев, так что изготовленные декорации негде хранить и их приходится всякий раз уничтожать.

На основании всего этого, учитывая опыт строительства и трехлетней работы клуба «Красные текстильщики», надо сделать следующие выводы, весьма существенные для всего нашего клубного строительства в целом.

Во-первых, следует при выборе местоположения клубного здания учитывать связь его с жильем основной массы рабочих, так как иначе крайне затруднительно культурно-политическое обслуживание всей массы рабочих данного предприятия. Во-вторых, следует избегать застройки под рабочие клубы небольших участков, не имеющих достаточной территории для летней работы, ибо при таких условиях об'ем клубной работы сокращается почти вдвое.

Наша архитектура должна, наконец, показать образцы такой новой планировки всех частей клубного комплекса, в которой функциональные решения были бы неразрывно связаны с выражением в архитектуре классовой пролетарской идеологии.

Клуб им. Зуева выстроен в 1929 г. профсоюзом коммунальников по проекту И. А. Голосова. Находится на Лесной улице.

клуб имени зуева

а. в. филиппов

Рабочий клуб союза коммунальников им. Зуева на Лесной ул. открыт 4 февраля 1930 года. Автор проекта — архитектор Илья Голосов, производитель строительных работ — контора «Москомстрой». Клуб относится к типу городских районных профсоюзных клубов.

Под клуб отведен небольшой земельный участок площадью в 1 470 м², имеющий форму удлиненного прямоугольника (с отношениями сторон 1 : 3) и выходящий длинной стороной во 2-й Миусский пер., а короткой—на Лесную улицу.

Малые размеры участка и его неудобные удлиненные пропорции учитывались строительной комиссией еще до приглашения архитектора. При выборе места победил лозунг: «Не отрывать клуба от производства», и поэтому решено было строить клуб именно здесь, рядом со Щепетильниковским трамвайным парком. Но в виду того, что средств на расширение участка за счет соседних построек не было, пришлось ограничиться имеющимся и отказаться от зеленой зоны при клубе, т. е. оторвать зимнюю работу будущего клуба от летней.

Указанная ограниченность участка заставила для возведения на нем большого клубного здания застроить его почти целиком (1 336 м²), оставив лишь небольшой дворик в 1/10 площади участка (144 м²). По нормам для клубов союза металлистов рекомендуется, чтобы площадь участка была больше площади застройки в 5 — 6 раз, тогда как здесь она меньше такой нормы в 50 — 60 раз ●.

При этом, по тем же нормам союза металлистов, даже для небольших клубов рекомендуется использовать участки по 5 000 м², т. е. в 3 раза больше, и с отношением сторон 1 : 2.

Таким образом, условия отведенной площади мало благоприятствовали разрешению трудной задачи размещения рабочего клуба.

● „Клубы металлистов, типовые и утвержденные к постройке в 1929 году проекты". 1928 г. ТИПЫ А, Б, В. и Г , стр. 10, 16, 26, 96

Для выработки проекта клуба был устроен закрытый конкурс, в результате которого был выбран проект И. А. Голосова. Автором проекта использовано 9/10 площади под застройку, площадь под двором использована для складов, в замену же двора дана терраса площадью около 265 м² на плоской крыше здания. Подвальный этаж использован для тира, светлой столовой, кухни со вспомогательными помещениями и под котельную со складом угля.

В секторе чисто клубных помещений введены полуэтажи путем смещения горизонталей их пола сравнительно с зрительным залом. При этом внутренность здания и его отдельных помещений в общем нигде не производит впечатления скученности и стесненности, они широко и органически развернуты. Общая кубатура постройки— около 25 тысяч м³.

Здание клуба—кирпичное с железо-бетонными частями, со значительной площадью застекления, между прочим, сплошь оформляющего цилиндрический угол здания, перевязанный снаружи поясом сходящейся под углом бетонной галлереи фойе 3-го этажа. Постройка выдержана в простых геометрических формах, слагающихся из системы призм в соединении с указанным угловым цилиндром. Стесненность участка заставила часть помещений верхних этажей по обоим фасадам вынести вперед за красную линию первого этажа. Таким образом получились фасады из целой системы вертикальных и горизонтальных выступов — в виде эркеров, балконов, терасс и галлерей.

В фасадах решительно преобладают формы, сконструированные по функциональному принципу, т. е. в соответствии с их служебной ролью, с их внутренним содержанием. Этому противоречит некоторая искусственность углового застекленного цилиндра.

Его основное назначение—помещение главной лестницы клуба, видимой через стеклянный фонарь с улицы и как бы притягивающей рабочих в клуб. Реализация такого назначения ослаблена тем, что вместо зеркального стекла, дающего большую прозрачность, здесь по экономическим соображениям применено простое оконное стекло Тот же стеклянный цилиндр вырастает до верха здания и идет выше галлерей фойе, где уже нет никакой лестницы и где он превращается в чисто декоративную форму. Наконец, первый этаж этого цилиндра отведен яслям. Эта часть цилиндра затемнена подвешенным снаружи через весь угол здания горизонтальным транспарантным фонарем для зрелищной рекламы. Таким образом, ясли, вдобавок обращенные на сев.-зап. сторону, оказались в полутемном помещении. Правда, по сообщению автора проекта, первоначально это помещение предназначалось под канцелярию, и необходимость развертывания яслей в клубе не ставилась в качестве задания.

При не вполне разрешенной задаче функционального оформления здания довольно удачно ритмическое расположение его масс, дающее, например, четкое выражение нарастания движения от конца бокового фасада к углу здания и его главному входу. Архитектурное оформление здания лучше днем, чем вечером, когда освещенный из-

Деталь стеклянной башни клуба им. Зуева.

нутри застекленный угловой цилиндр как бы разрывает монументальные массы здания провалом, а его стекло нейтрализует каменную массу.

Штукатурка мраморной крошкой обработана стандартной для современной архитектуры шероховатой поверхностью (при помощи шпунта и бочарды), переходящей у ребер здания в перпендикулярную последним штриховую обработку троянкой. Хорошо оформлены рельефные буквы вывески «Клуб» и т. д., вечером изнутри электрифицированные.

Среди общественных сооружений последних лет архитектура этого клуба относится к числу удачных. Как постройка переходного периода она должна найти свое положительное место в будущей истории советской архитектуры. Но проблемы общественного здания пролетарского стиля архитектура клуба не решает; здесь нет еще необходимого для разрешения этой задачи единства технических и идеологических моментов.

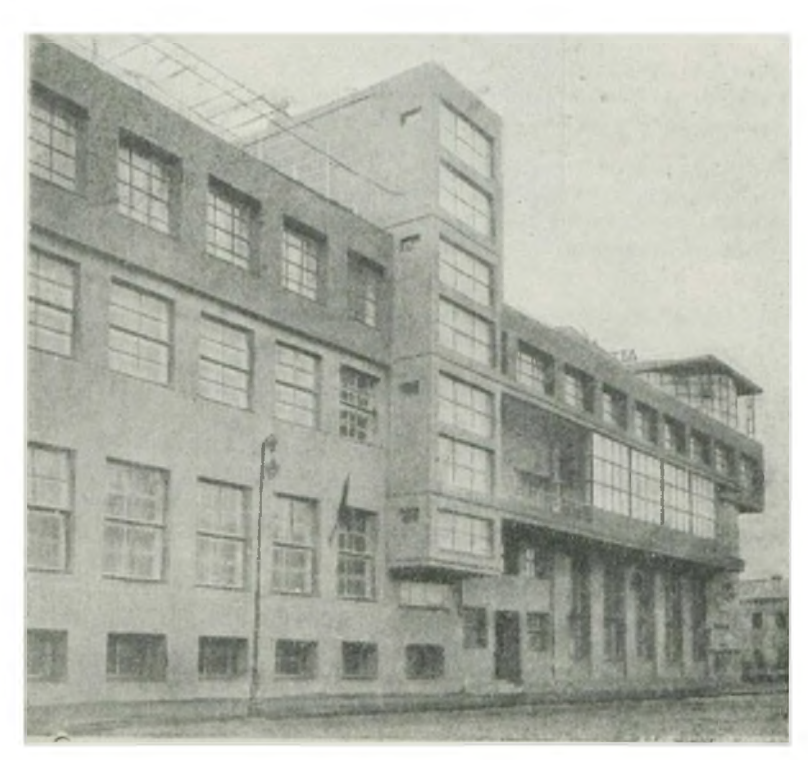
Планировка клуба является крайне ответственной задачей, так как при ее решении необходимо дать настолько жизненные результаты, чтобы они могли соответствовать возможно разносторонней культурной работе будущего клуба. До настоящего времени еще недостаточно твердо установлены задачи клуба, и не установлено количественное взаимоотношение отдельных секторов клубной работы.

Условно союз металлистов устанавливает подразделение клубного здания на 3 раздела:

1. МАССОВАЯ КУЛЬТРАБОТА — КИНО, КОНЦЕРТЫ, ДОКЛАДЫ, МИТИНГИ,— вызывающая необходимость иметь большой и малый зрительный залы и в качестве подсобного сектора — фойе и гардероб.

2. ФИЗКУЛЬТУРА И ПОМЕЩЕНИЯ ДЛЯ ОТДЫХА.

3. СПЕЦИАЛЬНАЯ КЛУБНАЯ РАБОТА — политическая, по профобразованию и самообразованию, — предусматривающая помещения для библиотеки и читального зала, кружков по политнаукам, производствам, изо, музыке и т. д.

Боковой фасад клуба им. Зуева.

Не все эти 3 группы предусмотрены планировкой клуба им. Зуева: физкультурного зала в клубе вовсе нет, что само по себе является серьезнейшим дефектом. Отдельные секторы клубной работы имеют такие соотношения по занимаемой ими площади:

1. Массовая культработа	1 036 м².
2. Помещения для отдыха, детская площадка, тир	89 м²
3. Специальная клубная работа	540 м².

Вне групп—обслуживающие помещения (буфет, столовая и др.).

Общее взаимоотношение площадей по секторам работы — 100 : 9 : 54.

Площадь фойе к площади большого зрительного зала составляет — 76%, а к площади двух зрит. зал — 54%. Площадь фойе достаточна для большого зрительного зала, в особенности при наличии большой столовой и в теплую погоду — терассы на крыше; но при одновременной работе двух зал площадь фойе недостаточна.

Наличие широких проходов и запасного выхода исключает встречные движения масс зрителей при повторных сеансах. Необходима лишь со стороны клуба графическая организация клубного потока в виде указателя направлений у входа в клуб.

В помещениях для специальной клубной работы в настоящее время работают посменно 22 специальных кружка.

Очень существенным в планировке клуба является вопрос об изоляции шумных занятий от тихой работы для возможности одновременного функционирования различных кружков, а также игры оркестра в фойе и шумных выступлений на сцене. Такая возможность одновременной работы кружков в клубе им. Зуева отсутствует и заменяется чередованием дней, отводимых для шумных и тихих работ. Но самые помещения кружков, по указанию клубных работников, достаточно изолированы от шума зрительного зала и фойе. Эти помещения размещены большей частью анфиладной системой; кроме того, имеются и отдельно расположенные комнаты в разных местах клуба.

Большой зрительный зал рассчитан на 950 мест. Из них партер имеет 650 мест и балконы — 300 мест.

План зала близок к квадрату; глубина сцены — около половины длины зала; под'ем сцены над полом — 1,15 м.

Обычно залы емкостью до 700 человек не делаются с наклонными полами, несмотря на настояние местных работников. В данном случае пол повышен в задней части зала.

В общем в зале удачная видимость и слышимость. Правда, в отношении кино видимость с боковых мест партера ослаблена выступами над зрительным залом двух боковых осветительных мостиков, которые закрывают верхнюю часть экрана для зрителей боковых задних мест. Эти осветительные мостики являлись бы интересным нововведением взамен практикующегося использования для осветительных эффектов обыкновенных лож, но они были понижены при производстве работ в отступление от проекта, как указывает автор последнего, на 55 см.

Сцена недостаточно связана с зрительным залом, что было бы необходимым и при массовых действиях и при массовых собраниях. Вызывает сомнения ширина окна сцены, которая меньше ширины самого зала, что при данных условиях (боковые места на балконах) неизбежно для сохранения надлежащей видимости.

Возможность трансформации зрительного зала для увеличения его емкости здесь трудно осуществима по условиям крайне ограниченного участка для застройки. Раздвижение стены зала можно допустить только по бокам, но это превратит площадь зала в квадратную, мало удобную для зрелищных помещений форму.

Стесненность участка может оправдать помещение зала во втором этаже, так как иначе некуда было бы поместить гардероб. Но, конечно, удобнее иметь такой зал внизу. При настоящих условиях клубу приходится делать специальную установку для под'ема декораций с переулка прямо на сцену. Правда, для такого под'емного крана с платформой предусмотрено специальное место на фасаде здания около сцены. Но в зимнее время подача декораций через окно все-таки неудобна, так как охлаждает помещение клуба.

Малый зрительный зал вмещает 285 человек. Его главное удобство — быстро свертывающаяся мебель. Это дает новые возможности для клубной работы.

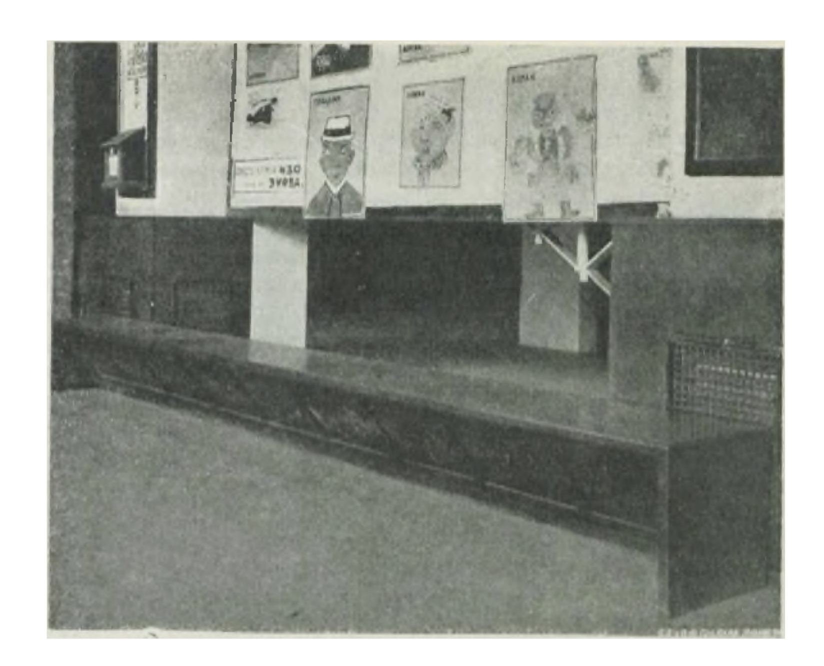
Специальная электрическая вентиляционная комната над сценой соединяется не только со сценой, кинобудкой и зрительным залом, но и со всеми главными помещениями клуба и гарантирует постоянный обмен воздуха; по указанию администрации клуба, лишь кладовые при столовой продолжают требовать добавочной вентиляции.

Внутреннее сформление и оборудование помещений клуба стремятся отразить новый общественный рабочий быт. Почти во всех деталях отделки и оборудования виден отказ от готовых приевшихся форм, и проведена работа по оригинальному оформлению.

Празднична окраска зрительной части: боковых галлерей, зала и балконов. В клубных помещениях светлыми теплыми тонами окрашены теневые межоконные простенки и потолки и покойными темными тонами — освещенные стены. Это способствует деловой обстановке при клубной работе. Четки и красочны надписи с обозначением помещений.

Хорошо сконструированы и окрашены 4-створчатые двери в зрительный зал, в открытом виде совершенно не мешающие движению своими выступами.

Интересно задумано освещение потолка в зрительном зале. Даже исполненное примитивно, оно останавливает внимание. Вогнутые листы жести служат здесь рефлектором, а матовые стекла смягчают ослепляющее действие проходящего через них света электрических ламп.

Изоуголок клуба им. Зуева

При обзоре оборудования данного клуба встает проблема новой советской мебели. Во время постройки клуба строители предполагали к окончанию строительных работ получить готовую стандартную клубную мебель. Отсутствие последней заставило думать о специальной мебели для данного клуба. Таким образом появилась специально сконструированная мебель, среди которой можно отметить:

1. Мебель для сидения в фойе—в виде длинных ящиков-ларей. Едва ли можно считать удачным такое оформление: сплошная запицовка этих ларей деревом никак не мотивирована, так как лари даже не открываются; отсутствие спинок неуместно как раз в клубной мебели, предназначенной для отдыха.

2. Двухместные диванчики в верхнем фойе. Для данного их назначения, как переносной мебели является излишним запас прочности, в виде средних ножек, вдобавок могущих вызвать качание при неровности пола. Увлечение архаическими «монументальными» конструкциями в применении к мебели—неудачно. Вместо законной тенденции к легкому удобному оформлению современной индустриальной мебели здесь имеется обратное—тяготение к кустарно-феодальным формам.

3. Кресла балконов зрительного зала вызывают справедливые замечания публики о режущей жесткости ребер их спинок и локотников.

4. Столы с крышками, мягко и без всяких выступов переходящими в подстолье.

5. Вешалки гардероба. Взамен сплошных перегородок — деревянные обрешетки; среди них — система вертящихся на шарикоподшипниках вешалок (3 вешалки по 180 мест, в каждой по 9 секторов); последующая работа гардероба вызвала дополнительное использование парапета решетчатой перегородки под галошницы Все это облегчает работу гардеробной, так как вместо беготни за каждым платьем к вешалке здесь применяется вращение вешалки. Практика работы вешалок указывает на их несомненное преимущество при раздевании посетителей и в то же время на неполное удобство при их одевании. Правда, ускорение пропуска посетителей при одевании возможно при добавочных работниках у вешалки. В этом случае оборачиваемость процесса одевания укладывается всего в 6 — 7 минут. Решетчатая перегородка вместо сплошной также удачна, так как не изолирует работников раздевальни от остальных помещений клуба, не дробит помещения гардероба на клетушки с вешалками и оставляет гардероб достаточно светлым. Часть вешалок, в виде стоек, размещена на следующем, антресольном этаже, что имеет неудобства, так как способствует заносу грязи в верхние помещения.

Недостаточно удачным нужно считать оформление оконных рам, неудобных для открывания. Они открываются снизу вверх, причем под'емные фрамуги во всю ширину окна громоздки и неудобны. Применение железных рам является неоправданным новаторством, показавшим свою непрактичность. Железо менее удобно в эксплоатации, чем дерево: оно дает перегибы при открывании, зимой же покрывается льдом и дает подтеки на стены.

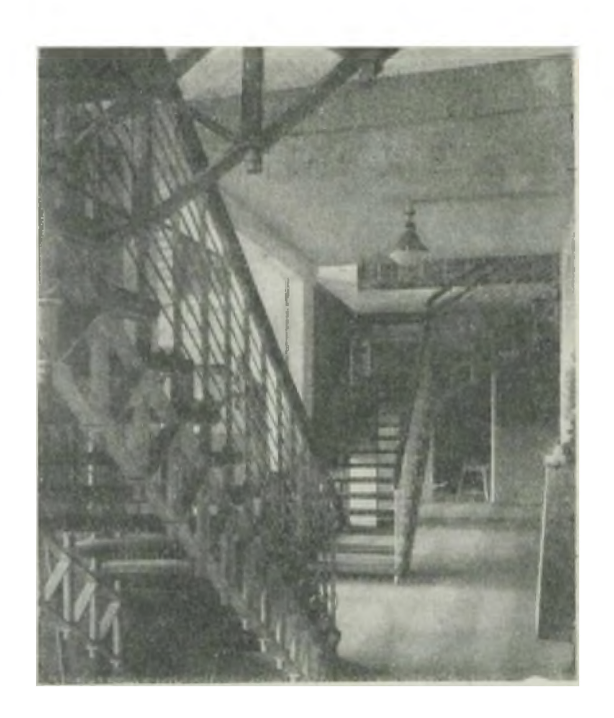
Удачно оформлены окна-витрины в перегородке, отделяющей библиотеку-хранилище от читального зала и коридора для выдачи книг абонентам. Здесь, как и в большинстве московских клубов, библиотека находится вверху, в 3-м этаже, далеко от входа. Пришлось наблюдать, как кондукторша трамвая забежала в клуб среди работы, прямо с сумкой, чтобы переменить книгу в библиотеке. Для этого ей пришлось пройти через все помещение клуба, подняться и спуститься по лестницам.

В буфете-столовой комната для мытья посуды вместо сплошных перегородок удачно отделена лишь остеклением.

При бодрой красочности оформления помещений, хорошо выявляющих их светлоту и пространственность, в клубе имеет место некоторая бедность специального изобразительного материала.

Ряд фигур из покрашенного гипса неодинакового художественного достоинства (между прочим, крупная фигура кондукторши), расставленных в фойе нижнего и второго этажей, несколько масляных портретов, масляная копия с «Расстрела бакинских

Лестница клуба им. Зуева.

комиссаров» Бродского — вот немногое, что составляет изобразительный материал клубных помещений.

Клуб почему-то не привлекает собственного изокружка как к общей работе по художественному оформлению клуба, так и к участию в его декорировании переносным изобразительным материалом.

Клуб „Буревестник" выстроен в 1929 году профсоюзом кожевников по проекту К. С. Мельникова. Находится на Огородной улице, в Сокольниках.

клуб „буревестник“

д. е. аркин

Клуб при кожевенной фабрике «Буревестник» (Москва, Огородная ул.)—позднейшая по времени окончания постройка из всех клубных зданий, рассматриваемых в настоящей книге. Сооруженный по проекту арх. К. С. Мельникова, этот клуб сдан в эксплоатацию в апреле 1930 года. Первоначальный проект, составленный осенью 1928 г., претерпел значительные изменения; равным образом менялись, уже в процессе постройки, исполнители работ: сначала стройтительство было поручено конторе «Сокстрой», затем работа перешла к конторе «Строитель».

Территория, отведенная под клуб, представляет собой неправильный пятиугольник, площадью в 2 775 $м^2$. Первоначально намеченный размер здания—12 тыс. кубометров был увеличен до 16 тыс. кубометров, и этот об'ем охвачен тремя этажами основного помещения плюс четырехэтажная башня, представляющая собой почти самостоятельную архитектурную единицу.

Основные элементы клубного помещения архитектор распределил следующим образом. В первом этаже кроме вестибюля помещаются большое фойе с включенным в него гардеробом, а также 5 комнат для различного рода клубных занятий (кружков, учебных занятий и т. п.). Второй этаж занят двумя большими залами—физкультурным и зрительным (со сценой). В третьем этаже, представляющем собой, собственно, лишь пристройку над вторым этажом, помещается раздевальня к физкультурному залу. Что же касается башни, то ее совершенно одинаковые четыре этажа заняты соответственно буфетом, школьной комнатой, читальней и библиотекой; впрочем, эти башенные этажи совершенно ничем не связаны с тем или иным видом клубной работы, и, как мы увидим дальше, расположение в них перечисленных учреждений — чисто случайное.

Если разбить все эти элементы клубного помещения на три группы по основным видам клубной деятельности, то мы получим следующую схему распределения всей полезной площади данного здания:

группа А — массовая культработа театрально-зрелищного типа; сюда относятся зрительный зал со сценой, фойе и помещения, подсобные по отношению к сцене; общая площадь по всей этой группе—1 026 м²;

группа Б — физкультура: зал, раздевальни, души—364 м²;

группа В — стационарная клубная работа кружкового типа: комнаты для занятий, библиотека, читальня и др.—592 м².

В этот перечень не входят обслуживающие общие помещения (вестибюль, уборные и т. д.) площадью в 272 м.².

Из приведенной схемы получим, что соотношение групп А, Б и В выражается, как 100 : 36 : 59. Таким образом, площадь, занятая под работу театрально-зрелищного типа, относится к площади собственно клубной специальной работы (кружки и пр.), как 100 : 59; если же из группы В исключить библиотеку и читальню, а взять лишь кружковые и учебные помещения, то соотношение между переменной (театральной) и стационарной (кружковой) культработой будет выражаться, как 100 : 38. Это последнее соотношение лишний раз подчеркивает тенденцию, свойственную решительно всем проектам клубных зданий арх. Мельникова, — уделять львиную долю пространства театральному залу и связанному с ним фойе, превращая таким образом клуб в своего рода районный театр со сравнительно незначительным добавлением в виде специально клубных комнат.

Посмотрим, как в пределах этой общей планировки здания разрешены строителем отдельные его элементы. Будем следовать по отдельным этажам, сперва основной части здания, затем — башни.

Широкие ступени наружной лестницы, образующей довольно эффектное «парадное» крыльцо, ведут посетителя в вестибюль, непосредственно смыкающийся с большим фойе (433,8 м²), равным по площади зрительному залу, находящемуся во втором этаже. В площадь фойе врезан прямоугольник гардероба, архитектурно совершенно не отделенный от фойе и лишь условно помещенный между вестибюлем и собственно фойе. По плану этот гардероб должен быть отгорожен деревянными стенками, поставленными между несколькими столбами фойе. Ни о какой попытке архитектурно оформить гардероб, организовать это помещение в соответствии с его назначением здесь не может быть и речи: архитектор попросту отчертил 73 м² из площади фойе и отвел получившийся прямоугольник под гардероб. Как и в большинстве новых клубов, здесь имеет место ярко подчеркнутое невнимание к этой «технической» детали клубного помещения, детали, имеющей далеко немаловажное значение для нормального функционирования клуба. Но если в некоторых новых клубах сделаны кое-какие попытки обеспечить максимальную пропускную способность гардероба и рационализировать процесс сдачи и получения верхней одежды, то

Читальня клуба „Буревестник".

здесь в этом отношении оставлено, в буквальном смысле слова, пустое (и притом неудобное) место.

Таким образом, первым помещением, в какое попадает посетитель, входящий в клуб, является фойе. Этот момент сам по себе нуждается в серьезной критике, равно как и вообще проблема фойе в клубе. Совершенно несомненно, что из всех элементов клубного помещения фойе — самый неопределенный в смысле целевого назначения. Целиком заимствованное из традиционного комплекса театрального здания и к тому же обусловленное обязательными нормами строительного надзора (площадь фойе должна составлять не меньше 80% площади зрительного зала) фойе перешло в клуб как некое чужеродное тело, связанное лишь с одним единственным элементом клубного комплекса — залом. Задумались ли наши архитекторы, в частности строитель «Буревестника», над вопросом о том, что должно представлять собой фойе в клубе? Обязательно ли для клубного комплекса иметь фойе, в точности копирующее театральное? Обратили ли они внимание на то, что в этом виде фойе выпадает из клубного комплекса и, в сущности, является совершенно неосмысленным использованием полезного пространства? На все эти вопросы приходится, к сожалению, ответить отрицательно, и фойе клуба «Буревестник» представляет собой в этом отношении

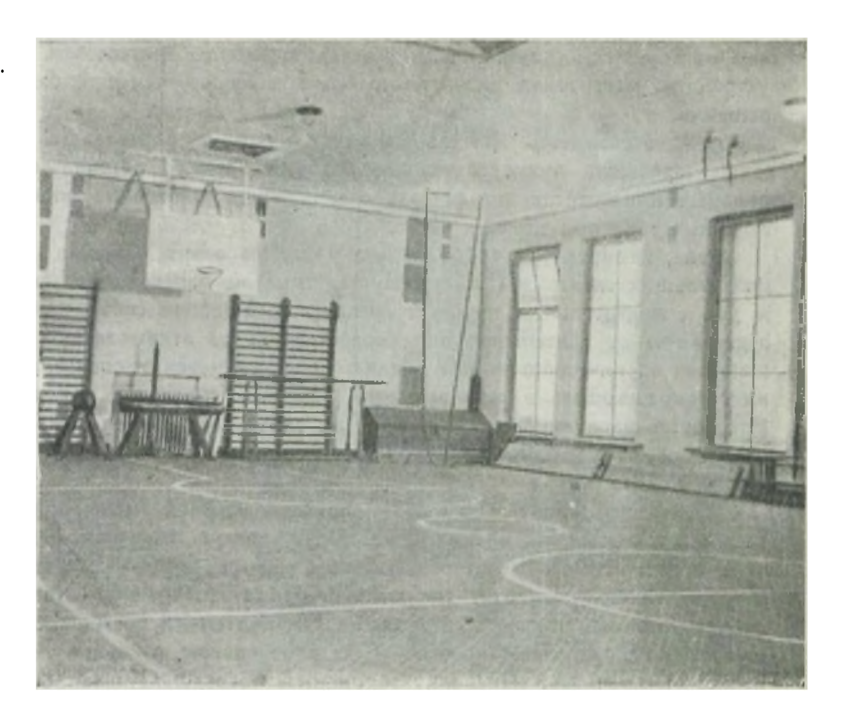
яркий образец: это — большая пустая комната, используемая по прямому назначению лишь в немногие часы и даже минуты (перед и после собраний или спектаклей, в антрактах), в остальное же время с трудом приспособляемая под всякого рода случайные нужды путем устройства тех или иных занятий в углах и т. п. Нечего и говорить о том, что скудная обстановка фойе меньше всего способствует утилизации этого помещения под какие-либо другие нужды клуба. В итоге значительное пространство почти полностью пропадает для клубной работы. В клубе «Буревестник» фойе расположено к тому же прямо вслед за вестибюлем, и посетитель попадает, таким образом, сразу же в наименее организованную, наименее определенную в функциональном отношении часть всего здания. Дезорганизующее влияние этого момента на посетителя клуба — несомненно. Большим пробелом архитектурной работы над проблемой клуба является эта полная неразработанность оформления фойе, это слепое копирование традиционного театрального шаблона: совершенно несомненно, что фойе в клубе могло бы сочетать в себе и свое непосредственное назначение — вместилища определенной массы зрителей или участников собраний в зале — и в то же время выполнять какие-то другие функции в клубной работе, не говоря уже о том, что самая форма фойе — большая пустая комната «сарайного» типа — отнюдь не обязательна и может быть легко заменена серией комнат, что, бесспорно, облегчило бы осуществление дополнительной функции для всего пространства, отводимого под фойе.

Надо здесь отметить, что первоначальный проект арх. Мельникова в некоторой степени затрагивал весь этот вопрос: архитектор намечал устройство в фойе большого бассейна для плавания. Полная техническая непродуманность этого замысла лишила его всяких шансов на осуществление, и в итоге мы получили фойе в нынешнем его виде, не дающем даже возможности утилизировать его под массовые игры (этому мешают многочисленные поддерживающие столбы).

[redacted]

Небольшой коридор ведет из фойе в ряд комнат, предназначенных под различную кружковую и учебную работу клуба. Площадь каждой из этих комнат — от 40 до 50 м². Это — в полном смысле слова задворки клуба. От библиотеки и читальни, органически связанных с кружковой учебной работой, эти комнаты отделены громадным расстоянием (библиотека и читальня помещаются в верхних этажах башни, расположенной на другом конце здания). Освещение кружковых комнат таково, что не позволяет днем использовать всей площади. Непосредственная близость фойе не может не мешать учебным занятиям. В характере планировки и оформления кружковых комнат (если вообще здесь можно говорить об оформлении) совершенно ясно чувствуется, что эта часть здания привлекала меньше всего внимание архитектора и оказалась организованной совершенно случайно. В плане здания пропущена такая существенная часть, как комната для детей. Вообще весь сектор специально

Физкультурный зал клуба „Буревестник“.

клубной постоянной работы со всеми ее многообразными процессами самостоятельности учения, всевозможных коллективных занятий и т. д. оказался фактически выпавшим из поля зрения архитектора, уделившего для всей этой работы несколько случайно расположенных, вернее, разбросанных комнат самого шаблонного «квартирного» типа.

Зрительный зал, площадью (без сцены) в 435,8 м², представляет собой наиболее удачную часть всего клубного комплекса. Почти квадратный (19,9 м на 21,8 м), вмещающий 650 мест, он обладает, прежде всего, тем достоинством, что с любого места видимость сцены вполне хороша. Особенностью расположения мест являются боковые трибуны, возвышающиеся по обеим сторонам зала и представляющие, во-первых, то преимущество, что весь зрительный зал составляет как бы одно целое, не раз'единенное на несколько частей, как это неизбежно бывает при ярусном оформлении; во-вторых, эти боковые трибуны позволяют, убрав ряды стульев из средней

части зала, превратить этот последний тоже в место для того или иного представления массового действия; наконец, связь сцены со зрительным залом при таком устройстве мест также значительно легче и лучше, чем при балконно-ярусном разрешении.

Другая особенность зрительного зала, уже отрицательного порядка, — верхний свет, устроенный путем остекления боковых крыльев потолка и заставляющий при дневных киносеансах затрачивать весьма много усилий на сложную процедуру затемнения зала при помощи штор.

Сцена, площадью в 110,31 м², по размерам своим, конечно, далеко недостаточна для больших спектаклей «гастрольного» типа; но одновременно она не приспособлена и для самодеятельных клубных зрелищ, представляя собой трафаретную площадку, отделенную от зрительного зала оркестром и не открывающую никаких возможностей для сценического монтажа, типа, напр., трамовских спектаклей, для представления, совмещающего в себе элементы обычного спектакля с живой газетой, и т. п. Для такого рода клубных зрелищ сцена слишком статична, она целиком воспроизводит, в обуженном виде, традиционные сценические подмостки небольших провинциальных театров.

К зрительному залу, к его стене, противоположной сцене, примыкает физкультурный зал, который, по мнению архитектора, должен был быть отделен от зрительного зала подвижной стеной-шторой и таким образом, в случае надобности, соединяться в один большой зал. Этот технический момент (подвижная стена) оказался, однако, не доработанным ни архитектором, ни исполнителями постройки, и в настоящее время два зала разделены друг от друга самодельной фанерной перегородкой, что, конечно, выворачивает наизнанку задуманное усовершенствование и приводит к тому, что работа в одном зале мешает работе в другом. К физкультурному залу примыкают раздевальни и комнаты для душей. Физкультурный зал оформлен просто, хорошо освещен и достаточно просторен.

Отдельным и как бы замкнутым в себе элементом архитектурного комплекса является 4-этажная башня, выступающая с правой стороны фасада и представляющая собой, в сущности, совершенно самостоятельное сооружение. Эта башня, как видно, играла выдающуюся роль в задуманной архитектором композиции. Извне она останавливает на себе внимание необычными очертаниями и обильным остеклением. Какова же внутренняя логика этой архитектурной формы, каково функциональное место этого архитектурного элемента во всем комплексе, каково, наконец, его использование в общем процессе клубной работы?

В основание башни положена фигура розетки-пятилистника, с радиусом в 44 м. Четыре этажа башни представляют собой совершенно одинаковое повторение этой

Деталь башни клуба Буревестник".

фигуры. По мысли архитектора, отдельные сегменты розетки (отдельные «листья» пятилистника) могли отделяться один от другого при помощи подвижных перегородок и расчленять, таким образом, каждый этаж на несколько отдельных отрезков. Никаких приспособлений для такого разделения, однако, в башне не устроено, и, таким образом, мы имеем в четырех этажах по круглой комнате со стенами в форме выступающих за пределы окружности лепестков или полукругов. Форма эта, образующая из стен сплошную ломаную линию, создает чрезвычайные трудности для использования внутреннего пространства этих помещений; особенно ярко это проявляется в этаже, занятом под библиотеку, где полукруглые, сплошь застекленные стены не дают решительно никакой возможности расставить шкафы и полки. И в остальных этажах башни столь же резок разрыв между архитектурным оформлением помещения и его использованием. Использование это, т. е. размещение по этажам башни отдельных клубных учреждений, совершенно случайное. В одном этаже — буфет и парикмахерская, в другом — комната для учебных занятий, в двух остальных — библиотека и читальня. Во всей этой части архитектурного комплекса

с исключительной яркостью сказываются расчет на чисто формальный эффект, поиски не наиболее функционально оправдываемой и идеологически осмысленной, а самодовлеюще-абстрагированной архитектурной формы. Крайне слаба связь башни со всеми другими частями клуба, столь же слабо разрешена и вертикальная связь между отдельными этажами башни. Таким образом, совершенно оторванными друг от друга оказываются, скажем, библиотека и комната кружковых занятий и т. д. Наконец, столь же формальной является примененная здесь манера остекления: стекло выступает как чисто декоративный материал, без четкого осмысливания этого приема со стороны функций самого помещения.

В отношении общего архитектурного оформления клуба «Буревестник» со стороны его «внешних» форм обращает на себя внимание, прежде всего, четкое выделение лицевого фасада здания. Для того, чтобы составить себе представление о наружном архитектурном лице здания, надо смотреть на него обязательно со стороны под'езда, со стороны лицевого фасада; ни боковые стороны постройки, ни вся ее масса в целом никак не разработаны архитектором, все внимание которого целиком отдано лицевому фасаду. В этом смысле арх. Мельников делает даже шаг назад от принципов современных архитектурных течений, отрицающих «фасадный» подход в архитектурной форме и требующих от архитекторов оперирования всей массой сооружения, создания его архитектурного облика при помощи соответствующего комбинирвания об'емами и плоскостями всего архитектурного целого. Ограничивая внешнее архитектурное оформление только лицевым фасадом, архитектор возвращается к традициям и канонам эпохи «модерна», эстетика которого предписывала архитектору сосредототочить все внимание на декоративной обработке фасада и при помощи этой обработки замаскировать техническую основу и материалы современного здания.

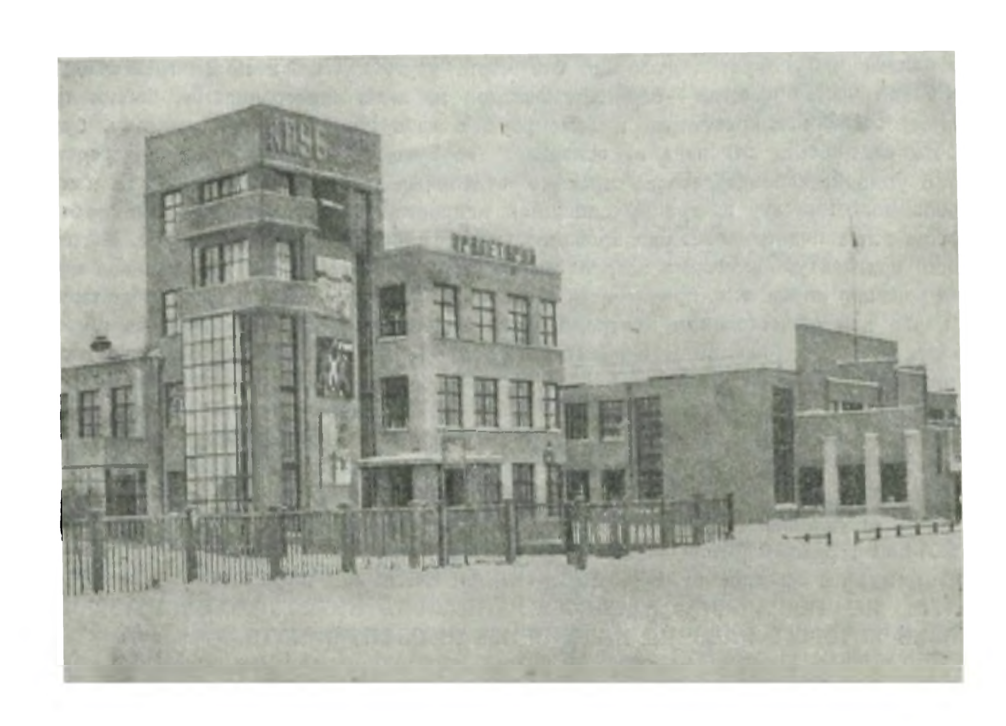
В клубе «Буревестник» Мельников эклектически соединяет этот фасадный принцип «модерна» с приемами современного архитектурного техницизма, старающегося выполнить ту же декоративную, по существу, задачу другими, более тонкими и современными средствами. Эта «конструктивистская» архитектура отказывается от «прикладнических» приемов декоративной отделки фасада, она пытается эстетизировать самую техническую форму и материал современной постройки. Вырабатывается целый ряд способов, при помощи которых железо-бетонная строительная техника сама служит как бы декоративным материалом. Мельников и попробовал соединить в своей композиции эти два начала — фасадный подход типа «модерн», с одной стороны, и эстетизацию новой строительной техники,— с другой. Он свел в одну архитектурную форму традиции того самого архитектурного «модерна», которым торгово-промышленная буржуазия застраивала Москву в течение трех предреволюционных десятилетий, и самоновейшие приемы европейского архитектурного формализма. Эклекти-

ческая смесь «передового» архитектурного Замоскворечья с «последним криком» заграничной моды — таков в сущности архитектурный замысел всей этой композиции.

Как же в пределах этой общей характеристики разрешает Мельников архитектурный облик рабочего клуба? «Фасадный» эффект создан здесь контрастом большой сплошной бетонированной плоскости и прорезающей эту плоскость по вертикали узкой полосою стекла, сочетанием этой сплошной слепой стены и выступающей вперед пятиокружной стеклянной башни. Стремление уйти от шаблонных форм городского дома, особняка и т. п. и облечь клуб в необычайные архитектурные одежды (стремление, которое вообще составляет характерную сторону клубных построек К. С. Мельникова) сказалось и в этом примере. Но до нахождения архитектурных форм, действительно отвечающих сущности рабочего клуба, архитектор очень далек. В данном же случае архитектурная форма (даже если не вдаваться в специальный анализ, вскрывающий ее эклектическую основу) обладает чертами, делающими ее в высшей степени чуждой самому содержанию клубного института. В самом деле, сплошная серия — плоскость передней стены, придавливающая низкую щель входных дверей, создает представление о какой-то изолированности, замкнутости всей постройки, как бы наглухо отделяя ее от всего окружающего, от улицы, от расположенной напротив фабрики. Эта черта усугубляется, а не смягчается другой основной частью фасада — башней: несмотря на свою «прозрачность», башня также являет собой изолированную и замкнутую в себе архитектурную единицу, будучи почти совершенно отделена от основного корпуса и не сообщаясь непосредственно с улицей; кольцеобразное строение отдельных лепестковых сегментов как бы опоясывает всю эту постройку сплошной непроницаемой цепью из стекла и бетона и еще более подчеркивает изолированность и замкнутость всего комплекса. Может ли такая архитектурная форма воздействовать во-вне в том направлении, какое нужно для рабочего клуба, т. е. притягивать к себе пролетарскую массу, давать представление о клубе как общественном центре, широко открытом для возможно более широких коллективных посещений и коллективной работы? Нам представляется, что воздействие архитектурной формы «Буревестника» — диаметрально противоположного характера. Эффект внешнего оформления этого здания идет по линии индивидуалистического, замкнутого в себе восприятия, и меньше всего здесь приходится говорить о пролетарском содержании того формального решения, какое дано здесь зданию рабочего клуба.

Здесь представлены и эклектически **СОЕДИНЕНЫ МНОГИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ СИСТЕМЫ**, здесь сделана попытка создать для рабочего клуба некое нешаблонное архитектурное оформление, **НО ЗДЕСЬ НИКАК НЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ САМ РАБОЧИЙ КЛУБ, НЕ ВЫРАЖЕНА ИДЕОЛОГИЯ КЛАССА, КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ КОТОРОГО РАБОЧИЙ КЛУБ ПРИЗВАН ОБСЛУЖИВАТЬ**

Клуб „Пролетарий" выстроен в 1929 г. профсоюзом металлистов. Находится на шоссе Энтузиастов, в Дангауэровской слободе.

клуб металлистов „пролетарий"

ф. с. рогинская

Клуб металлистов «Пролетарий» расположен на шоссе Энтузиастов, в Дангауэровской слободе. Он обслуживает заводы «Котлоаппарат» и «Электропровод». К нему же прикреплены два химических завода: Первый химзавод и Владимировский. Сооружался клуб в 1927—1928 гг., открыт в мае 1929 г. Проект принимался строительным комитетом, в который входили представители от союза металлистов, от ВЦСПС, Моссовета, завкомов заводов «Котлоаппарат» и «Электропровод» и некоторые другие.

Клуб расположен на открытом участке. Передним фасадом он обращен к трамвайной линии, за которой почти сразу начинается незастроенная площадь, задним и боковым фасадом — к рабочему поселку. Здание темносерого цвета, облицовано мраморной крошкой. Кубатура клуба около 18 000 м^3. Общая стоимость около 600 000 руб.

Правая половина здания отведена под зрелищный, массовый сектор, левая — под собственно клубный. Соединение обоих секторов — одноэтажное, двусторонне застекленное фойе. Соответственно двухчленному принципу в клубе имеются два входа: один в зрелищную часть, другой — в клубную.

Вход сектора зрелищной работы ведет в просторный вестибюль, в гардероб с вешалками традиционного типа и в фойе в форме буквы Т. Зрительный зал с балконом рассчитан на 864 человека. В нем имеется ряд окон, выходящих на правый фасад здания. Та часть фойе, которая соответствует горизонтальной полосе буквы Т, примыкает непосредственно к зрительному залу, вертикальная же — составляет то самое застекленное звено, которое соединяет зрелищный сектор с собственно клубным.

Нижний этаж, второй, собственно клубной, части клуба, кроме столовой, занят всецело обслуживающими помещениями (правление, кухня, помещение для сторожа

и т. д.). И только верх отведен под собственно клубную работу. Здесь помещаются библиотека, читальня и 9 небольших комнат, отведенных под «тихие» и «громкие» кружки. Некоторые из этих комнат не превышают 7 м^2. Две комнаты — лекционный зал (по проекту архитектора, физкультурный зал) и радиоугопок — вынесены в третий этаж.

«Громкие» кружки архитектурно не отделены от «тихих». Расположение комнат осуществляется по коридорной системе. Библиотека отделена от читальни сплошной стеной с окошечком для выдачи книг в читальню. Каждая из этих комнат пользуется отдельным входом. Из кружков функционируют: кружок кройки и шитья, военный кабинет, юнсекция, деткомната, радио и фото, шахматно-шашечный и несколько др. Одна из комнат занята под врачебный кабинет.

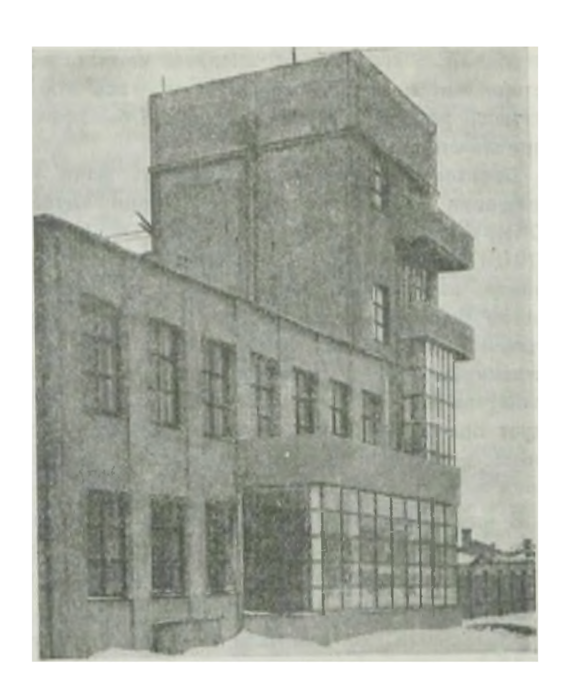
Если учесть, что клуб «Пролетарий» расположен на ОТКРЫТОМ МЕСТЕ и, следовательно, доступен для обозрения со ВСЕХ сторон, надо было бы подходить к его разрешению, НЕ ПРИДЕРЖИВАЯСЬ ПРИНЦИПА ОДНОФАСАДНОСТИ.

Теоретическая постановка проблемы клуба как архитектурной единицы выдвигает такое решение, при котором клуб С ЛЮБОЙ точки зрения обладал бы действенной силой. Расположение данного клуба дает все возможности для того, чтобы осуществить на деле эту теоретическую предпосылку.

В настоящее время получается такая картина: к трамвайной линии, за которой фактически начинаются пустыри, клуб обращен передним фасадом, проработанным архитектором с наибольшей тщательностью Задний фасад, обращенный к многоэтажным зданиям поселка, и, следовательно, в данном случае самый существенный, разрешен как СПЛОШНАЯ ГЛУХАЯ СТЕНА. Это значит, что вечером он СОВЕРШЕННО НЕРАЗЛИЧИМ среди окружающей темноты. Правая сторона, обращенная к самому крупному кусту жилкооперативных рабочих домов, имеет ряд окон в зрительном зале. Но фактически эти окна постоянно темны, потому что они всегда затянуты шторами, чтобы не мешать работе в зрительном зале. Да и зрительный зал во время действия всегда в темноте. Таким образом, целых два фасада, которые обращены к жителю рабочего поселка и которые должны были бы обладать самой большой действенностью, ФАКТИЧЕСКИ ВЫВЕДЕНЫ ИЗ СТРОЯ. Горящий светом, ясно видимый из окна жилья силуэт клуба дает импульс для того, чтобы приобщиться к культурной работе. Когда же он сливается с тьмой, его идеологическое воздействие на зрителя как архитектурной единицы сводится к нулю.

Остаются лишь передний и левый фасады. Но эффективность их сводится до минимума, потому что передний фасад обращен к пустырю, а с левой стороны расположена значительно меньшая часть поселка.

Боковой фасад клуба „Пролетарий".

Если даже через несколько лет эти районы будут застроены, то и в таком случае остается в силе высказанное прежде соображение, что КЛУБ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОФОРМЛЕН ПО ПРИНЦИПУ РАВНОЦЕННОСТИ ВСЕХ ЕГО СТОРОН, так как тогда только достигается максимальная его притягательная сила.

Как применен в клубе ПРИНЦИП ОСТЕКЛЕНИЯ? Архитектор сплошь остеклил фойе и заключил в стеклянную коробку лестницу в разрезе всех трех этажей. Таким образом, при освещении зритель из окон соседних домов, с трамвая и т. д. видит наименее характерные для клуба как такового моменты: под'ем по лестнице и прогулка зрителей по фойе. Если подходить к остеклению не как к ДЕКОРАТИВНОЙ задаче, а как к задаче, имеющей целью повысить идеологическое воздействие клубного здания как центра культурной работы, следовало бы остеклить такие помещения, которые характерны для этой задачи, как, скажем, физкультурный зал, читальню и т. п. Особенно привлекателен в этом отношении физкультурный зал. Ритмичные движения, интенсивная окраска маек и т. д. сообщают процессам, совершающимся в клубе, возможность сильного воздействия (стекла можно предохранить специальной легкой сеткой). Точно так же хорошо организованы читальня с удобными

стульями, с хорошим освещением, комната отдыха взрослых с шахматно-шашечными столиками и т. п. оборудованием — все эти комнаты, открытые для обозрения обитателей рабочего поселка, повышали бы эффективность клуба как центра культурного притяжения.

Архитектор, остеклив вместо этого фойе, не только не достиг прямой цели — повышения идеологического воздействия клуба как архитектурной единицы, НО СНИЗИЛ ПРИ ЭТОМ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛУБА КАК ОРУДИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ. В фойе зритель проводит перед началом спектакля, концерта или сеанса кино, во время антракта определенное время, которое могло быть рационально использовано для рассмотрения выставок или изобразительных материалов, развернутых в фойе и раскрывающих ту или иную производственную, хозяйственно-политическую кампанию. Исходя из этой возможности воздействия на клубного посетителя, издание «Клубы металлистов» специально рекомендует при проектировании фойе учитывать использование его для выставок. Потребность в таком использовании в связи с той или иной хозяйственной и политической кампанией в клубе стоит чрезвычайно остро.

В клубе «Пролетарий» архитектурный замысел лишил клуб этой возможности, так как вывел из строя стены как площадь для развески. Поэтому мы и сталкиваемся с таким ненормальным явлением, что плакаты и лозунги, кое-как вкривь и вкось прикрепленные, висят прямо на стекле.

Зрительный зал разрешен по принципу, ставшему «классическим» для множества буржуазных кино еще дореволюционной эпохи. Ни малейшей попытки найти специфичное для рабочего клуба решение не замечается.

Зрелищная часть по площади относится к клубной, как один к одному. Но так как весь нижний этаж (за исключением столовой) отходит под обслуживающие помещения, фактически отношение изменяется, как 3 : 1; это отношение явно неблагоприятно для клубной части.

При разрешении собственно клубной части архитектор пользовался неправильным принципом коридора, имеющим целевое назначение от'единять и отгораживать одну ячейку от другой. Клубный же принцип требует, наоборот, не суммы отдельных расчлененных единиц, а комплекса. Следовательно, для клуба должен был быть найден другой тип архитектурного разрешения (каждый данный клубный комплекс должен иметь об'единяющий архитектурный центр). Тот же раз'единяющий принцип сказывается и в отношении библиотеки и читальни. Они трактованы как отдельные замкнутые организмы.

Внешнее архитектурное оформление здания сводится к тому, что каждое из двух основных его звеньев разрешено, как совокупность группы простых геометрических форм, легких, настолько лишенных монументальности, что они производят впечатление почти игрушечных. Все контуры и силуэты даны прямыми линиями под железобетонную конструкцию (хотя кладка стен в действительности кирпичная).

Комбинации некрупных об'емных геометрических форм, из которых слагается каждый из 2 основных элементов клуба, тоже служат декоративным целям.

Они не вытекают с необходимостью из целеустремленности здания в целом или данного конкретного помещения. Наоборот, физкультурный зал, например, выносится в третий этаж явно для того, чтобы создать башенку в конструкции здания. Значительно рациональнее было бы помещение физкультурного зала в первом этаже, так как это дает возможность непосредственной связи со спортплощадками на воздухе, с катком и другими видами спорта.

Примером декоративного использования якобы конструктивных элементов служит и столовая. Застекление стены вынесено за пределы каменной ее части и выступает вперед в виде коробки. Единственное целевое назначение этой коробки—создать новую игру об'емами, так как из этой коробки нет даже двери на улицу.

Современная буржуазная новаторская архитектура является характерным образцом искусства капитализма в его нисходящей стадии.

Это искусство, продвигаемое буржуазной технической интеллигенцией, имеет, однако, уже и свое мелкобуржуазное преломление. Мелкобуржуазный стиль тяготеет к уюту и «красивости» и эти свои тяготения стремится выразить, пользуясь и языком геометрических об'емов и обнаженных конструкций. Для этого он дробит их и жонглирует ими, чем лишает их строгости и суровости, для этого он использует все элементы как декоративные и в результате, преодолевая первичный характер форм, создает уютный и легкий ансамбль, не имеющий принципиальных отличий от мелкобуржуазных ансамблей, построенных с использованием фасадных лепных украшений и т. д.

Это здание ПО ЦЕЛЕВОМУ назначению могло бы быть ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ БУРЖУАЗНОГО ПАНСИОНАТА-ГОСТИНИЦЫ СРЕДНЕЙ РУКИ, и притом расположенной в гористой курортной местности: один фасад (зданий) почти непосредственно примыкает к горе, передний виден издалека с открытой площадки, а два боковых несколько скрыты зеленью.

По стилевому же характеру это здание можно рассматривать как ОБРАЗЕЦ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО СТИЛЯ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА.

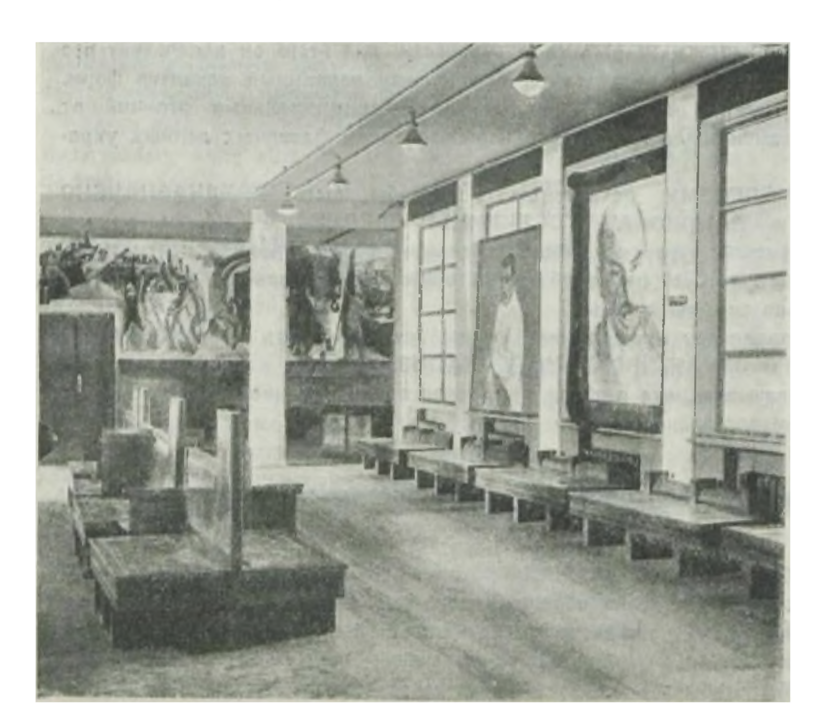
Вряд ли нужно доказывать, что с обеих этих точек зрения здание клуба нисколько не отвечает задачам пролетарского клуба.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ ЗДАНИЯ

На внутреннее оборудование было обращено довольно большое внимание. Мебель в читальне и фойе исполнена по заказу. Это не мешает ей находиться в резком противоречии с задачами клубной мебели. Клубная мебель должна быть ПОРТАТИВНОЙ, особенно в фойе, чтобы его можно было легко обращать в площадку для мас-

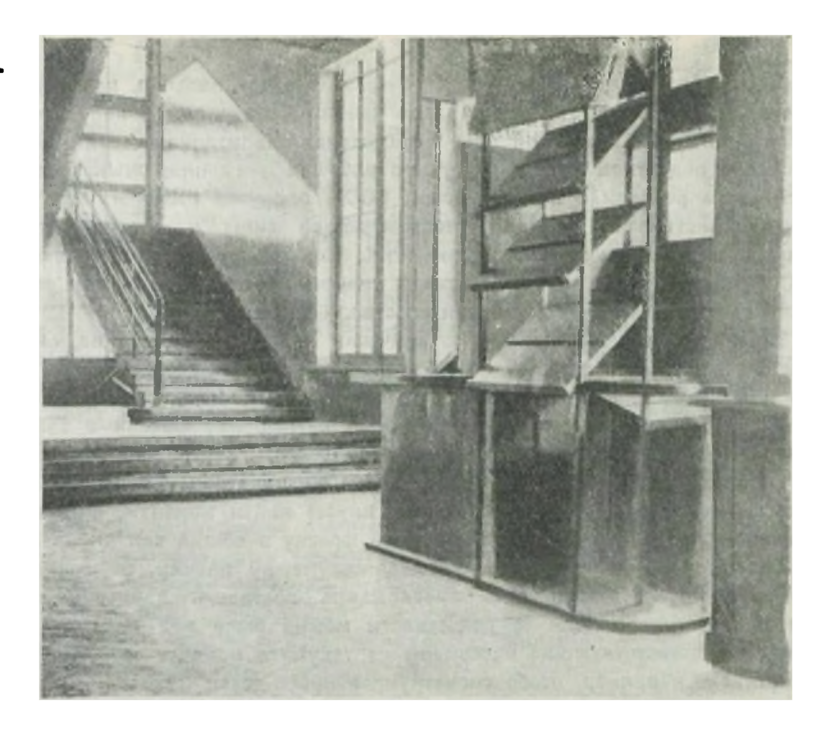
собых игр. Здесь же, наоборот, сделано специальное ударение на сугубую монументальность, на неподвижность мебели. Диваны представляют собой исключительно широкие, низкие сплошные коробки-лавки, отвечающие разве что стилю феодально-крепостной России и несколько напоминающие те мебельные ансамбли, которые готовились в «строгановском» кустарном стиле. Ширина их не менее чем в два раза превышает ширину обычного сиденья. Это нерационально, во-первых, потому, что скрадывает помещение фойе, во-вторых, потому, что не удовлетворяет условиям отдыха: на этих скамьях невозможно облокотиться. Спинки даны в зародышевом состоянии, в виде валика, который не несет решительно никакого утилитарного назначения. Та же неутилитарность замечается и в разрешении стула. Сидение стула — ромб. Сплошные спинки смыкаются над двумя смежными сторонами ромба, так что приходится сидеть на выступающем треугольнике. Эти стулья одинаково не удобны и для фойе и для читальни.

ФРЕСКИ — самое сильное место клуба. Они выполнены отчасти тем составом художников, которые в 1929 г. расписали клуб казармы им. Дзержинского (в Мо-

Фойе клуба „Пролетарий“ с фресками на заднем плане.

Книжный киоск в клубе „Пролетарий".

скве), отчасти теми художниками, которые приняли участие в росписи московского клуба ВХУТЕИНА ●.

Во многих отношениях фрески представляют собой шаг вперед по сравнению с предыдущими работами группы. В первых росписях еще имеются мистические упадочные черты, доставшиеся по наследству от учителей. Здесь мистическая обреченность жестов и положений почти окончательно изжита. В казарме им. Дзержинского отдельные элементы представляли замкнутые тематические отрезки. Здесь — попытка развернуть сложное социальное явление во всех его связях.

Но в то же время в росписи имеется и ряд дефектов, например, существование разных стилистических систем. Плакатная сатира уживается одновременно и с абстрагированными пафосными и с психологически углубленными композициями. Отсюда — и разные формальные системы. Об'емность центральной композиции доведена до того, что некоторые фигуры кажутся составленными из металлических суставов, закованных в металлическую броню.

● Художники: Цирельсон, Конков, Вязьменский, Немов, Мирлас, Гапоненко, Иванов, Невежин.

Делая попытку раскрыть диалектически сложное явление, роспись оказывается не в состоянии довести этот принцип до конца. В изображении капиталистического мира этот принцип в некоторой мере осуществлен. Капиталистический мир дан, с одной стороны, под углом зрения растущего рабочего движения, смыкающегося в центральной части росписи с пролетариатом СССР, с другой стороны, под углом раскрытия империалистической реакции, мобилизующей силы и против колоний и против внутреннего революционного движения. Но правая сторона росписи, посвященная СССР, строится без раскрытия таких тормозов социалистическому строительству, как сопротивление кулачества, вредительство, бюрократизм и т. д.

Если бы была выделена и сатирически подана такая группа, она перекликалась бы с сатирической группой левой стороны (патер, благословляющий расстрелы рабочих) и повышала бы не только смысловую, но и стилевую значимость композиции. Наконец, в росписи нет попыток найти разрешение фрески в той специфичности, какой является клуб — центр культурной работы, связанный самым тесным образом с биением хозяйственной и политической жизни страны. В тематике фрески необходимо (поскольку фреска находится в клубе) найти моменты, смыкающиеся с повседневной жизнью клуба, надо включить фреску в общий тон клубной жизни.

Такого рода пожелания высказывались, между прочим, на совещании с рабочим активом клуба. Выдвигалось предложение построить композицию таким образом, чтобы без ущерба для ее целостности можно было под тем или иным элементом вводить соответствующие материалы из текущего момента (по данной проблеме), посредством, например, особо сконструированных досок и застекленных световых витрин и т. д.

В настоящее же время возникает опасность обособления фресок от всего клубного комплекса. Но даже в таком виде фрески — самый ценный элемент оформления данного клуба. Роспись — единственный участок, в котором авторами четко осознается та социальная целеустремленность, в которой должно быть заострено все оформление клуба.

Опыт «Пролетария» должен быть учтен в его положительных и отрицательных сторонах и продолжен в других клубах. Надо также выдвинуть на общественное обсуждение вопрос о необходимости уже при проектировке клуба УЧИТЫВАТЬ МЕСТА, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ДЛЯ РОСПИСИ ФРЕСКОЙ. В «Пролетарии» этого учета не было. Было выбрано лишь наиболее подходящее в смысле площади место—фойе. Все же фреска находится и здесь в неблагоприятных условиях для обозрения. Только среднюю часть можно видеть, отходя на удобное расстояние. И правое и левое крылья приходится рассматривать почти вплотную.

Главный же минус не в этом, а в моменте принципиального порядка: насколько полезно занимать под фреску стену фойе, которую, как указывалось выше, целесообразнее всего использовать для переменных выставок (для фрески целесообразнее было бы, напр., использовать зрительный зал, столовую и т. п.).

Этот вопрос, несомненно, требует дискуссионного обсуждения.

Существенным дефектом всего оборудования клуба в целом является тот факт, что все попытки оформления и со стороны правления клуба и со стороны шефов-оформителей сосредоточены полностью на зрелищной части. Собственно клубная часть в загоне: в ней все убого, собрано с бору да с сосенки. Кроме того, при оборудовании клуба в целом не произведено никакой попытки поставить его на принципиальную высоту. Расцветка стен случайна и мрачна, без психотехнического учета. Плакаты и лозунги развешаны хаотично, без малейшего признака какой бы то ни было системы.

Между тем такая система может и должна быть. Например, если исходить из графика движения, характерного для каждой данной части клуба, можно было бы параллельно этому графику развертывать тематический материал, относящийся к тому или иному заданию. Можно и нужно было бы выяснить ударные места, т. е. места, где больше всего возможностей остановки посетителя, места предельного скопления зрителей и т. д. На учете всех этих деталей можно достигнуть достаточно эффективного воздействия на зрителя средствами планово подобранного материала. При бесплановой же развеске фактически материал пропадает впустую.

В результате анализа обнаруживается крайний стилистический разнобой в клубе: смесь буржуазных и мелкобуржуазных элементов в архитектурном языке и первые, хотя и робкие, попытки создания пролетарского стиля в фреске, феодально-крепостнический характер мебели. Если сюда прибавить великолепные образцы кулацко-трактирного стиля в виде пепельниц и полоскательниц, расставленных на столах буфета, и сжатые образцы плакатов и лозунгов текущего дня, прикрепленные прямо к стеклам столовой и фойе, — картина разнобоя получится отчетливая и вопиющая.

Такое положение в центрах, где куется пролетарская культура, конечно, недопустимо.

Этот разнобой недопустим и неприемлем не потому, что он «некрасив», так же как и архитектурное выражение данного здания, неприемлемо не потому, что оно «некрасиво». Неприемлемо оно потому, что построение клуба в плане буржуазного пансионата лишено классовой целеустремленности, противоречит социальной функции здания, дезориентирует зрителя и направляет его восприятие по неверному пути.

Частный быт оформляется постепенно, из года в год, часто на протяжении нескольких поколений. И если иногда в рабочем жилье, переходя от участка, занятого бабушкой, к участку, занятому внуком-пионером, можно уже по одному оформлению судить о степени просачивания мировоззрения пролетариата в самые поры быта, то как часто еще «шедевры» сухаревско-гумовской продукции, влияние мещанской стихии, занимают доминирующее положение.

Оформление клуба должно быть не только удобным, не только давать бодрую зарядку для отдыха рабочего, оно должно действенно противостоять чуждым влияниям и быть проводником пролетарской идеологии в недра быта. Необходимо, чтобы рабочий, придя в клуб, каждый раз получал в нем импульс для социалистической реконструкции своего быта. В оформлении данного клуба он этих импульсов не получит.

Клуб „Ротфронт" выстроен в 1930 году профсоюзом печатников по проекту С. Пэна. Находится на Краснопролетарской улице.

клуб „ротфронт“

м. в. алпатов

История клуба «Ротфронт» типографии «Красный пролетарий» на Краснопролетарской улице (бывшей Пименовской) может послужить очень поучительным примером того, как не следует относиться к важной и ответственной задаче клубного строительства. Первый во всем Союзе клуб работников полиграфического производства был начат постройкой на средства Изогиза по проекту архитектора Пэна и вначале пользовался большим вниманием. В него вкладывали значительные средства, в нем была задумана первая у нас организация художественно самодеятельного цеха, долженствовавшего осуществить лозунг «культработа на службу промфинплану». На одну фресковую роспись клуба было отпущено около 50 тысяч рублей. Были исполнены уже эскизы, за которые было тогда же заплачено 15 тыс. рублей Ассоциации монументалистов, однако, в виду каких-то «междуведомственных» недоразумений между Изогизом и местными организациями, во всяком случае по причинам, которые никак не оправдываются интересами общественного дела, идея монументальной росписи была оставлена. Эскизы хранятся в строительной конторе. Клуб остался без всякой декоративной отделки — без фресок, без декоративных скульптур и даже без того минимального оборудования, без которого он вряд ли может нормально функционировать. В клубе почти не имеется мебели, не сделана вентиляция. В ноябре 1930 г. клуб «Ротфронт» был открыт, но парадные залы клуба пришлось наполнить лавками, скамейками и разношерстными стульями, которые кое-где удалось собрать и которые стоят в вопиющем контрасте с выдержанной стильностью архитектуры. Клуб и по сей час не вентилируется, и можно себе представить, к чему это ведет при многолюдных собраниях в рссчитанном на пятьсот человек зрительном зале, куда фактически набивается до восьмисот человек.

Клуб производит голое и нежилое, местами пустынное впечатление. Контраст между архитектурой и оборудованием больно режет глаз. Разнобой бросается в глаза уже в фойе, где открытый буфет отграничивается от главного пространства тяжелым дубовым барьером с балясинами, как на дачных террасах мещанского стиля.

Но отвлечемся от этих частных недостатков. Какой же замысел осуществлен в клубе «Ротфронт»?

Клуб «Ротфронт» выстроен в форме парохода.

Вот первая черта, которую следует обсудить с точки зрения задач клубного строительства. Заимствование в архитектуре жилищного и общественного характера отдельных машинных форм и в частности деталей парохода и спальных вагонов очень типично для архитектурного конструктивизма.

Идея использования пароходных форм в архитектуре клубного здания находится в резком противоречии с самой идеей рабочего клуба.

Использование технических достижений превратилось здесь в изобразительное подражание. Клуб изображает пароход, и это бросается в глаза и в действительности и еще ярче на проектном рисунке (где клуб оснащен гигантской мачтой и выглядит вообще как пароход).

Как оправдана эта мысль? Откуда странная идея сделать клуб в форме парохода, которая напоминает изобретательность лунапарков с железной дорогой, в которой посетитель благодаря кино получает обманчивое впечатление, будто он совершает за 20 коп. путешествие в Швейцарию и на Кавказ? Неужели и посетитель киносеансов в клубе «Ротфронт» должен пребывать в сладостной иллюзии, что, вступая на океанский пароход, он совершает путешествие в Голливуд?

В этой формальной причуде архитектора содержится крайне нездоровое, неизжитое влияние буржуазной эстетики. С одной стороны, хочется сравнить его с теми пепельницами в форме гондолы, чернильницами в форме швейцарских шале, которыми уставлялись мещанские квартиры. С другой стороны, хочется напомнить, что пароход, ставший «архитектурой», имеется в саду виллы Габриела д'Аннунцио, и фашистский придворный поэт, совершая прогулки, иногда взбирается на него, может быть, воображая себя адмиралом...

Мы особенно остановились на критике этого замысла, потому что он не является простой затеей архитектора, создателя нашего клуба, а механическим переносом в нашу действительность классово-враждебной идеологии эстетизации машины, которая соответствует целому течению в современном европейском искусстве—конструктивизму — и не имеет ничего общего ни с творческим методом пролетарского искусства вообще, ни с нашим клубным строительством в частности. Вот почему идея клуба «Ротфронт», посвященного германскому революционному движению, и эстетизированный образ парохода, которым эта идея «реализуется», стоят в вопиющем противоречии.

Нужно со всей резкостью отметить, что архитектурный образ эстетизированного парохода идеологически враждебен идее клуба, посвященного германскому пролетарскому движению «ротфронт». Следовательно, идеологически пароходная форма совершенно не оправдана революционым содержанием идеи пролетарского клуба.

Посмотрим теперь, как оправдывают себя с технической стороны пароходные формы в применении к клубу. К числу положительных сторон этого замысла относится устроенная на крыше палуба, окруженная настоящим пароходным бортом. Здесь летом устраиваются собрания, здесь стоят столики и торгует буфет. Здесь ночью про-

хладно и днем можно принимать солнечные ванны. Но опять-таки архитектор в тисках своей формальной композиции не мог удержаться от того, чтобы не перегнуть палки.

Помимо главной палубы, он сделал, как и в настоящем пароходе, еще нижнюю палубу (обычно предназначенную для II и III классов). Она виднеется с улицы, обведена таким же барьером и обходит здание с юго-западной стороны. Но эта вторая палуба не имеет никакого функционального значения. Она слишком мала, чтобы на ней могли быть большие собрания, и слишком коротка, чтобы на ней гулять, а, главное, как говорят клубные работники, она проходит окнами тех самых помещений, которые предназначены для клубной сосредоточенной работы. Таким образом, всякое скопление людей на ней мешает самой клубной работе и уменьшает и без того незначительный сектор собственно клубных помещений здания.

Как у настоящего парохода, у клуба «Ротфронт» с самой видной стороны имеется настоящий круглый люк. Мы заглянули во-внутрь, чтобы увидеть, как он оправдывается изнутри. Оказывается, архитектор сумел оправдать его тем, что он дает достаточно света, но отделяет это помещение с выходящими на двор окнами внешнего пространства улицы. Но все-таки это не больше, как остроумное оправдание.

Есть в клубе «Ротфронт» также обширный трюм, который по странной иронии судьбы, как у тонущего корабля, стоит сплошь залитый водой и не может быть использован. Оказывается, при производстве строительных работ был недостаточно исследован грунт, и после того, как клуб-пароход был закончен, обнаружилось, что грунтовые воды проходят так высоко, что вода выступает повсюду и заливает его со всех сторон. Предполагают, что вообще под зданием проходит маленькая речонка (что, однако, никак не оправдывает мысли построить клуб в виде парохода и ставит под вопрос качество технического контроля при возведении здания).

В общем замысле задания есть все же и положительные черты (которые, однако, не вытекают из основной идеи клуба). Этим преимуществом клуба следует признать его своеобразно осуществляемую связь с уличным пространством и вообще с улицей. Клуб не стремится, как многие другие клубы, произвести на посетителя ошеломляющее величественное впечатление дворца, в который вступаешь всегда немного потерянным и где говоришь вполголоса. Здесь нет ни величественных башен, ни бойниц, ни огромных барочных лестниц. Посетитель как-то сам собой незаметно попадает в прихожую, которая, как и фойе и зрительный зал, остается на уровне почвы улицы. Входных дверей имеется вообще такое огромное количество, и сделаны все они благодаря застеклению такими прозрачными, что четкого отделения пространства улицы от фойе не имеется. Протяженность по горизонтали вдоль улицы сохраняется и во внутреннем помещении, главным образом в фойе. Сквозь такие широкие горизонтальные окна, расположенные низко над землей, и уличный пейзаж кажется не похожим на пейзаж, который видишь в обыкновенные окна, потому что обычно даже широкие окна, высоко расположенные над землей, резко отделяют пространство здания от внешнего пространства и этим самым превращаются как бы в своеобраз-

ные картины. Здесь этого впечатления не получается Видимая перед окном улица кажется естественным продолжением фойе, и это должно приобрести особенную остроту контраст между улицей и интерьером усиливается разницей температурой.

Это впечатление усиливается еще тем, что выходящие на улицу окна выступают с одной стороны перед стеной таким образом, что, подойдя вплотную к окну, можно, не высовывая головы из окна, видеть весь тротуар той стороны, на которой стоит клуб. Получается то, что имеется в комнатах с полукруглыми, выступающими нишами с окнами на улицу, но ниши образуют отдельную пространственную единицу, а окна клуба «Ротфронт» устанавливают связь с улицей, не отрываясь ОТ САМОГО ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЯДРА.

После того, как проект монументальной росписи был отвергнут, здание клуба было подвергнуто раскраске.

Проблема краски в архитектуре клубных зданий принадлежит вообще к еще очень мало исследованным, и поэтому на ней приходится остановиться. Вот какую раскраску мы имеем в клубе «Ротфронт»: стены главного помещения фойе выдержаны в светлом, почти белом цвете, но его потолок окрашен в лимонно-желтый цвет. Ярко желтым цветом подсолнуха покрашена сообщающаяся с главным помещением фойе буфетная, и в ярко померанцевый цвет окрашено боковое помещение фойе, которое точно так же непосредственно вливается в главное помещение фойе. Итак, сочетание лимонно-желтого, темно-желтого и померанцевого определяет первое красочное впечатление от клубного интерьера. Причем своеобразие этого впечатления в том, что в главном помещении фойе красочным является потолок, в смежных помещениях — стены. Этот интересный замысел должен несколько сместить наши привычки видеть цветными стены и белым, как облачное небо, потолок, должен повысить впечатление пространственного об'ема и, затрагивая основную ось нашего пространственного восприятия, дефетишизировать четкие и омертвелые представления: стен, потолка и т. д., которые закрывают нам глаза на их архитектурную сущность. Но эта красочная композиция имеет еще другое значение.

Первое впечатление от клуба построено на восприятии сообщающихся между собой и вместе с тем диференцированных и обособленных пространств — прием, хорошо известный в практике жилищного строительства конструктивистов. Фойе вообще не мыслится как изолированный зал, как в любом кинотеатре. В него непосредственно вливается пространство раздевальни, врывается со своими железными перилами лестничная клетка, с ним сообщается померанцевая буфетная и темножелтое боковое отделение фойе. Таким образом, цвет здесь призван на службу диференциации пространственного впечатление клуба и в частности его главного пространственного ядра с подразделениями.

Эта цветовая задача, нужно сказать, хорошо решена в ряде других более мелких помещений. Окраска в чистые яркие тона, с одной стороны, вообще повышает жизнерадостность, действует очень бодро на зрителя, а во-вторых, индивидуализирует облик

каждой из отдельных комнат для клубной работы и содействует ей обособленно. Никто из посетителей клуба не запомнил бы всех этих небольших комнаток с одним окном и одной дверью, где ведется работа различных кружков, если бы в памяти не осталось яркого впечатления о сочном красном цвете одной комнаты, яркой желтизне другой и т. д.

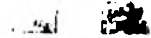
Если в цветовом отношении клуб правильно разрешает вопрос о создании в пределах клубного единства отдельных единиц, то в слуховом и в пространственном отношении он оставляет желать много лучшего. Прежде всего нужно сказать, что принцип слияния отдельных пространств непосредственно в одном фойе оправдывает себя в клубе еще в меньшей степени, чем в нашем жилищном строительстве. Нельзя забывать, что клуб должен содействовать повышению общественной жизни его членов и давать им во время отдыха зарядку для их трудовых часов.

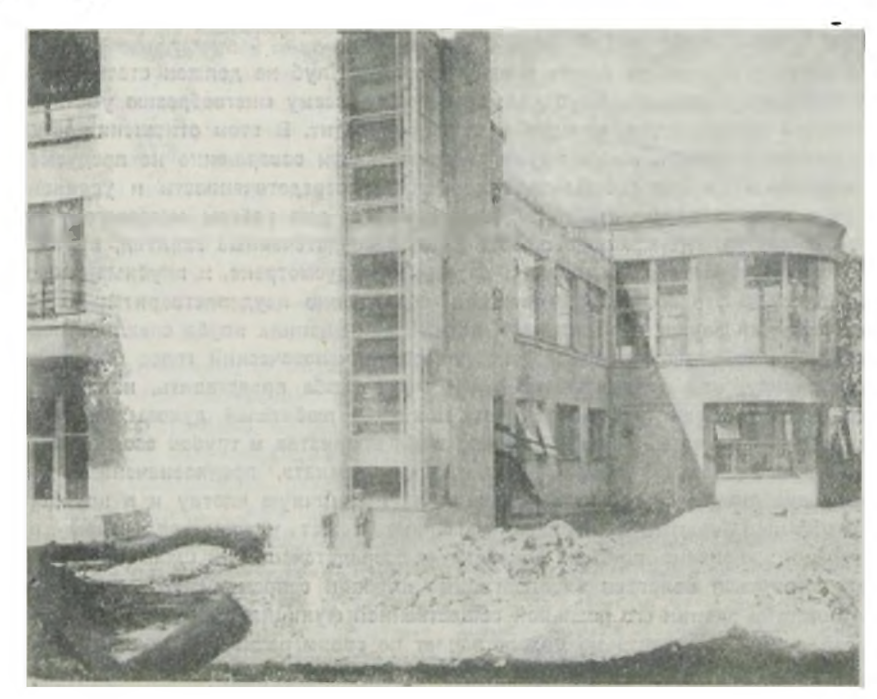
В этом отношении рабочий клуб должен быть не похож на те старинные клубы в особнянах (где в первые годы революции ютились наши клубы), главная задача которых была в создании иллюзии полной оторванности от внешней жизни, где мягко ступаешь по неслышным коврам и где можно уединяться в завешенных тяжелыми портьерами салонах и диванных. Связь нашего клуба с внешним пространством, как мы сказали, категорически порывает со старинной традицией клубного оформления.

Однако не следует перегибать палку в одну сторону. Клуб не должен стать форумом, говоря по-нашему, базаром. Клуб должен отвечать всему многообразию умственной и физической деятельности, которая в нем происходит. В этом отношении клуб «Ротфронт» оставляет желать много лучшего. В нем почти совершенно не предусмотрено, что некоторые формы работы требуют полной сосредоточенности и уединенности, что нужно сделать так, чтобы рядом с сектором для работы массового типа существовали и другие, где можно было бы вести сосредоточенные занятия, кружки и др. клубную работу. Между тем этого в клубе не предусмотрено, и клубные работники справедливо на это сетуют. В частности, совершенно неудовлетворительно решена задача создания звуковой изолированности. В помещениях клуба слышно слово в слово, что делается в соседних. Из фойе доносится человеческий голос благодаря странному резонансу, как громкоговоритель. И можно себе представить, каково впечатление получается, когда человек двадцать молодых любителей духовых инструментов, членов музыкального кружка разучивают на кларнетах и трубах свои партии. Не меньшей несообразностью нужно признать, что комната, предназначенная для шахмат, имеет две огромных двери, выходящие на лестничную клетку и в коридор, так что самый нелюбопытный, проходя мимо, не может удержаться, чтобы не заглянуть туда, что, конечно, вряд ли содействует сосредоточенности шахматистов.

Особо надо коснуться вопросов эксплоатации клуба в современных условиях и степени соответствия здания его реальной общественной функции. Как и большинство других клубов, клуб «Ротфронт» не удовлетворяет по своим размерам существующим потребностям: на 2 500 человек рабочих на производстве он дает места только

552 человекам в зрительном зале и очень незначительному числу посетителей в своих других помещениях. Как и в других клубах, зрительный зал, не яркий по своему оформлению, является главным стержнем всего клубного построения, что, видимо, не соответствует правильному пониманию клубной работы. В сущности, все остальные залы и помещения группируются вокруг этого театра. При таком понимании забывается, что клуб функционирует не только в те дни и часы, когда в нем происходят общественные собрания и кинопросмотры. Клуб действует особенно для ребят и по утрам, и поэтому следовало бы подумать о том, чтобы построить его таким образом, чтобы отдельные его части гибко приспособлялись к различным нуждам клубной работы. Сама жизнь толкает на такого рода диференцированное использование клуба В клубе вовсе нет физкультурной площадки, и библиотека очень тесна. Утренние занятия с детьми приходится вести в огромном фойе перед зрительным залом. Крайне неудобно, что фойе задумано как сообщающееся с лестницей и смежными помещениями пространство. Занятиям детей крайне мешает то, что вокруг них проходят

Задний фасад клуба „Рот-фронт".

Зрительный зал клуба «Ротфронт».

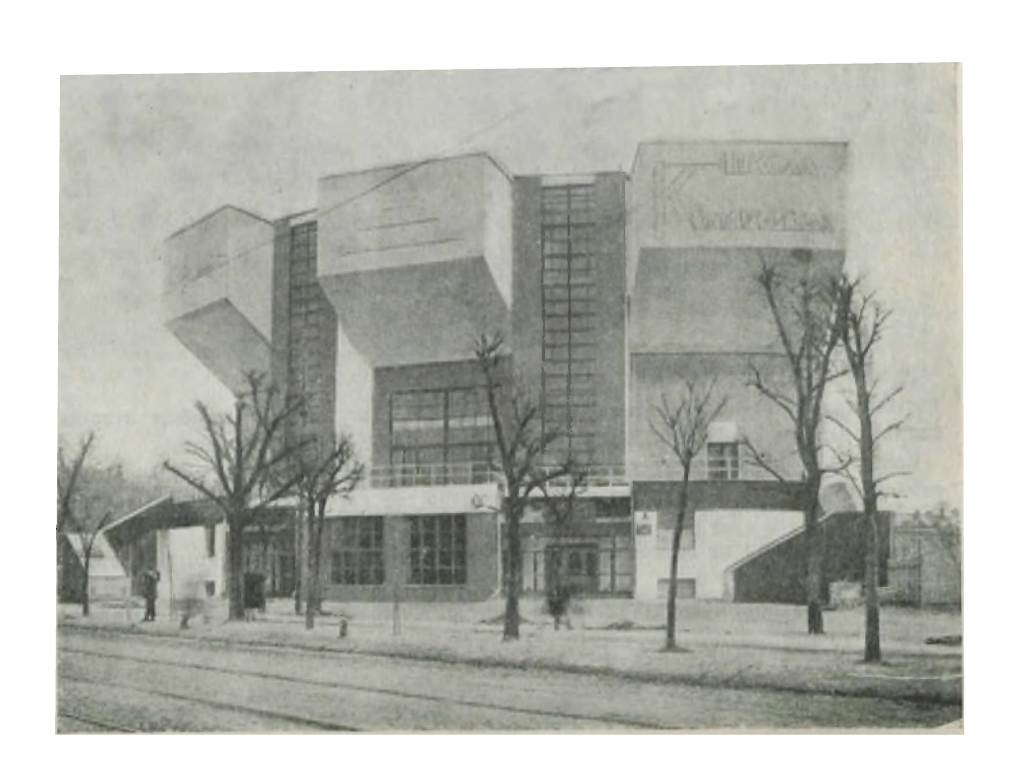
посторонние, хлопают дверьми, останавливаются, шумят или вообще вторгаются со своими делами В ЭТОТ ЕДИНСТВЕННЫЙ УГОЛОК детской жизни.

Клуб «Ротфронт» по своему замыслу не удовлетворяет своему назначению. Творческий метод, избранный архитектором, явно не соответствует принципам пролетарской архитектуры.

Вместе с тем он не отвечает и функциональным требованиям, которые ставит клубное здание.

Перед нами яркий образчик идеологически чуждой и утилитарно нецелесообразной архитектуры.

Клуб им. Русакова выстроен в 1929 г. профсоюзом коммунальников по проекту К. С. Мельникова. Находится на улице Стромынке, в Сокольниках.

клуб имени русакова

м. а. ильин

Одним из наиболее любопытных клубных зданий, возведенных в течение последних строительных сезонов, является клуб союза коммунальников на Стромынке.

По мнению автора проекта, арх. К. С. Мельникова, рабочий клуб должен служить прежде всего и главным образом для массовой культурной работы (спорт, театр, лекции и т .д.), которая строится на принципах самообслуживания и самодеятельности. Архитектура клуба должна четко выделять это здание из ряда всех прочих архитектурных об'ектов; здание клуба должно иметь столь же характерное для нашего времени лицо, каким обладали в предшествующие эпохи культовое здание или дворец.

Из принципа массовой культурной работы вытекает необходимость иметь большой зал, используемый под кино, театр, спорт, собрания и т. п. В окончательном проекте стромынского клуба зал оказался обычным зрительным залом для кино или театра и занял в здании господствующее положение.

Вход в клуб, расположенный почти центрично по фасаду, вводит в довольно обширный вестибюль, в который ведет лестница; по ее бокам расположены две другие лестницы, ведущие вниз. Гардероб устроен ниже, в цокольном этаже, и рассчитан всего на 400 мест, тогда как один зрительный зал вмещает 1 500 человек.

Из вестибюля вошедший попадает либо в библиотеку, расположенную слева от входа, либо в ряд обслуживающих помещений (правление клуба, курительная и т. д.), или же, наконец, в зрительный зал — конечную цель всего архитектурного построения. Кружковые комнаты расположены внизу, в цокольном этаже и по сторонам задней лестницы, обслуживающей сцену. Чтобы попасть в них, надо пройти физкультурный зал и площадку, подняться по лестнице на соответствующие этажи и пройти по коридорчикам. Подобная организация совершенно неправильна. Кружковые комнаты трактованы без учета тех занятий, которые должны в них происходить. На практике это привело к тому, что ряд разнородных занятий (в частности, «тихие» и «шумные») не может происходить одновременно в силу чрезмерной близости либо друг к другу, либо к помещению общего назначения.

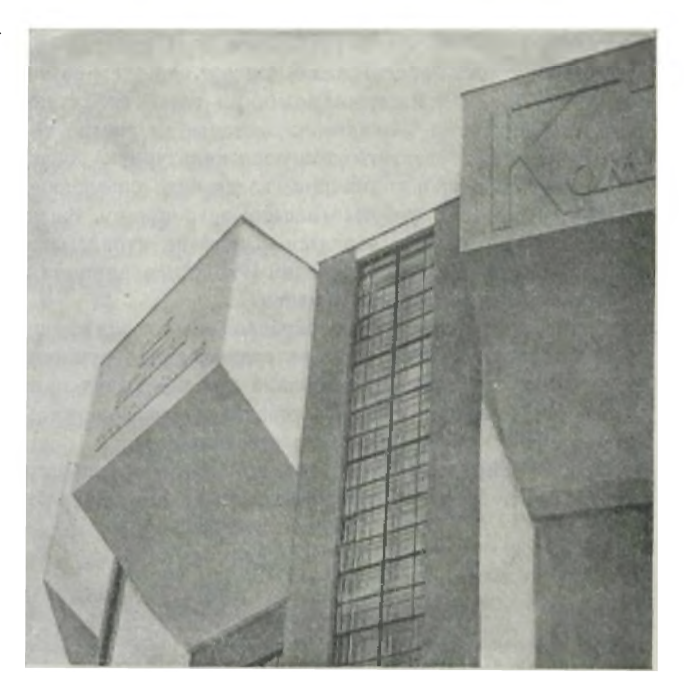
Центром всей композиции, как было сказано, является зал, имеющий форму усеченного треугольника. Общий об'ем его слагается из партера, к которому по бокам примыкают его продолжения в виде углубленных широких ниш, и из бельэтажа, разделенного на три вполне самостоятельные части. Это — глубокие впадины-ниши, идущие диагонально назад, вверх и вглубь по отношению к зрительному залу. Они, по желанию, могут быть отделены от зрительного зала особыми опускающимися стенками и использованы в качестве изолированных помещений для всякого рода собраний. Но соединение отдельных зал-аудиторий с бельэтажем привело к неудовлетворительному техническому решению. Принцип бельэтажа-балкона заставил сильно поднять угол под'ема мест для сидения, что сделало эти части совершенно неудобными в качестве самостоятельных аудиторий. Это, в свою очередь, отразилось на видимости сцены: плоскость экрана или положение человека на сцене во время театральных представлений для сидящих в бельэтаже искажается. Акустическая сторона также заставляет желать лучшего, что в особенности заметно в боковых, углубленных частях партера, где железо-бетонные балки перекрытия оказались своего рода глушителями.

Вход в бельэтаж находится в том же вестибюле в виде двух лестниц. В первом варианте предполагалось, что теперешняя комната между лестничными клетками

Боковой фасад клуба им. Русакова.

Деталь фасада клуба имени Русакова.

будет бельэтажем, но происшедшие изменения привели к тому, что бельэтаж превратился в последнем проекте в фойе, не будучи нисколько к этому приспособленным, так как это — небольшая комната, вмещающая только несколько десятков человек. Отсутствие фойе привело к тому, что в него был превращен физкультурный зал, но этим проблема не была разрешена, так как физкультурный зал в цокольном этаже крайне неудобен в качестве фойе как для партера, так в особенности для бельэтажа. Кроме того, от такой переделки клуб лишился вовсе зала физкультуры.

Внутренняя путаница помещений клуба усиливается его оборудованием, которое представляет собой набор всевозможнейших вещей, начиная от так называемой «американской» мебели и кончая мягкими диванами мещанского пошиба. Даже арматура ни в какой мере не отвечает сегодняшнему дню: она, видимо, набрана из случайных остатков (ампирные узоры!). Окраска стен так же случайна, как и все остальное. Преимущественно белые стены в некоторых местах расписаны то желтыми, то синими, то красными квадратами или треугольниками. Фойе второго этажа выкрашено сплошь в ярко изумрудный цвет. Эти случайные красочные поверхности ничего не выражают и даже не стремятся систематически оформить внутренние помещения.

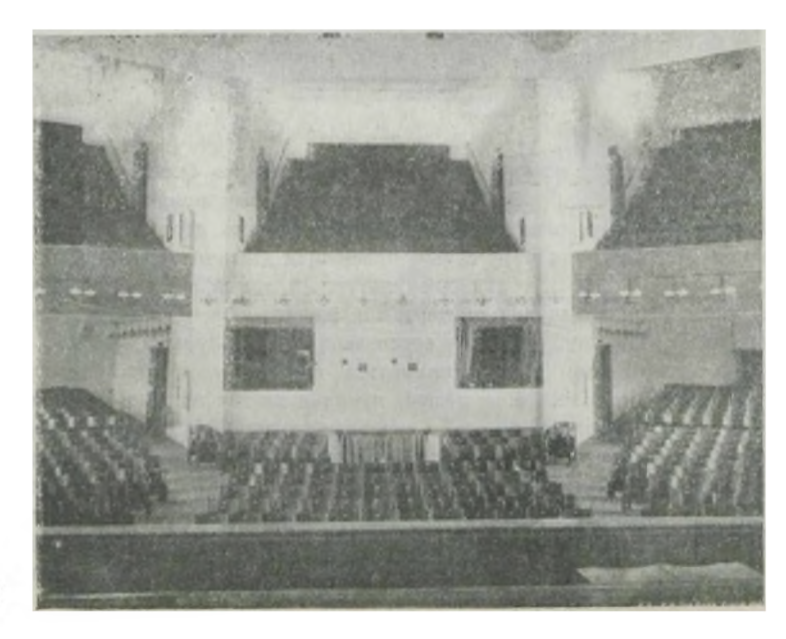
Зрительный зал в нашем клубе совершенно подчинил себе и даже поглотил все остальные помещения. В результате клуб превратился как бы в районный кино или театр, и его дальнейшая жизнь сможет итти только по этому пути. ВИНОВАТ В ЭТОМ И АРХИТЕКТОР, который подчинил своей центральной идее (залу) все сооружение в целом, виноваты и заказчики, которые не смогли точно формулировать свои требования и учесть развертывающуюся культурную работу.

В клубе имеется примерно следующее соотношение площади по трем основным разделам клубной работы (массово-зрелищному, физкультурному и собственно клубному): 100 : 0 : 15, что является абсолютно неприемлемым.

Треугольная форма зала, одним из углов которого является сцена, предопределила построение всего здания в целом.

Сцена, требующая целого ряда подсобных помещений и специального оборудования, выросла значительно выше зрительного зала, расширившись в об'еме. Обслуживающие помещения оказались значительно ниже. Угловая пристройка, где помещены клубные комнаты, продолжает собой направление косой линии, идущей от внешней наивысшей точки здания вниз, к вершине срезанного угла.

Однако наружная масса здания не имеет целеустремленности в глубину, а нарастает из глубины к периферии. Получается центробежное движение по диагонали

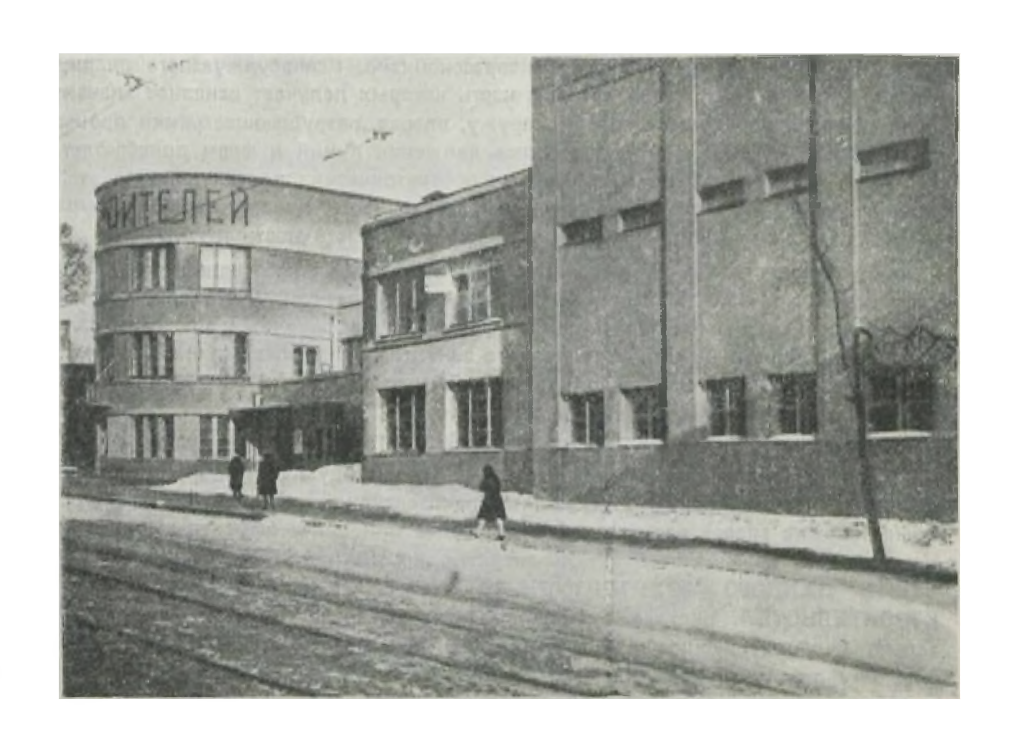
Зрительный зал клуба им. Русакова.

вверх. Эта диагональность подчеркивается окнами, расположенными на боковых фасадах. Цилиндрическая поверхность основного массива разрывается по фасаду выступающими лестничными клетками и тремя параллелепипедами «аудиторий» бельэтажа, чем окончательно закрепляется направление движения изнутри наружу. Поверхность главного фасада как бы развороченa выступающими частями, которые настолько сильно разрывают их, что весь фасад как бы разваливается. Мостик с нанизанными на него балконами и выходящими на него дверьми из фойе, бельэтажа и «ниш» партера несколько сдерживает всю композицию. Крайние балконы получили лестницы, идущие вниз и заворачивающиеся к центру, так что образовался пояс, связывающий все здание. Несмотря на симметрическое построение фасада, боковые точки зрения являются главными; получается впечатление осколков архитектурных форм. Основная поверхность фасада деформирована, и его внешние рамки разорваны. Во внутреннем пространстве также нет ничего цельного, ничего завершенного и замкнутого. От входа посетитель идет к лестнице в вестибюль; две лестницы идут в партер; шахта воздушного колодца устремляет его к сцене; сзади—диагональные шахты балконов бельэтажа. Еще большее ощущение непрекращающегося движения на лестницах и балконах. То же самое найдем и внизу, где физкультурный зал (теперь фойе) пересекается путем к кружковым комнатам. Формальный разбор стромынского клуба дает возможность усмотреть в нем некоторые элементы экспрессионизма, мелкобуржуазного анархического стиля. Сильная деформация деталей, часть которых получает основное значение. Создается движение, идущее изнутри наружу, вперед, разрушающее рамки произведения своей динамичностью. Противоположное движение линий и форм приобретает особое значение, что дает богатые возможности ассиметрических контрастов. Все это, взятое вместе, придает произведению яркую выразительность, динамичность, но выразительность, носящую черты внутренней надорванности, мистичности и т. п.

Архитектура стромынского клуба явилась отзвуком экспрессионистических проектов германского архитектора Эриха Мендельсона. Его проект индустриального здания является идейным и формальным отцом нашего клуба, обнаруживая с ним самые тесные связи. Если и не было тут прямого заимствования, то во всяком случае идеология авторов явилась настолько однородной, что привела к совершенно одинаковым формальным решениям. Советская общественность должна требовать от архитектора созвучной нам и идеологически оправданной архитектуры наших зданий.

Абстрагированная форма насыщена ярким индивидуализмом, не имеющим ничего общего с идеологическим содержанием архитектурной темы пролетарского клуба. Здание можно скорее рассматривать как более или менее эффектные трюки, и в конечном итоге надо со всей определенностью признать АБСОЛЮТНУЮ НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ ДАННОГО АРХИТЕКТУРНОГО РЕШЕНИЯ ДЛЯ НАШЕГО КЛУБНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. Чисто индивидуалистические тенденции привели архитектора не только к незавершенности и непродуманности ряда технических моментов, но и к такому архитектурному выражению, которое ни в какой мере не может отвечать задачам и целям пролетарского искусства.

Клуб им. Дзержинского выстроен в 1928 г. профсоюзом строителей. Находится в Доброслободском пер., у Разгуляя

клуб строителей имени дзержинского

в. с. кеменов

Клуб строился и проектировался конторой «Строитель». Стоимость постройки — около миллиона рублей. Открыт клуб 1 мая 1929 г. Сейчас помещение использовано под Дом профучебы. Не прошло еще трех лет, а постройка, стоящая миллион, используется не по назначению.

За участком клуба, примыкая к нему вплотную, находился физкультурный стадион, который в настоящее время застраивается институтом им. К. Либкнехта. Этим сразу же нарушается вся работа клуба как единого комплекса.

Даже эти беглые сведения позволяют заключить о бесплановости нашего городского клубного строительства. Миллионное здание строится непродуманно и используется не по назначению. Не менее существенна и другая сторона вопроса — недостаточно продуманное отношение к архитектуре как к идеологии, вследствие чего часто тратятся деньги на строительство, классово-чуждое пролетариату. Рассматриваемый клуб и является образчиком именно такого строительства.

Основной характер клубной работы — ее массовость, самодеятельность, политическая и производственная заостренность.

ИМЕННО В КЛУБАХ закрепляются новые виды самодеятельного искусства.

ИМЕННО В КЛУБЕ возросшая производственная активность масс, воспитанная ударничеством и соцсоревнованием, получает свое художественное и бытовое выражение.

Архитектура клуба должна быть активным, идеологическим и утилитарным ФАКТОРОМ В РАЗВЕРТЫВАНИИ ЭТИХ ПРОЦЕССОВ РАБОТЫ.

Здание клуба им. т. Дзержинского представляет собой букву П. Внутри клуба находятся три больших комплекса помещений. Слева — длинный коридор с рядом одинаковых комнат, предназначенных для кружковой работы. Справа — театр и фойе, соединенные с клубными комнатами вестибюлем, и, наконец, стоящий отдельно во дворе и ничем не связанный с основным зданием физкультурный зал. Этажи соединены между собой тремя узкими, неудобными лестницами.

График движения направлен лишь в сторону театра. Из главного входа посетитель попадает в вестибюль, в средине которого помещен гардероб.

Направление потока зрителей идет слева направо, вдоль гардероба, где принимается платье. Затем посетитель попадает в угловое фойе, соединенное со вторым фойе, примыкающим к зрительному залу сзади, и с продолговатым коридором, идущим слева, вдоль зрительного зала. Второе фойе служит для пропуска зрителей в зал, а двери в боковой коридор используются при выходе, направляя поток движения при помощи занавесок, стен и специальной перегородки вдоль гардероба, с другой его стороны, справа налево, опять в вестибюль, к выходу.

Система гардеробов неудачна, так как заставляет обслуживающий персонал для каждого номера пробегать всю длину гардероба и создает большую сутолоку, когда прием и выдача платья происходят одновременно.

Находящиеся слева клубные помещения имеют свой вестибюль, и гардероб, и свой отдельный вход с улицы. Таким образом, главный вестибюль, являясь как бы связующим звеном между театром и клубом, в действительности разделяет их, резко противопоставляя друг другу как принципиально разные, независимые друг от друга организмы, а не части единого комплекса.

В левом крыле постройки находятся помещения для кружковой работы. Комнаты расположены в трех этажах вдоль коридоров, соединенных между собой двумя лестницами, в начале и в конце этих коридоров. Размещение кружков по комнатам не продумано, в результате чего хоровой, музыкальный и драматический кружки мешают работе читальни. Читальня помещена в круглой части здания, выходящей на улицу с ее шумом и грохотом; работе читальни мешает также и находящаяся над ней комната отдыха.

Отсутствие в проекте зала для производственной учебы было исправлено пристройкой лекционной комнаты на 3-м этаже, но и здесь помещенная рядом с ней комната отдыха доказывает общую непродуманность строительства. Буфет после переделок (занята часть его, соединенная с клубными комнатами) совершенно отрезан от клуба, и сейчас, например, для того, чтобы из комнаты отдыха попасть в буфет, нужно совершить путь в 6 этажей (3 вверх и 3 вниз) и пройти через холодный вестибюль.

Комнаты для кружковой работы представляют собой ряд одинаковых по размеру и формату помещений, расположенных вдоль коридора (исключительно количественный подход).

Такая планировка типична для гостиниц и казенных учреждений старого времени.

Наряду с утилитарной неграмотностью здесь ясно выступают момент идеологической враждебности к содержанию клубной работы, казенно-бюрократическое втискивание живых процессов работы в консервативные рамки штампованного строительства так называемых «доходных домов».

Новые формы клубной работы—производственное просвещение, массовая работа, самодеятельное искусство, а также политическая заостренность всей клубной работы — ударничество — прошли мимо архитектора.

Прямоугольная коробка зрительного зала, рассчитанного на 750 мест,—трафаретна и неудобна.

Сцена — очень небольшая и низкая — стеснена лестницами и подсобными помещениями, устроенными за счет ее рабочей площадки.

По длине партер урезан для предоставления места фойе. Этим емкость зала уменьшается почти на 300 мест (т. е. на весь балкон, так как фойе находится под ним, сзади партера).

Неудовлетворительность связи буфета со зрительным залом (разные этажи) усиливается узкими, неудобными лестницами. Лестница, ведущая в буфет, расположена в середине первого фойе и отгорожена от него специальной стенкой. Рядом со входом в буфет помещаются выходные двери из зрительного зала, вход в курительную, в два фойе и выход в вестибюль. Этим обеспечивается бестолковая сутолока: разнообразнейшие графики движения собраны в один узел, в одно место, стесненное к тому же стенкой, занавесками, лестницей и ступеньками из вестибюля в фойе.

Техническое устройство сцены крайне примитивно. Малые размеры, слишком глубокий оркестр (дирижер не может одновременно управлять и сценой и музыкантами), отсутствие световых будок и т. д. Вокруг зрительного зала — ряд традиционных пустых фойе. Особенность клубного театра заключается в том, что зрелищный сектор должен составлять неот'емлемую, органическую часть всего клуба. С этой точки зрения вопрос о фойе необходимо пересмотреть. Устраивать ряд пустых комнат для бессмысленных прогулок внутри клуба, где имеются различные помещения для отдыха, читальня, шахматная и т. д., нецелесообразно.

Клуб как единое целое должен и имеет все возможности отказаться от пустых комнат фойе, являющихся в данном случае традицией специально театрального здания. Ряд театров и кино идет сейчас к изжитию традиционных фойе, вытесняя их теамузеями, читальнями, шахматными, комнатами для игр и т. д.

Общая планировка театра по установленному шаблону, обрекая зрителя на пассивную роль, мешает развертыванию на клубной сцене новых форм массовой театральной работы, самодеятельного искусства. А ведь именно клубный театр должен явиться передовым отрядом в боях за новые театральные формы, за массовое самодеятельное искусство. И архитектор не может оставаться пассивным в этих боях. Он должен активно помочь клубной работе своей архитектурной мыслью. Вместо этого наш архитектор строит театр, обрекающий клубные кружки на любительскую игру, на подражательство «настоящим», т. е. профессиональным театрам. И здесь архитектор, вооружаясь косностью, об'ективно играет на-руку реакции.

И, наконец, третья часть клубного комплекса — помещения для физкультуры.

Это — прямоугольный железо-бетонный сарай, стоящий совершенно отдельно во дворе. К концу его перекладиной буквы Т примыкает коридор с подсобными помещениями. Физкультурный зал—2-этажный, подсобные помещения расположены в обоих этажах. Коридор—недопустимо узок (около 2 метров при дверях с обеих сторон), нет душа; раздевальни и уборные так малы, что весь зал был рассчитан, очевидно, на

очень небольшую группу «чемпионов». В таких условиях говорить о привлечении основной массы клубных посетителей к физкультуре не приходится. После занятий разгоряченному физкультурнику нужно пробежать длинный холодный двор, прежде чем попасть в клуб.

Почему-то в проекте физкультурного комплекса указан... «красный уголок» (!). Можно подивиться наивности архитектора, проектирующего внутри клуба красный уголок. Столь же показательной ошибкой является отсутствие в клубе детского сектора, что не дает возможности поставить работу с семьями сезонников-строителей.

Отрицательным моментом является и выделение физкультурного комплекса в самостоятельное здание, ничем не связанное с клубом.

Было бы целесообразнее театр и корпус клубных комнат переменить местами. Театр занял бы более выгодное угловое положение. Это дало бы возможность устроить выход и вход под прямым углом, т. е. экономнее составить график движения в вестибюле. Комнаты клубной работы можно было соединить с физкультурным залом крытой галлереей во 2-м этаже.

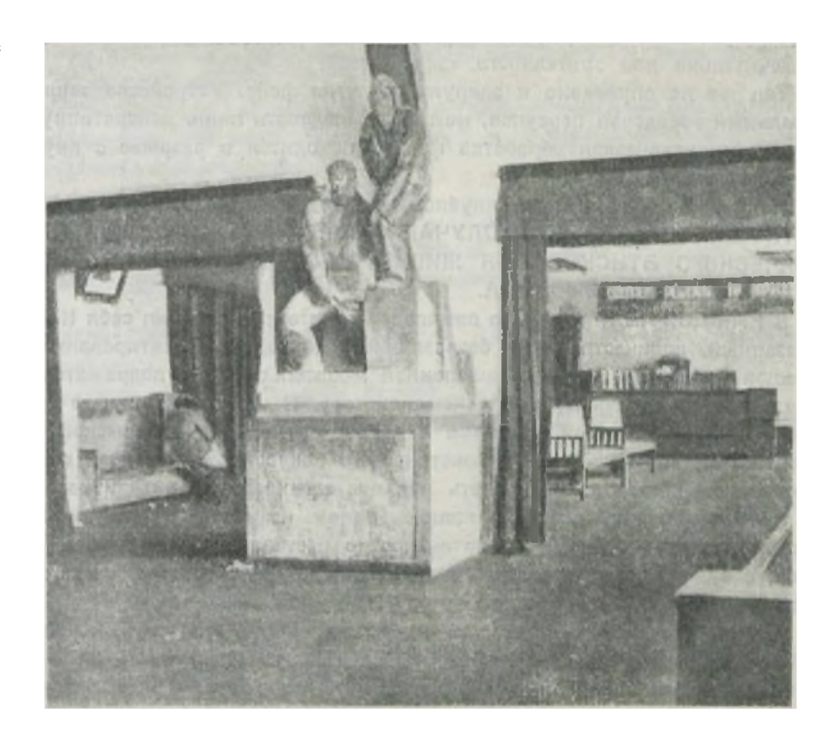
Такое использование участка несколько лучше связало бы между собой основные части клуба.

Во внутреннем оформлении клуба прежде всего бросается в глаза полнейшая эклектика как основной «стилевой» принцип. Наряду с явными признаками «модерна» имеются и попытки подделаться под стиль «современной» архитектуры. Мебель в фойе сделана Ленинградским древтрестом. Это — типичный «модерн», хотя вместо закругленных углов здесь для большей «современности» введены прямые углы. Однако традиционные для «модерна» параллельные планочки в мебели, подделка «под дуб», под массивную мебель столовой зажиточного буржуа — все это нашло здесь свое место. Диваны фойе, которые тянутся вдоль стен, нельзя передвинуть, и поэтому нельзя использовать помещение фойе для какой-либо иной работы, например, для перенесения части работы из зрительного зала (новые формы самодеятельного театра, агитбригада и т. д. должны найти свое выражение и в клубной архитектуре). Высокие спинки этой мебели уничтожают стены, превращая их в приплюснутые полосы.

Клуб не приспособлен к выставкам (опыт ИЗОРАМа). Имеющиеся витрины по середине фойе также эклектичны и случайны, это—«стиль» киосков, который часто встречается в летних московских садах. Цветные фанерные планочки и кружочки бесцельно скреплены в сомнительную композицию.

Развеска зеленых вокзальных штор, традиционные пальмы в буфете рядом с бетонными столбами, обработка бетонного столба вверху подобием капители, — вся ресторанная эклектика здесь налицо. Зрительный зал — несколько «осовремененный

Фойе клуба им Дзержинского.

модерн»; люстры из белых матовых кубов гроздьями, занавес с каймой, внизу стены «под дуб». Остается добавить на занавесе чайку.— и перед нами малая сцена МХАТ.

Произведения живописи и скульптуры, имеющиеся в фойе, не увязаны с помещением. Так, для скульптуры, построенной на сильном вертикальном движении (поднимающиеся каменщики), очень низок потолок, который давит своей тяжестью, а подчеркнутая горизонталь диванов помогает потолку уничтожить это движение вверх. Также не на месте, зажатый потолком и диванами, висит портрет Дзержинского. Небольшие станковые картины весьма плохого качества кое-где попадаются на стенах, а в гардеробе они даже висят со всех четырех сторон на бетонных столбах, всем своим видом активно агитируя за то, чтобы их скорее сняли.

Если в области понимания и организации внутренних процессов архитектор — типичный реакционер, то тем вреднее его старание прикрыться снаружи стилем «современной архитектуры». Сразу же бросается в глаза отсутствие всякой связи между внутренним содержанием клуба и его фасадом. Для большей «грандиозности» сверху сделаны высокие парапеты. Полукруглая стеклянная вышка слева не имеет, в сущ

ности. никакого внутреннего оправдания. Это закругление вместе с выступом — исключительно для зрительного «эффекта».

Так же не оправдано и закругление угла фойе. Устройство террас, выходящих в пыльный городской переулок, может преследовать лишь декоративную цель; подчеркнутая пуристическая обработка фасада находится в разрыве с внутренним принципом планировки.

Полнейшее непонимание клубной работы и КЛАССОВО-ВРАЖДЕБНОЕ К НЕЙ ОТНОШЕНИЕ В ДАННОМ СЛУЧАЕ ПРОЯВИЛОСЬ В ФОРМЕ КАЗЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ВТИСКИВАНИЯ ЖИВЫХ ПРОЦЕССОВ ЭТОЙ РАБОТЫ В МЕРТВЫЙ ШТАМП ДОХОДНОГО ДОМА.

В КАЖДОЙ части клубного комплекса архитектор проявил себя КАК РЕАКЦИОНЕР: казенный, количественный, безразличный подход в проектировании кружковых помещений, культивирование шаблонной любительщины и подражательства в театре, в физкультуре—ориентация на «чемпионство». И все это прикрыто фасадом с закругленными стеклянными вышками и демонстративно пуристической обработкой стен, взятым «на прокат» у капиталистического искусства Запада, где пуризм и конструктивизм стараются замаскировать идейное загнивание капитализма.

Пролетарская архитектура, являясь одной из форм классовой борьбы, растет и крепнет в борьбе на два фронта—против реставрации откровенно реакционных стилей, с одной стороны, и против гнилого капиталистического «левого» искусства конструктивизма и формализма — с другой.

Архитектурное искусство есть идеология. АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС ВЫРАЖАЕТ ВСЕГДА ОПРЕДЕЛЕННУЮ КЛАССОВУЮ ИДЕЮ.

Идея рабочего клуба должна включить в себя конкретные процессы клубной работы. Будучи взяты в развитии, они определяют собой проектирование помещений клуба.

Однако ОДНОГО ЭТОГО СОВЕРШЕННО НЕДОСТАТОЧНО.

РЕШЕНИЕ, ТОЛЬКО УЗКО ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ, ЕЩЕ НЕ ДЕЛАЕТ АРХИТЕКТУРУ ИСКУССТВОМ, ЕЩЕ ОСТАВЛЯЕТ АРХИТЕКТУРУ ТОЛЬКО ТЕХНИКОЙ.

В том-то и дело, что эти конкретные процессы клубной работы СОДЕРЖАТ В СЕБЕ БОЛЬШОЙ КЛАССОВЫЙ ИДЕЙНЫЙ СМЫСЛ, БОЛЬШОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ДАЛЕКО ВЫХОДЯЩЕЕ ЗА УЗКО ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ, ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КЛУБНОЙ РАБОТЫ, ВЗЯТОЙ САМОЙ ПО СЕБЕ.

Исходным пунктом проектирования рабочего клуба должно быть глубокое понимание действительности, творческого энтузиазма пролетариата в строительстве социализма, глубокое, развернутое понимание ИДЕИ РАБОЧЕГО КЛУБА. Только тогда архитектор сможет выразить эту идею в архитектурных образах. Причем идею эту нужно понимать КОНКРЕТНО, напр., клуб МЕТАЛЛИСТОВ имени ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ; все эти определения должны найти свое архитектурное выражение.

Вся трудность заключается именно в том, чтобы архитектор ОДНОВРЕМЕННО В СОВЕРШЕННО НЕРАЗРЫВНОМ ЕДИНСТВЕ ПОНИМАЛ И ПРОЦЕССЫ КЛУБНОЙ

РАБОТЫ И ИХ РЕВОЛЮЦИОННОЕ, ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, т. е. понимал бы их так, как эти моменты находятся в об'ективной ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, которую архитектор осваивает в образной форме.

Всякий иной подход приведет нас либо к узкому функционализму-вещизму, к отрицанию идейного содержания искусства и ликвидации самого искусства, либо к культивированию буржуазного прикладничества.

Вернемся теперь к клубу строителей на Разгуляе.

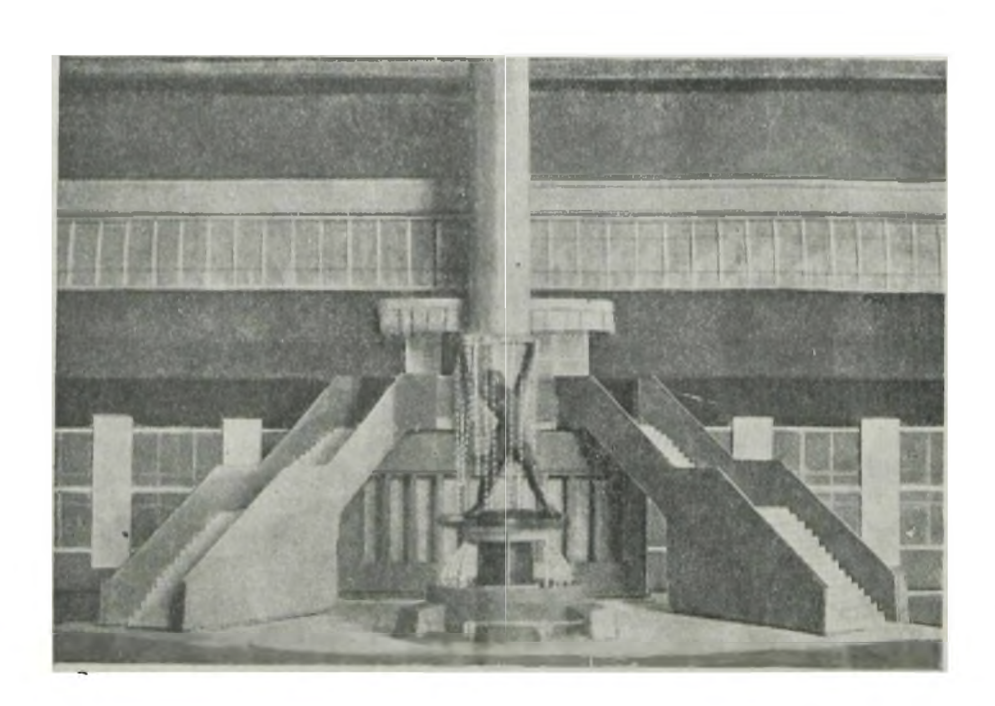
Перед нами махровая приспособленческая халтурная продукция. Полное непонимание идеи рабочего клуба, полное невежество в вопросах содержания клубной работы и их большого идейного смысла выразились в решении всего клубного комплекса и фасада.

Убожество и реакционность архитектурной мысли ЛАКИРУЮТСЯ здесь одеждой гнилого конструктивизма.

Архитектурная рутина прикрыта «левой» фразой.

ЗДЕСЬ, КАК И ВСЕГДА, «ЛЕВАЯ» ФРАЗА—ЛИШЬ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОЙ СУЩНОСТИ.

Клуб „Свобода“ выстроен в 1930 г. профсоюзом химиков по проекту К. С. Мельникова. Находится на Вятской улице, за Бутырской заставой.

клуб „свобода“

м. а. ильин

На рабочей окраине Москвы (Бутырская застава, Вятская ул.) почти закончен постройкой клуб фабрики «Свобода». Это первое большое культурное здание данного района имеет свою историю. Создание проекта и начало его осуществления относится к 1927 г. Как большинство его собратьев, клуб «Свобода» не избежал борьбы за существование, которая обескровила все внутреннее содержание проекта. «Физкультурная» установка клуба наложила свой отпечаток на всю архитектурную композицию в целом. Поэтому при анализе архитектуры этого здания надлежит помнить о первоначальной идее, довлеющей над всем сооружением.

Проект клуба принадлежит арх. К. С. Мельникову, в исполнении же принимал деятельное участие арх. В. А. Петров.

Главный вход, расположенный между двумя наружными лестницами, ведет в вестибюль, служащий одновременно гардеробом и фойе. Последнее отделяется от первого стеклянной перегородкой, определяющей правильное движение публики, которая может либо попасть в буфет и курительную (невероятно маленькую) в левой части здания, либо по лестницам в два марша подняться во второй этаж, где расположен зрительный зал. Площадь вестибюля-фойе равна площади зрительного зала.

Второй этаж занят в центре театральным залом, справа — сценой с подсобными помещениями. Организация зрительного зала на 1 000 мест основана не на принципе слагаемости отдельных об'емов, как это имеем в стромынском клубе, а обратно: зрительный зал может быть по желанию разделен раздвижной стеной на две почти равные части. В связи с этим большое внимание уделено лестницам, которых всего шесть; три из них могут обслужить одну часть зала, три — другую. Зрительный зал, фигурировавший и в первоначальном проекте, сохранил форму цистерны, которая некогда должна была включать значительной длины бассейн для плавания. Следы первоначальной формы сохранились во вторых рамах, поставленных под углом, и в конструкции перекрытия. Двусветность зала с широкой полосой ленточного окна делает его весьма удобным для использования днем. Применением дневного света выгодно отличается сцена, где этот элемент введен чуть ли не впервые, что дает возможность ее использовать днем без искусственного освещения.

Основным дефектом театральной части здания является расположение фойе и буфета в нижнем этаже, что заставляет зрителей спускаться и подниматься по лестницам.

Сектор спорта помещен в особой части здания, которая является скорее пристройкой к основному его массиву. Путь в него ведет от средней задней лестничной клети. По бокам расположены души, уборные и раздевальни. Зал—продолговатой формы, с небольшим судейским балкончиком. Расположение зала как отдельного организма надо признать удачным, тем более, что зал выходит в сторону большого парка и может быть весьма рационально использован как база для летних упражнений на спортплощадке.

Третий «сектор» клуба — кружковые комнаты, разбросанные почти по всему зданию как в первом этаже (под сценой), так и в третьем (пристройка у спортзала). Четыре комнаты приходятся на второй этаж. Такая разбросанность, несмотря на кажущиеся удобства (отдаленность «тихих» занятий от «громких»), все же является неоправданной, так как небольшой размер самих комнат делает их заплатами тех провалов, которые существуют между отдельными частями здания. Они лишь заполняют получившиеся пустоты. Эта важнейшая часть клубного организма, по существу, не учтена совершенно, что, несомненно, пагубно отражается на работе клуба.

Другая составная часть этого же сектора — библиотека — расположена в третьем этаже. Ее оформление, простое и лаконичное, выгодно отличает ее от других клубных библиотек. Большим неудобством является расположение ее в третьем этаже, что весьма затрудняет ее работу. Эти дефекты явились следствием того, что отвергнутые принципы первого проекта оставили после себя лишь внешнюю форму. Надо было бы создать новый проект, а не заниматься приспособлением старого, почти уже ничего не дающего при создавшихся условиях.

Оборудование и внутреннее оформление клуба резко отличаются от того «набора», который, почти как правило, встречается в новостроенных клубных зданиях. Здесь, бесспорно, имеется единый замысел всего клубного комплекса.

В частности, проект оформления библиотеки и фойе заслуживает положительной оценки. Мебель практична и целесообразна, без всякого привкуса формалистической вычурности и в то же время избегает подражания западным образцам. Удачны лестничные решетки, на которые обыкновенно не обращают внимания, простые и оригинальные по рисунку.

Несмотря на целый ряд положительных моментов, здание все же не может считаться удовлетворительно разрешающим проблему рабочего клуба сегодняшнего дня.

Фасад клуба „Свобода".

Зрительно-зрелищная часть, превалируя над всем комплексом, получила центральное значение, что опять-таки превращает клуб в районный кино или театрик. Физкультурная часть, несмотря на территориальную связанность со зданием, представляет собой самостоятельную часть, никак не увязанную с основным зданием в целом. Это заметно и в чисто архитектурном отношении: эта часть, в сущности, прилеплена к основному массиву, загораживая его. Собственно клубная часть здания (кружки, библиотека и т. д.) оказалась вовсе не разрешенной, являясь случайной вставкой в чуждый ей организм. Соотношение площадей зрелищной, физкультурной и собственно клубной частей здания примерно таково: 100 : 40 : 30.

Клуб «Свобода» представляет собой интереснейший этап развития как творчества самого К. Мельникова, так и нашей клубной архитектуры. Внешняя форма здания повторила в несколько измененном виде первый вариант, представлявший собой гигантскую горизонтально лежащую стеклянную овальную в разрезе цистерну, к которой вели два пандуса. От цистерны осталось слегка граненое тело, имеющее широкую ленту застекления. Зажимавшие цистерну боковые пилоны заменились выступающими двойными ризалитами с балкончиками наверху; пандусы превратились в

довольно узкие и крутые лестницы, ведущие к центру. Их разделяет далеко выдающийся кожух (куда входит раздвижная стена), висящий над главным входом.

Между лестницами, перед входом, предполагается поставить фонтан со скульптурой физкультурника. Внешняя уличная часть разрешена эффектно и выразительно. Горизонтали и вертикали чередуются в спокойном ритме. Боковой левый фасад несколько выпадает из общего стиля переднего фасада, копируя фабрично-заводское сооружение. Широкие вертикальные полосы его застекления чередуются с простенками темно-коричневого цвета.

Первая часть фасада, оформляющая сцену, контрастирует своей кирпичной кладкой с основной окраской здания (цветная штукатурка). Применение серого, белого, коричневого и красного цветов делает окраску здания нешаблонной. Удачна окраска переплетов рам, «уничтожающая» их тяжесть (боковой левый фасад).

Анализ всей архитектурной композиции в целом обнаруживает, что К. Мельников взял общие очертания старого барочного здания XVIII в. и пытался приспособить их к традициям современного архитектурного техницизма. Пандусы, или теперешние лестницы, еще более подчеркивают эту зависимость от старого. Они часто декоративны и, очевидно, своему утилитарному назначению служить не будут. Слагаемость здания как архитектурного организма происходит посредством соединения отдельных расчлененных один от другого об'ема, что создает впечатление чисто декоративного порядка.

Лестницы, балконы, кожух, зонты над входом, оконные переплеты, квадраты для реклам превращаются, по существу, в декоративное убранство здания.

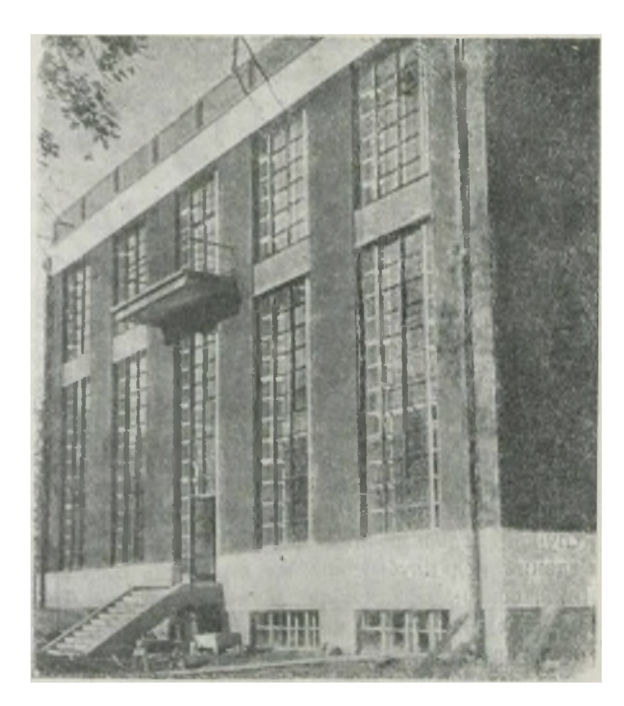
Здание как бы стремится расшириться в об'еме, этот момент приводит к некоторой дробности всей формы, что в особенности заметно в задней стороне, где физкультурный зал является посторонним организмом. Пристройка раздевальни и аудитории еще больше усиливает это впечатление башнеобразностью своего построения. Эта дробность формы и нечеткость ее решения передаются и внутренней организации пространства. Внутри пространство дробится на отдельные об'емы, сязывающиеся в отдельные группы, но не сливающиеся в единое целое. Попадая внутрь здания, посетитель не знает, куда ему итти, чтобы попасть в нужную ему часть здания.

Принцип планировки, берущий за основу старую форму, не может быть ни в какой степени признан отвечающим требованиям клубной архитектуры.

[redacted]

Совершенно непонятным является, как мыслил архитектор уложить в рамки дворянской усадебной планировки XVIII в. здание рабочего клуба. Неужели нет иного пути, чтобы показать сущность районного рабочего культурного центра? Архитектор не только эклектически разрешил свою задачу, но и заимствовал при этом образцы.

Боковой фасад клуба „Свобода".

в высшей степени чуждые нашей действительности, чуждые идеологии рабочего класса. Поэтому даже чисто формальные достижения, закрепляющие здание клуба «Свобода», как живую веху на пути технических достижений советской архитектуры, не могут быть признаны отвечающими нашим требованиям, так как основа этого архитектурного организма в корне чужда идеологии пролетариата.

архитектура и оформление рабочего клуба

(некоторые выводы)

Архитектурная проблема рабочего клуба встала перед нашим строительством во весь рост с начала реконструктивного периода. Клубное строительство до этого времени развивалось по линии приспособления готовых старых зданий (многочисленные случаи использования старых особняков, дворцов, а также обычных конторских зданий под клубы) или же ограничивалось единичными образцами новых сооружений, еще не оформивших в себе специфической архитектурной темы рабочего клуба.

Последние годы, с интенсивным ростом строительства новых клубов и дворцов культуры во всех промышленных центрах Союза, выдвинули перед архитектурой этот совершенно новый для нее вопрос. Совершенно новый, ибо самая типология старой гражданской архитектуры не предусматривала этой темы, как не предусматривает ее вовсе и современная «левая» архитектура Запада, в которой среди обширного выбора архитектурных сюжетов (от виллы до так называемых домов дешевых квартир и даже «рабочих поселков», от конторских зданий до курортных павильонов) отсутствует даже намек на оформление или осмысление архитектурной проблемы рабочего клуба как очага политической, культурной и хозяйственной жизни пролетариата.

Наша архитектура оказалась, таким образом, лицом к лицу перед интереснейшим и творчески благодарным заданием: создать первые образцы архитектурного разрешения этой темы, которая в условиях культурной революции открывает необычайный простор для творческих исканий архитектора. Эта тема должна как бы сосредоточивать в себе наиболее характерные черты той новой архитектуры, какую вызывает к жизни новая культура — культура пролетариата. Всякий клуб, будучи по самой своей природе как бы фокусом культурно-политического быта определенной социальной среды, представляет собой со стороны архитектурного оформления сгущенное выражение тех стилистических стремлений и черт, которые несет в себе данный класс. Клуб по самой своей организации — всегда точно определенная классовая еди-

ница; вспомним клубы старого московского «общества» — дворянский, купеческий и т. д. Все эти клубы буржуазного общества в новейшее время отражали общественное загнивание и упадок тех классов, которые они обслуживали; клуб — центр общественной жизни данного коллектива, данной среды — уступал место клубу — центру коллективного пищеварения и «массовых» игр за зеленым сукном.

Тем острее выступает в наши дни тема РАБОЧЕГО КЛУБА, клуба, обслуживающего класс, подводящий величественный итог «предистории» всего человечества, класс, который, на основе критического использования наследства, в ожесточенной классовой борьбе строит совершенно новую культуру — СОЦИАЛИЗМ.

Сказать в этих условиях — РАБОЧИЙ КЛУБ — ЗНАЧИТ СКАЗАТЬ УЖЕ ОЧЕНЬ МНОГОЕ не только для организатора самой клубной работы, но и для того, кто призван локально и материально оформить место этой работы, т. е. помещение рабочего клуба. Архитектор наших дней НАХОДИТ ЗДЕСЬ ОДИН ИЗ САМЫХ СОЦИАЛЬНО ЧЕТКИХ, ТОЧНО НАПРАВЛЕННЫХ И НЕ ДОПУСКАЮЩИХ НИКАКИХ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И НЕДОМОЛВОК ЗАКАЗОВ, какие вообще может дать архитектору наша эпоха.

Сказанного, думается, достаточно для того, чтобы оценить всю значительность той архитектурной проблемы, которая поставлена программой нового клубного строительства, и те требования, которые пред'являются к этому типу строительства в смысле оформления его в классово-определенном направлении, в направлении, ведущем к архитектурному стилю пролетариата.

Из этих общих предпосылок следуют общие положения, очевидность которых как будто бы и ясна, но которые на практике не только не воспринимаются нашими строителями, но подчас служат предлогом для ряда серьезнейших ошибок в текущем клубном строительстве.

Архитектурно-вещное оформление клуба должно быть организовано таким образом, чтобы дать возможность наиболее полно осуществлять в стенах клуба все те разнообразные процессы, которые составляют содержание клубной деятельности. В то же время это оформление, выражая определенную классовую идеологию, должно тем самым нести не только техническую, но и идеологическую службу в плане деятельности всего клубного комплекса.

Иными словами, техническая сторона клубного оформления, обслуживающего все элементы клубного «производства», должна составлять диалектическое единство с идеологической стороной этого оформления.

В исканиях новых архитектурных форм для клубного комплекса следует итти от глубокого образного понимания ИДЕИ рабочего клуба, от специфических функций данного клубного комплекса, трактуя эти функции не изолированно, а в органической связанности со всем многообразием социально-творческой практики пролетариата.

Архитектура клуба должна определяться не только техникой клубной работы как таковой, но и той культурно-политической ролью, какую рабочий клуб играет в нашем строительстве, в культурной и общественной жизни рабочей массы.

Необходимо оценить и осмыслить те уроки, какие в весьма выразительной и актуальной форме дает нам проведенное обследование.

Обследование 10 новых клубных зданий затрагивает как проблему клубного оформления в целом, т. е. самую принципиальную постановку темы «рабочий клуб в нашей архитектуре», так и отдельные элементы клубного комплекса — планировку здания, соотношение его отдельных частей, внутреннее оформление этих частей, оборудование клубных помещений мебелью и т. д.

Как же разрешается в этих новых клубных зданиях проблема архитектурного осмысливания клубного комплекса?

Десять рассмотренных зданий дают в этом отношении довольно однородный материал. Приходится начать с некоторых из них, особенно характерных в интересующем нас смысле. Это — здания клуба ПРИ ЗАВОДЕ ИМ. ФРУНЗЕ, КЛУБА РАБОЧИХ КОММУНАЛЬНИКОВ НА СТРОМЫНКЕ, КЛУБА ПРИ ФАБРИКЕ «БУРЕВЕСТНИК» И КЛУБА ПРИ ФАБРИКЕ «СВОБОДА». Все эти здания построены по проектам одного из активных клубных архитекторов — К. С. Мельникова — и интересны прежде всего ярко выраженной тенденцией проектировщика НАЙТИ СПЕЦИФИЧЕСКУЮ АРХИТЕКТУРНУЮ ФОРМУ ДЛЯ КЛУБА.

Архитектор совершенно правильно исходит из той точки зрения, что архитектурная форма клубного здания не может слагаться на основе заимствования и приспособления готовых форм зданий другого назначения и другой социальной природы. Так, неуместно строить клуб по типу традиционного дворца, или особняка, или «делового» здания. Архитектор хочет дать такое строительное выражение своей теме, которое сразу резко выделяло бы данное здание из всего окружающего архитектурного комплекса, и более того, из всех наличных типов современных городских сооружений. Собственно, этим положением отрицательного порядка («сделать клуб непохожим на другие здания») и ограничивается принципиальная установка Мельникова в части общего понимания архитектурной формы рабочего клуба. Определение этой формы дальше уже идет по путям, никак с самой темой рабочего клуба не связанным. Архитектор не задумывается над тем, что же положительного можно прибавить к его первой (и в основе правильной) формуле. Он решает целиком воспользоваться той неограниченной свободой, какую предоставляет ему его первое положение. И он наделяет клубное здание самыми разнообразными формальными решениями, исходящими, с одной стороны, из типичной для определенной ветви современной архитектуры эстетизации машины, с другой—из целого ряда эклектически соединенных приемов старого зодчества. Впрочем, у Мельникова эстетизация машины и машинной технической формы приобретает несколько иной привкус, чем у представителей «рационалистической» линии современной архитектуры, скажем, у Корбюзье. Те пытаются удержаться на тонком канате «целесообразной эстетики», на оголенной функциональ-

ности всех архитектурных форм, стараясь в пределах этих последних добиться определенного эстетического (и по существу — декоративного) эффекта. Мельников не стесняет себя и в этом отношении. Разделяя с конструктивизмом только некоторые частные формальные методы (изгнание декоративной обработки фасада, плоские крыши, оперирование большими зрительно-однородными массами и плоскостями и т. п.), архитектор имеет перед собой в готовом виде некую самостоятельную художественную форму здания, откровенно не связанную с идейно-классовым содержанием и с функционально-технической природой этого последнего.

Мельников делает отчетливый шаг назад даже от положений современного архитектурного «функционализма», возвращаясь скорее к принципам архитектуры «модерна», тоже знавшей резкое различие между художественной и технической формой здания. Только у Мельникова эта художественная оболочка здания составлена из иных, более современных элементов и не является такой грубой маскировкой, какой была лепная, живописная и прочая обработка фасада у модернистов. Но существо остается тем же.

Так, в КЛУБЕ ИМ. ФРУНЗЕ архитектор облекает клубное здание в формы, непосредственно взятые из индустриальных строительных тем: с переднего фасада здание воспроизводит форму элеватора (элеваторные сооружения оказали вообще большое влияние на новейшую архитектуру), а сбоку — профиль аэроплана. В КЛУБЕ «БУРЕВЕСТНИК» такой отвлеченной, извне данной формой является башня, имеющая в своем основании пятилистник и выступающая совершенно изолированной архитектурной единицей из общего комплекса здания. В ЗДАНИИ КЛУБА НА СТРОМЫНКЕ применен прием, принципиально аналогичный, но выраженный несколько иначе: здесь строитель создает очень своеобразную, необычную архитектурную форму, как будто исходя из внутренней композиции самого здания; именно, он показывает во-вне в виде неправильных параллелипедов, выступающих из плоскости фасада, те отдельные залы-ярусы, которые служат внутри здания составной частью большого зрительного зала. Получается как будто так, что наружное оформление здания ОБНАЖАЕТ его внутреннее содержание, что наружу выведены элементы внутреннего строения всего комплекса. Чисто формальный и механический характер подобного «функционализма» обнаруживается очень легко: если даже предположить, что эти выступающие параллепипеды ясно рассказывают каждому проходящему, что внутри находятся зрительные залы, то в итоге получается, что весь комплекс клуба подается во-вне, как серия зрительных зал, как какое-то ожерелье из них. Думать, что основой композиции клубного здания может служить серия зал, и архитектурно обнажать и демонстрировать именно эту сторону клубного организма — значит находиться в глубоком заблуждении относительно самого содержания, самой сути клубной работы.

Здесь архитектор сосредоточивает свое внимание на архитектурном выражении определенных функций клубной техники (функций, кстати сказать, им неверно понимаемых), пытается эти специфические функции показать в архитектурной форме, но совершенно игнорирует при этом несравненно более важную сторону функций клуба—

его роль культурно-политического центра рабочего коллектива. Абстрактная, извне данная архитектурная форма нигде не фигурирует в такой явной отвлеченности и изолированности, как именно в стромынском клубе.

Примерно в том же общем духе, как в клубе им. Фрунзе, разрешена проблема архитектурной формы в КЛУБЕ ПРИ ФАБРИКЕ «СВОБОДА», где опять-таки извне данный технический мотив (форма цистерны, котла) никак не соответствует идее рабочего клуба.

В клубных постройках других архитекторов видно стремление или вовсе уйти от каких бы то ни было обязательств по части идеологического значения (архитектурной формы) (таков КЛУБ ПРИ ФАБРИКЕ ИМ. АЛЕКСЕЕВА, построенный по проекту Л. А. Веснина), или растворить это содержание в ничего не говорящем эклектическом решении (КЛУБ СТРОИТЕЛЕЙ), или, наконец, при помощи тех же, ставших почти каноническими, приемов современной архитектуры подойти несколько ближе к данной задаче (таков КЛУБ НА ЛЕСНОЙ, где арх. И. Голосов пытается все же воздействовать на зрителя и посетителя в определенном направлении, создавая эффект сильного горизонтального движения архитектурных масс к определенному центру и делая этот центр открытым и как бы вовлекающим в себя массу посетителей).

Все рассмотренные образцы не дают в итоге удовлетворительного решения ПЕРВОЙ, ОСНОВНОЙ задачи, стоящей перед клубной архитектурой, —

выразить в архитектурной форме идею рабочего клуба и тем самым сделать архитектуру клубного здания УЧАСТНИЦЕЙ ТОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ, КОТОРУЮ ВЫПОЛНЯЕТ КЛУБ. Невнимание архитектора к самому содержанию клубного института, а иногда крайне узкое понимание функций этого института сказываются не только при разрешении этой общей проблемы, но и во всей работе по внутренней планировке здания, в организации отдельных его элементов.

Архитектор не изучает в должной мере самих процессов клубной работы, содержания и техники клубного дела. Это — один из самых больших, если не самый большой порок всего нашего клубного проектирования. Отрыв архитектора от «заказчика», НЕУМЕНИЕ ЭТОГО ПОСЛЕДНЕГО КАК СЛЕДУЕТ ПОЗНАКОМИТЬ АРХИТЕКТОРА С СУТЬЮ ЗАДАНИЯ И ДАЖЕ СФОРМУЛИРОВАТЬ ЭТО ЗАДАНИЕ В ОТЧЕТЛИВОМ ВИДЕ — ВОТ ЧЕМ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ ПРОЙДЕННЫЙ ЭТАП НАШЕЙ КЛУБНОЙ АРХИТЕКТУРЫ и что наложило глубокий отпечаток на выстроенные клубные здания. Отсюда и вытекает то обстоятельство, что большинство новых клубов оставляет в архитектурном смысле необслуженным целый ряд важнейших отраслей клубной работы.

Основные виды клубной работы определились достаточно четко, и перед архитектором стоит в этом смысле двоякая задача: во-первых, учесть постоянную динамичность клубных процессов, их переход от одной формы работы, от одного метода к другим, во-вторых, обслужить те основные виды клубных процессов, которые выкристаллизовались уже с достаточной определенностью.

Такими процессами следует считать МАССОВУЮ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ РАБОТУ, РАБОТУ КРУЖКОВОГО И УЧЕБНОГО ТИПА, в частности по производственной пропаганде, по развертыванию ударничества и соцсоревнования на производство, ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РАБОТУ (массовую—театрального типа, кружковую), воспитательную работу с детьми, наконец, работу по ФИЗКУЛЬТУРЕ, а также организацию КУЛЬТУРНОГО ОТДЫХА.

Между тем даже эти отрасли клубной работы, приведенные в самом общем, грубом перечне, не учтены как следует в планировке помещений рассмотренных нами клубных зданий. Эти здания в большинстве представляют собой ПРОТОТИП ТЕАТРАЛЬНОГО ПОМЕЩЕНИЯ, ГДЕ СПЕЦИАЛЬНО КЛУБНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯВЛЯЮТСЯ КАК БЫ ПРИДАТКОМ. Все многообразие клубной деятельности наши архитекторы сводят обычно к одной доминирующей функции — театрально-массовой работе. Львиная доля пространства отдается под зрительный зал и подсобные к нему помещения, соответственно этому все прочие элементы здания и в количественном и в качественном отношениях остаются на заднем плане. В наших очерках-описаниях проведено условное подразделение всех клубных помещений на три группы: группа А—театрально-массовая работа; гр. Б—физкультура; гр. В—специальные виды собственно клубной работы постоянного типа (кружковая, учебная, библиотечная, детская и т. п.). Вот какое соотношение размеров площадей клубных помещений получается по этим группам:

КЛУБ «СВОБОДА» . .	. 100 : 40 : 30
КЛУБ «БУРЕВЕСТНИК».	. 100 : 36 : 59
КЛУБ ИМ. ЗУЕВА . .	100 : 0,9 : 54
КЛУБ НА СТРОМЫНКЕ.	. 100 : 0 : 15

Само по себе пространственное преобладание зрелищной части не было бы столь опасным (ибо оно, конечно, в значительной мере обусловлено свойствами массовых помещений, требующих больших масштабов), если бы не полная КАЧЕСТВЕННАЯ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ всех прочих частей клубного задания: в рассмотренных постройках, по большей части, все специально клубные элементы (кружковые и прочие комнаты) составляют, в полном смысле слова, ЗАДВОРКИ КЛУБА, привески к основному ядру — залу с фойе. В одних клубах мы имеем разбросанность этих помещений по нескольким этажам, в других—коридорную систему, и почти во всех оформление этих комнат — сугубо безразличное, как говорили прежде, казарменное. График движения посетителей продумывается лишь в отношении зрелищной части помещения, т. е. по маршруту вестибюль—гардероб—зал—фойе; клубные комнаты остаются вне всякого маршрута, и архитектора не беспокоит, например, то обстоятельство, что сообщение между библиотекой и комнатой для кружковых занятий происходит через два этажа по вертикали плюс три четверти всего протяжения первого этажа по горизонтали (клуб «Буревестник»). Обсуждение публикуемых здесь докладов, происходившее в самих клубах, в среде рабочих — членов и посетителей клуба—изобиловало указаниями на НЕУДОБСТВА СВЯЗИ между отельными частями этих специальных

помещений, а также на ОТСУТСТВИЕ РЯДА НЕОБХОДИМЕЙШИХ ЭЛЕМЕНТОВ. в некоторых из выстроенных зданий (так, отсутствуют физкультурный зал в клубе на Лесной, детские комнаты в клубе им. Фрунзе и т. д.); некоторые из этих зданий, по заявлениям рабочих, НЕПРИГОДНЫ ДЛЯ КЛУБНОЙ РАБОТЫ: таков, например, крайне резкий отрицательный отзыв О КЛУБЕ ПРИ ЗАВОДЕ ИМ. ФРУНЗЕ («отдать это здание под другие надобности и построить новый клуб»); такова резкая критика, которой подвергнут был КЛУБ НА СТРОМЫНКЕ и другие клубы.

Крайняя пространственная дезорганизованность специально клубных помещении характерна для большей части рассмотренных нами зданий, причем одним из важных факторов этой дезорганизации является невозможность изолировать «громкие» процессы клубной работы от «тихих».

Как общую черту почти всех проектов надо отметить, во-первых, полное единообразие этих специально клубных (или кружковых) комнат, т. е. отсутствие каких-либо специальных решений соответственно разным видам клубной работы, во-вторых,— уже указанную пространственную НЕДОСТАТОЧНОСТЬ этих помещений, в-третьих,— абсолютную неудовлетворительность со стороны ЗВУКОПРОНИЦАЕМОСТИ, в-четвертых,—ХАОТИЧНОСТЬ в расположении кружковых помещений. Мы имеем именно по всем этим пунктам наиболее резкие отзывы клубных работников и рабочих-посетителей (клуб строителей — комнаты малы, их недостаточно, громкие занятия мешают занятиям в соседних комнатах: «Свобода» — комнаты разбросаны в трех этажах; «им. Фрунзе» — маленькие комнаты в третьем этаже тесны и неудобны, нет комнаты для детей, нет читальни и т. д.; «Буревестник» — задворки клуба, к тому же отделенные целым «провалом» от библиотеки и читальни и т. д.).

Организация внутриклубного комплекса, комплекса специальных ячеек (для кружковых и проч. занятий) представляет собой, таким образом, одну из самых больных проблем планировки клуба. Разрешение ее наталкивается на то основное препятствие, что ограниченные пределы кубатуры, даваемые в заказе, заставляют, волей-неволей. уделять подавляющую часть на зрительный зал. Поэтому речь должна итти (если пока не говорить об увеличении общих масштабов клубных зданий) о таком использовании клубного пространства, которое позволило бы развернуть самые различные виды работы на одной и той же ограниченной площади. Для этого, помимо общей рационализации архитектурной планировки, есть два пути: 1) максимальное сокращение всех тех частей клубного комплекса, которые используются экстенсивно (т. е., в течение незначительных отрезков дня), или же утилизация этих частей в течение всего дня; 2) возможность трансформации специально клубных помещений соединением двух или более комнат в одну при помощи подвижных стен или соответствующей трансформации мебели и внутреннего оборудования.

Отмеченное выше стремление архитекторов превратить клуб в своего рода районный театр сказалось не только в количественном отношении отдельных помещений и в их планировке, но и в механическом перенесении типа ТЕАТРАЛЬНОГО ФОЙЕ в клуб. Фойе традиционно-театрального типа, перенесенное в клуб, ложится тяжелым

баластом на всю компановку клубного комплекса. Используемое только в течение крайне незначительных отрезков времени—перед началом спектакля или собрания в антрактах—фойе по площади занимает весьма значительную часть всего здания (фойе должно составлять по площади 80% зрительного зала); в течение же всего дня фойе представляет собой обычно пустое, никак не организованное помещение, часто сарайного типа, ничем решительно не связанное с другими частями клуба, со всеми процессами постоянной клубной работы.

В рассмотренных нами постройках нет ни одной попытки найти какое-либо новое решение для клубного фойе. А такое решение могло бы значительно интенсифицировать как использование клубного помещения вообще, так и самую клубную работу. Прежде всего фойе может служить постоянным выставочным помещением для работ клубных кружков, но не путем простого использования стен под те или иные плакаты, монтажи и т. д., а путем организации всего этого помещения таким образом, чтобы в нем можно было постоянно сменять одни экспонаты другими, чтобы посетитель не оставался безучастным ни к одному из элементов оформления фойе, чтобы все это оформление было динамичным, подвижным. Нет никакой нужды сохранять традиционный тип фойе в виде большого зала; не уменьшая площади и, следовательно, вместимости, можно разбить фойе на ряд соединенных друг с другом комнат, с тем, чтобы диференцировать оформление каждой из них соответственно какой-либо отдельной теме. Наконец, применение подвижной и складывающейся мебели может облегчить превращение фойе (в те часы, когда оно не выполняет своей основной функции подсобного помещения к зрительному залу) в читальню, комнату для игр, детскую комнату и т. п. Совершенно несомненно, что и идеологическая эффективность всего клубного оформления значительно повысится, если фойе будет использовано для целого ряда новых назначений.

Столь же важным вопросом для клубной архитектуры представляется вопрос о трансформации отдельных частей клубного здания. В клубах им. Русакова и «Буревестник» мы имеем первую незавершенную попытку построить такого рода трансформирующиеся элементы: в первом клубе, по проекту арх. Мельникова, три яруса (находящиеся на одной высоте) зрительного зала должны отделяться при помощи особых подвижных стен-штор от основного зала; таким путем, по мысли архитектора, можно получить, вместо одного общего зала, 4 самостятельных, отделенных одно от другого помещения, и, следовательно, в одно и то же время проводить не одно, а четыре собрания, занятия и т. п. В клубе при фабрике «Буревестник» такая же подвижная стена-штора должна, по проекту, отделять зрительный зал от физкультурного, позволяя, в случае надобности, соединять оба эти зала в один большой.

Очень интересная и нужная мысль, к сожалению, получила в обоих этих примерах неудовлетворительное разрешение. Прежде всего технически не продумана и не разработана до конца самая система подвижных стен; дана лишь общая конструктивная идея, практически же не только не осуществленная, но повлекшая за собой большие неудобства (так, зрительный и физкультурный залы в клубе «Буревестник» отделены

друг от друга... листами фанеры). Главное же—самый этот принцип применен в обоих случаях не там, где это было бы наиболее целесообразно, в самом деле, возможность такой «трансформации» зрительного зала ничего, по существу, не может дать, во-первых, потому, что в зрительном зале обычно идут «громкие» работы, добиться же звуконепроницаемости при подвижных стенах крайне трудно, во-вторых, оборудование зрительного зала является обычно стационарным, а в ярусах к тому же обязателен крутой под'ем пола, так что при отделении тех или иных частей зрительного зала все равно нельзя их использовать на иные цели, кроме как в качестве тех же аудиторий или маленьких зрительных зал. Это и имеет место в клубе им. Русакова, где даже в том случае, если бы запроектированные подвижные стены действовали, большого эффекта от этого не получилось бы именно по указанным причинам.

Гораздо целесообразнее поэтому применение принципа подвижных стен не в зрительном зале, а в специальных клубных комнатах, где возможность увеличивать или дробить помещение в зависимости от того или иного назначения явилась бы очень важным средством как для повышения пропускной способности клубного здания, так и для наиболее эффективного использования клубного пространства. Этот вопрос неразрывно связан, в свою очередь, с проблемой внутреннего оборудования рабочего клуба, в частности с вопросом о клубной мебели.

Центральное место во всех рассмотренных клубных зданиях занимает, как это уже отмечено, ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ. В согласии с общей «театральной» установкой проектирования, архитекторы разработали формы зрительного зала с наибольшей полнотой и тщательностью по сравнению со всеми другими частями клубного комплекса. Почти во всех рассмотренных клубах, вне зависимости от тех или иных колебаний в размерах зрительного зала (от 370 мест в клубе завода им. Фрунзе до 1 050 мест в клубе на Стромынке), достигнута удовлетворительная видимость со всех мест, и нет жалоб на плохую акустику. Даже в таком зале, как зал стромынского клуба с его сложной композицией трех отдельных ярусов, имеется хорошая видимость из самых отдаленных пунктов. Дефектом некоторых зал («Буревестник» и др.) является обильное застекление, в частности даже потолочное, заставляющее при дневных киносеансах прибегать к громоздкой и неудобной процедуре затемнения путем штор, занавесей, полотнищ и т. п.

Однако клубный зрительный зал пред'являет к строителю не только общее для любого зрительного зала требование наилучшей видимости и акустики, СПЕЦИФИКУМ ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА РАБОЧЕГО КЛУБА заключается не только в том, что в этом зале не должно быть «хороших» и «плохих» мест, не должно быть подразделения, в старом смысле слова, на «партер» и «галерку»,—самый характер зрелищной работы клуба ДИКТУЕТ РЯД НОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ к оформлению зала, требований, достаточно резко отличающихся от традиционных типов и норм театрального помещения. Прежде всего зрелищная работа клуба предусматривает наиболее ПРОСТУЮ И ЛЕГКУЮ СВЯЗЬ СЦЕНЫ С САМЫМ ЗАЛОМ; этого же требует и применение зрительного зала под собрания, митинги и т. п. Клубное зрелище — не только

выездной спектакль центрального или районного театра. В основе клубной сцены лежит МАССОВАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ РАБОТА САМОГО КЛУБНОГО КОЛЛЕКТИВА, развивающаяся по тем принципам, какие, например, положены в основу деятельности ТРАМов. Этот тип самодеятельной театральной работы требует теснейшего ОБ'ЕДИНЕНИЯ СЦЕНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА С ЗРИТЕЛЬНЫМ ЗАЛОМ, чтобы действие могло перекидываться с подмостков в гущу зрителей, чтобы не только сцена, но и каждый угол зрительного зала мог быть использован для того или иного театрального воздействия. Отсюда—необходимость иной планировки самой сцены, а следовательно, и всего зала, нежели та, какую мы имеем в театрах сложившегося типа.

Творческий метод клубно-театральной работы, метод ТРАМа или какого-либо другого самодеятельного театра, конечно, резко отличается от сложившейся типологии профессионального театра, независимо от того или иного «направления» последнего. Большая связанность с политической злобой дня, с темами повседневной жизни, с работой и борьбой данного коллектива, использование на сцене приемов живой газеты, применение всевозможных приемов импровизационного характера — вот что отличает (или должно отличать) клубную сцену от профессионального театра. Этим чертам должно полностью соответствовать более подвижное, более легкое построение сценического пространства, дающее возможность применять не только переброску действия в зал, но и всевозможные сценические монтажи, «наплывы», световые транспаранты и т. д. Ко всему этому очень мало приспособлена сцена традиционного типа, преобладающая в рассмотренных нами клубах. А так как в некоторых из них по условиям помещения размеры сценической площадки к тому же очень малы, то клубная сцена не удовлетворяет ни требованиям специально клубного театра, ни тем требованиям, какие пред'являют гастролирующие «центральные» театры (невозможность установить, а иногда и пронести декорации, построить мизансцены и т. д.). В итоге получается, что рабочие не удовлетворены клубной сценой, так как спектакль гастролирующего театра приобретает на ней вид и характер любительского спектакля и в то же время она не дает широких возможностей для развертывания самодеятельной театральной работы.

Проблема клубной сцены стоит, таким образом, во весь рост перед нашей архитектурой, которая в теснейшем сотрудничестве с коллективами трамовского типа должна выработать новый тип клубной сценической площадки, а вместе с тем и всего оформления клубного зрительного зала ●.

Упомянем здесь же об одной, на первый взгляд чисто «технической», архитектурной задаче, теснейшим образом связанной, однако, со всей массовой работой клуба и оказывающей на эту последнюю далеко немалое влияние: мы говорим об устройстве

● Интересный проект специально клубной спортплощадки был опубликован в № 10 журнала „Строительство Москвы" за 1931 г. Этот проект предусматривает большую динамичность всего оборудования, позволяющего развертывать действие на двустенных планах, применять всевозможные „наплывы" и другие виды сценического монтажа и т. п.

и оформлении клубного ГАРДЕРОБА. К этой частице клубного комплекса большинство наших строителей относится с пренебрежением. В большинстве рассмотренных нами клубов для гардероба оставляется некое пространство, примыкающее к вестибюлю, рассчитывается количество вешалок, и этим дело ограничивается. В клубе «Буревестник» архитектор поступил еще проще: он выкроил из площади фойе прямоугольник, архитектурно ничем не отделенный от фойе, и обозначил это как гардероб. Последствием такой трактовки гардероба являются обязательная «пробка» перед началом спектакля или собрания и после его окончания, толкотня и длительное стояние посетителей в очереди за сдачей или получением одежды. Первое впечатление, первый шаг посетителя в стенах клубного здания оказывается, таким образом, самым «некультурным», самым дезорганизованным. Только в клубе им. Зуева (арх. Голосов) имеется некоторая заслуживающая внимания попытка рационализировать гардероб и гардеробное оборудование. Пренебрежительное отношение к этой части клубного комплекса недопустимо. В этом отношении необходимы специально рационализаторские мероприятия, причем представляется целесообразным об'явление специального конкурса на рациональное устройство помещения и оборудование клубного гардероба.

Оформление всего клубного комплекса нельзя мыслить БЕЗ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ КЛУБНОЙ МЕБЕЛИ. Все рассмотренные нами клубы демонстрируют в этой части настоящий провал: клубные помещения обставлены в одних случаях совершенно случайной сборной мебелью, иногда «антикварного» порядка (из барских особняков, мещанских квартир), иногда современной «стильной» продукцией рыночного типа, сохранившей в себе все черты опять-таки той же буржуазной «обстановки», в других случаях — новенькой мебелью Мосдрева или Ленинградского древтреста, предназначенной для контор и учрежденческих канцелярий, но никак не для клуба. Отсталость, консерватизм нашей мебельной промышленности, продолжающей по сей день плестись на поводу старых мещанско-стильных образцов, не умеющей ни решительно обновить типы своей продукции, ни придать ей хотя бы некоторое соответствие с требованиями нового быта, сказываются со всей яркостью именно в клубной обстановке. Новые клубы обставляются или наподобие учрежденческих кабинетов или, что еще хуже, буржуазных салонов (в высшей степени характерен приводившийся уже в литературе пример нового клуба металлистов в Днепропетровске, построенного по всем правилам современной бетонной архитектуры и обставленного внутри мягкими пуфами, кушетками будуарно-салонного образца, вплоть до... медвежьих шкур на полу). В наших 10 клубах мы не имеем, правда, таких ярких образчиков, как мебель днепропетровского клуба, но и здесь общая оценка клубной мебели может быть лишь самая отрицательная. Конторская, канцелярская мебель преобладает, иногда перемежаясь со случайными образцами сборной мебели по большей части типа «модерн» или же со всякого рода стильными остатками особняковых и мещанских «гарнитуров». Как правило, никакой диференциации мебели по отдельным видам клубной работы не проведено: одна и та же «обстановочка» обслуживает такие разнородные помещения, как читальни, фойе, комнаты отдыха, комнаты для кружковых занятий.

Правда, в единичных случаях были сделаны попытки изготовить специальную мебель для данного клуба по рисункам архитектора или специально приглашенного художника. Более или менее приемлемые образцы мы находим в клубе им. Зуева, где архитектор, строивший клуб, запроектировал также отдельные элементы клубной мебели. В иных случаях такого рода специальные проекты сами оказываются не лучше обычной случайной мебели, повторяя излюбленные нашей старой мебельной промышленностью черты «модерна» (клуб «Буревестник»). В общей же массе о клубной обстановке как таковой говорить вовсе не приходится: она подобрана сплошь случайно и никак не организована.

Эта сборная мебель резко нарушает и искажает все клубное оформление, бьет по идеологическому содержанию архитектурно-вещной формы рабочего клуба. Если собственно архитектурная форма, несмотря на все отмеченные существенные дефекты и промахи, все же уводит посетителя от традиционных типов буржуазного дома или барского особняка, то, попадая внутрь помещения, посетитель снова оказывается в окружении тех же мещанских интересов, которые подчас преподносятся ему как некий идеал «уюта», хорошего вкуса, «стиля».

Вопиющий разрыв этого внутреннего оформления со всем архитектурным замыслом очевиден. Но еще более резок разрыв между формами этой внутренней обстановки и теми задачами, какие пред'являются к ней как со стороны идеологического воздействия клубного комплекса, так и с точки зрения элементарного удобства в работе. Совершенно несомненно, что клуб во всех своих частях должен обставляться специально клубной мебелью, причем эта последняя должна быть построена на основе тщательного изучения главнейших функций клубной работы и диференцирована сообразно этим главнейшим отраслям (специальная мебель для кружковых комнат, для библиотеки и читальни, для комнат отдыха и фойе, для зрительного зала и т. д.).

Клуб открывает широкую возможность применения так называемой «встроенной» и складной мебели. Мы указывали уже выше на целесообразность архитектурной трансформации отдельных частей клубного помещения путем подвижных стен, соединения двух комнат в одну и т. д. Провести подобного рода усовершенствования невозможно без специальной мебели, которая позволяла бы менять назначение того или иного помещения путем складывания отдельных частей обстановки в стену и при помощи других приемов. Само собой разумеется, что нет никакой нужды культивировать всевозможную комбинированную мебель (которой одно время увлекались наши проектировщики) ради самого принципа или, вернее, «фокуса» с превращением дивана в стол и т. п., но при условии неразрывной связи мебельного проектирования с архитектурным можно добиться весьма положительных результатов именно в области «встроенной» мебели, т. е. такой, которая прикреплена к строительной коробке здания или наглухо (например, шкафы), или может при желании убираться в стену. «Встроенная» мебель значительно расширяет пределы полезной площади помещения, а также позволяет приспособлять одну и ту же площадь под разные виды клубной работы.

Перед нашей мебельной промышленностью и архитектурой стоит в качестве серьезнейшей задачи организация такого проектирования и массового производства клубной мебели, которые дали бы в итоге возможность ПОСТРОЕНИЯ КЛУБА КАК ЦЕЛОСТНОГО КОМПЛЕКСА. Это значит прежде всего, что при выработке типовых проектов клубных зданий должны быть разработаны одновременно и собственно АРХИТЕКТУРНЫЕ и МЕБЕЛЬНЫЕ его элементы. Это значит, что стандартизация мебели должна также учесть специфические особенности клубного оборудования и самые мебельные стандарты должны быть теснейшим образом связаны со стандартами строительными.

К вопросам организации «внутреннего пространства» клубного здания относится и весьма серьезная проблема ОКРАСКИ ПОМЕЩЕНИЙ. Наша архитектура начинает, наконец, подходить к этому вопросу после довольно длительного периода полного засилья «серых» цветов как во внешнем оформлении здания, так и внутри. До сих пор, однако, проблема остается как следует не разработанной, и окраска тех или иных новых зданий определяется обычно совершенно случайной прихотью строителя или заказчика, а то и механическим копированием из заграничных альбомов.

ЦВЕТ В АРХИТЕКТУРЕ—сильнейшее средство повышения идеологической эффективности архитектурной формы. Именно с этой основной точки зрения и надо подходить к разрешению вопроса о той или иной окраске клубного помещения. Если внешняя окраска здания должна быть обусловлена окраской всего комплекса данной улицы или квартала, то внутренняя окраска сама составляет определенный цветовой комплекс, и здесь следует провести точно такую же диференциацию по отдельным частям клубного помещения, как и в отношении мебели. При такой диференциации у нас нередко пробуют руководствоваться известными схемами В. Освальда, разработавшего вопрос о психофизиологическом действии тех или иных красок и рекомендующего, соответственно этому, применение одних красок для обстановки деловой комнаты, других — для комнат отдыха, третьих — для столовых и т. д. Применение освальдовских схем в наших целях возможно лишь при условии строго критической их проверки с точки зрения иных предпосылок и иных условий цветового восприятия в нашей социальной обстановке. Ибо восприятие это (как всякое восприятие) отнюдь не является каким-то внесоциальным «законом природы», а обусловлено многочисленными факторами общественного порядка. Если Освальд устанавливает, что такой-то цвет действует в положительном смысле, как «успокаивающий», способствующий отдыху организма и т. д., то переносить целиком такого рода рецепты, созданные на основе опыта в совершенно иной социальной среде, без проверки в нашу практику представляется нецелесообразным. Наша архитектура и в первую голову такая организация, как трест Малярстрой, должны заняться изучением этого серьезнейшего вопроса. Что касается уже готовых образцов внутренней окраски клубных помещений, то мы имеем, например, в клубе «Буревестник», попытки красочного оформления довольно случайного порядка; раскраска фойе выдержана в «изысканных» полутонах, капители бетонных столбов раскрашены почти супрематическими треугольниками,

потолок — пересекающимися прямыми линиями: более удачной представляется раскраска в клубе им. Русакова ●.

Совершенно особый круг вопросов составляют элементы изобразительного искусства в клубе. Мимо этих вопросов нельзя пройти, конечно, при рассмотрении клубного комплекса, однако вопросы эти настолько сложны и затрагивают столь различные формы изоискусства, что требуют специальной работы. В наших очерках этот вопрос затронут лишь мимоходом, и лишь в этих пределах мы можем его коснуться и здесь.

Если в области архитектурной проблемы рабочего клуба имеется ряд работ, за которыми нельзя не признать определенной экспериментальной ценности, как попыток отойти от строительных традиций и шаблонов старой архитектуры, то в области изобразительного оформления клуба, за исключением отмеченного опыта с фресками в клубе «Пролетарий», имеется повсеместное господство самого примитивного трафарета. ТЕ ГРОМАДНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КЛУБНУЮ МАССУ, КАКИМИ РАСПОЛАГАЕТ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО В КЛУБЕ, НЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ.

Клубный изоматериал статичен: репродукции одних и тех же картин или плохие масляные оригиналы, устаревшие плакаты — все это иногда годами висит на клубных стенах, переставая с течением времени вовсе восприниматься посетителем. В большинстве клубов обычным «украшением» стен служат цветные репродукции с весьма посредственных картин (вроде распространенных вещей худ. Бродского) да случайно развешанные плакаты.

Ознакомление с изобразительным материалом в рассмотренных десяти клубах приводит нас к бесспорному выводу о том, что изоискусство в клубе должно базироваться ПРЕЖДЕ ВСЕГО НА РАБОТЕ ИЗОКРУЖКОВ САМОГО КЛУБА, а весь изобразительный материал должен быть подвижным, часто сменяющимся, отвечающим на актуальные события и вопросы политической злобы дня или жизни данного предприятия, данного коллектива. К такому типу изоматериала должно быть приспособлено и его техническое оформление: не неподвижные картины в рамах, не прикрепленные к стене и подолгу висящие на ней плакаты, а легкое выставочное оборудование с подвижными щитами, сменяющимися транспарантами — вот что должно обслуживать клубный изоматериал, как правило, создаваемый самим клубным коллективом в лице его изокружков.

Это основное положение не исключает, конечно, таких постоянных элементов изобразительного материала, как портреты, как не исключает оно и применения в клубе фресковой росписи.

Время издания настоящей книги совпадает с периодом интенсивной перестройки культурной работы профсоюзов, в частности и работы клубов. Вместе со всей проф-

● Мы не касаемся здесь совершенно особой проблемы, связанной с росписью, именно проблемы фрески в клубе. О фреске в клубе смотри очерк о клубе металлистов „Пролетарий" в настоящей книге.

союзной деятельностью культработа решительно поворачивается лицом к производству. Место прежнего, в достаточной мере нейтрального культурничества занимает действенно-политическая установка всех сторон культурно-просветительной работы профсоюзов. Клуб становится как бы культцехом предприятия, одним из главнейших центров ударного движения на культурном фронте. В этих условиях особенно неуместным, политически неверным и реакционным является архитектурный шаблон, превращавший здание рабочего клуба в подобие районного театра с придатком в виде так называемых кружковых комнат. Между тем именно этот шаблон дает себя знать, а подчас и господствует в большинстве новых клубов, выстроенных за последние годы. Необходимость решительно преодолеть этот шаблон и повернуть клубную архитектуру навстречу политическому содержанию самой клубной работы становится тем повелительнее, что сейчас перед нами вплотную стоит вопрос о типизации клубного строительства.

Но для того, чтобы выработать правильные основы этой типизации, а ее самое не превратить в бюрократическую норму, надо сделать архитектурные проблемы рабочего клуба достоянием тех, кого клуб обслуживает. До сих пор ни при заказе архитектору, ни при приемке готового проекта почти совершенно не привлекались рабочие — члены и посетители будущего клуба. Больше того, архитектор получал заказ в высшей степени неопределенный, предоставлявший ему широкую возможность творить отсебятину, что при малом знакомстве архитекторов с самим содержанием клубной работы и приводило к таким последствиям, какие описаны в ряде очерков настоящей книги.

Когда эти очерки читались их авторами на месте, в соответствующих клубах, то за ними, как правило, следовал целый поток высказываний рабочих—посетителей клуба, содержавших резкую критику или архитектурного оформления в целом или отдельных его деталей. Эта критика касалась как функционально-технической стороны клубных помещений, так и идейной выразительности его архитектурных форм. К этому последнему моменту, идеологическому качеству архитектуры, рабочие—посетители клуба — проявляли большую чуткость.

«Клуб остается чуждым рабочему : он приходит сюда, как на вокзал»,—так выразился, оценивая архитектуру клуба «Буревестник», один из членов клубного актива. В ряде других высказываний отмечалось отсутствие в клубных зданиях главнейших предпосылок для выполнения основных задач клубной работы; эти коренные пороки клубной архитектуры совершенно правильно связывались выступавшими С КАБИНЕТНЫМ МЕТОДОМ ПРОЕКТИРОВАНИЯ, преобладавшим во всей работе архитектора над своим заданием. Даже в тех редких случаях, когда архитектурный проект подвергался тому или иному обсуждению рабочих и клубных работников, это фактически очень мало влияло на суть дела, ибо, как отметил председатель культкомиссии завода «Каучук», «рабочим очень трудно критиковать архитектурный проект в том виде, в каком он обычно преподносится». Отсюда — важнейший вывод: АРХИТЕКТУРНЫЕ

 ПРОЕКТЫ РАБОЧИХ КЛУБОВ ДОЛЖНЫ НЕ ТОЛЬКО ПОДВЕРГАТЬСЯ ШИРО-

КОМУ ОБСУЖДЕНИЮ В СРЕДЕ БУДУЩИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ КЛУБА, НО ЭТО ОБСУЖДЕНИЕ И ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОЕКТОВ ДОЛЖНЫ СОПРОВОЖДАТЬСЯ ТАКИМ «ЧТЕНИЕМ ПРОЕКТА, ЧЕРТЕЖЕЙ И ПРОЧ., КОТОРОЕ СДЕЛАЛО БЫ ВЕСЬ ПРОЕКТНЫЙ МАТЕРИАЛ СОВЕРШЕННО ПОНЯТНЫМ И ДОСТУПНЫМ КАЖДОМУ УЧАСТНИКУ ОБСУЖДЕНИЯ.

Это не исключает, конечно, самой углубленной и тщательной работы над ТИПИЗАЦИЕЙ клубного строительства. Но эта типизация должна, в свою очередь, заключаться не только в простом нормировании размеров отдельных элементов клубного здания, но и дать совершенно четкие указания об общем архитектурном подходе к проблеме рабочего клуба. КЛУБНОЕ ЗДАНИЕ — НЕ МЕХАНИЧЕСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗАЛ, КОМНАТ, ПЛОЩАДОК, А ОРГАНИЧЕСКИ ЦЕЛЬНЫЙ, ЕДИНЫЙ КОМПЛЕКС. Этот комплекс не только охватывает и гибко обслуживает разносторонние отрасли клубной деятельности, но и сам составляет неразрывную часть последней: архитектура клуба выполняет не одну лишь роль технического оборудования для клубной работы, но и САМА НЕСЕТ СОВЕРШЕННО ОПРЕДЕЛЕННУЮ ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ СЛУЖБУ В ПЛАНЕ ЭТОЙ РАБОТЫ.

А это означает, что из клубного строительства должны быть решительно и бесповоротно изгнаны всякий эклектизм, всяческие беспринципные смеси различных «стильных» образцов, всякие «левые» (а на деле реакционно-эстетские) решения в духе формалистического конструктивизма и узкого «функционализма».

Это означает, что архитектура должна исходить не из противопоставления технически-функциональной стороны здания его художественному содержанию, а из единства того и другого, единства, определяемого идеологией пролетариата, той идеологией, выразителем которой рабочий клуб призван быть во всех формах и проявлениях своей деятельности.

оглавление

книги

10

рабочих

клубов

москвы

2 75
копеек

10
РАБОЧИХ
КЛУБОВ
МОСКВЫ

1 Клуб имени П. Алексеева

2 Клуб имени т. Фрунзе

ДЕСЯТЬ РАБОЧИХ КЛУБОВ МОСКВЫ

3 Клуб „Красные текстильщики“

4 Клуб имени т. Зуе

